

Детск. Чтен.

1788.

2. 13-14.

12543

Д Ъ Т С К О Е

Ч Т Е Н І Е

12543

Д І Я

С Е Р Д Ц А и Р А З У М А.

Ч А С Т Ь XIII.

ВЪ Университетской Типографіи,

у Н. Новикова,

1788.

„Мнѣ эпова совсѣмъ и въ голову не приходило. У паука восемьъ глазъ, влажная губка въ когтяхъ, и у рта клещи!„ —
 Если бы ты посмотрѣлъ на паука въ микроскопъ, то увидѣлъ бы въ немъ все

А 4

это

рымъ пауки вездѣ прилѣпляются. На конѣ брюха у паука шесть мускульныхъ бородавокъ, къ верьху острыхъ, въ которыхъ образуется жидкость, дѣлающаяся шелкомъ, когда высохнетъ и выйдетъ изъ бородавокъ. Каждая изъ шести бородавокъ составлена еще изъ тысячи непримѣтныхъ бородавочекъ, чрезъ которыя выходитъ такое же число нитей. Разсматривая тонкость сего пауковаго шелка, составленнаго изъ шести тысячъ невидимыхъ нитей, не можно воображеніемъ понять чрезвычайной тонкости нѣхъ нитей, которыя выходящъ изъ непримѣтныхъ бородавокъ. — Не у всѣхъ пауковъ одинакое число глазъ, которые у всякаго почти рода расположены ошибно. Пауковъ считается восемь родовъ: паукъ домовый, садовый, черной, бывающій въ погребяхъ — злой паукъ или тарангуль, въ Италіи весьма извѣстной — водяной, кирпичной, или шпѣ, которой на
 камен-

это ясно; даже и простымъ глазомъ можно это увидѣть въ большомъ паукъ. ---
 „И шакъ я веляю принести себѣ большихъ пауковъ; по тому что мы неоптмѣнно хочемся видѣть губки, клещи и восемь глазъ.“

каменныхъ спѣнахъ держится — переходной, или шомъ, которой долго не быв епѣ на одномъ мѣстѣ (vagabonde) — и полевой паукъ съ долгими ногами. — Изъ пауковаго шелка дѣлали перчатки и чулки; но онѣ хуже шелка шелковыхъ червей. — На Американскихъ островахъ много большихъ пауковъ; бывающѣ величиною съ кулакъ, но они не ядовиты. Когда сіи пауки состарятся, то бываетъ на нихъ черноватой пухъ, мягкой и густой какъ бархатъ. Паутина ихъ шакъ крѣпка, что маленькимъ пшицмъ трудно изъ нее вылетѣть. По увѣдомленію нѣкоторыхъ жителей, волоски ихъ жгутся какъ кропива. — Въ Луизіанѣ есть родъ пауковъ, которые толщиною будутъ съ голубиное яйцо, но гораздо длиннѣе. Цвѣтомъ они черные съ золотыми крапинами. Сіе насѣкомое дѣлаетъ на деревьяхъ паутины изъ толстаго, витаго и позолоченнаго шелка, подъ которыми часто садятся пшицы. — На островѣ Цейлонѣ есть паукъ серебрянаго цвѣта.

любова: я не могла въ Сказкѣ моей говорить о всѣхъ чудныхъ животныхъ, описанныхъ въ моихъ извлеченіяхъ. Теперь я вспомнила одного звѣря: хотите ли, чтобы я вамъ описала его? — „Ахъ, матушка! съ радостію будемъ васъ слушать.“

Представьте себѣ мохнастое, желпо-вашее чудовище, у котораго восемь ногъ, и на каждой ногѣ два когтя, а въ когтяхъ влажная губка. Кромѣ осьми ногъ, есть у сего чудовища два рода рукъ, которыми хватаетъ онъ свою добычу. Подобно Аргусу, лице его покрыто глазами. Ихъ у него восемь. Всѣ они разположены оваломъ на лбу. Двои страшныя клещи съ острыми крючками, которыя, кажется, выходятъ изъ его рта — — „Какое же чудовище!“, — Есть и чуднѣйшіе звѣри. Повѣрите ли вы, что есть такія животныя, которыя размножаются отъ того, что ихъ рубишь; что животное, разрубленное на восемь, десять, двадцать, шрицать, сорокъ частей, во столько же разъ умножается? — „Въ самомъ дѣлѣ, матушка?“, — Не трудно угадать имени этого животнаго, сказалъ Сво-мысловъ. А знаете ли вы другое животное, о которомъ матушка теперь говорила,

рила? спросила у Своемыслова Катерина. Признаюсь, опвѣчалъ Спудентъ, что описаніе эпова животнаго естъ для меня загадка. Однакожь оно точно справедливо, сказала Гж. Добролюбова. Можетъ быть забыла я еще нѣкоторыя примѣчанія достойныя подробности въ этомъ описаніи; но знаки, которые вамъ я сказала, такъ примѣчательны, что всякой бы могъ узнать это животное — всякой, говорю, кто только чпшалъ описаніе его. ---- „Въ какихъ земляхъ, матушка, живетъ это чудовище?“, --- У насъ въ Россіи, и вездѣ, --- „Въ Россіи?“, ---- Не только въ Россіи, да и въ селѣ Уединенномъ; вы видали его тысячу разъ. --- „Ахъ, матушка! увѣряю васъ, что такого звѣря я отъ роду не видала. Пожалуйте, скажите намъ его имя.“, ---- Паукъ, обыкновенной домовой паукъ (*). ---- „Мнѣ

(*) Сіе описаніе паука точно справедливо. Посредствомъ маленькаго клубка, подобнаго не много намоченной губкѣ, которой паукъ держитъ въ двухъ когтяхъ своихъ, онъ ходитъ и ползаетъ по самымъ гладкимъ тѣламъ. Изъ сихъ губокъ выходитъ вязкой сокъ, которыми

ДЕРЕВЕНСКІЕ ВЕЧЕРА.

Продолженіе.

Мнѣ кажется, сударыня, сказалъ Своё-
мысловъ Гж. Добролюбовой, что вамъ
бы лучше было представить дѣтямъ побо-
лѣ явленій электрической силы, въ самой
сказкѣ, или въ примѣчаніяхъ. Увѣряю васъ,
опивъчала Гж. Добролюбова, что эпова не
льзя было мнѣ сдѣлать, и по весьма осно-
вательной причинѣ; именно же по тому,
что я совсѣмъ не знаю Физики. — „Съ
великимъ удовольствіемъ взялся бы я обра-
ботать эту часть примѣчаній, если бы
вы удостоили меня вашей довѣрен-
ности.„ — Какъ ученому работать вмѣстѣ
съ неученою? Къ тому же женщина
не должна позволять мужинѣ участвовать
въ ея сочиненіяхъ и для того, чтобы его
не почли подлиннымъ Авторомъ, а ее
Часть XIII. No. 1. А 2 тще-

шщеславною, приписывающею себѣ сочиненія другихъ, чему въ липпературѣ Французской найдемъ многіе примѣры. — И такъ, сударыня — сказалъ съ насмѣшкою Своемысловъ, котораго самолюбіе оскорбилось словами Гж. Добролюбовой — и такъ естѣли вы сдѣлаесть совершеннымъ Авторомъ и будете печатать ваши сочиненія, то ни у кого не спросите совѣта? Нѣтъ, сударь, отвѣчала Гж. Добролюбова: я спала бы прежде чипать свои сочиненія, но только не *ученымъ* людямъ, а своимъ ближнимъ; я искалъ бы не пустой похвалы, а почной правды. Естѣли бы слуша-тели мои задремали, или спали бы ску-чать; то я употребила бы въ пользу эту кришку, которая для меня всякой иной вѣрѣе и справедливѣе.

Своемысловъ не отвѣчалъ ничего, но внутренно сердился. Гж. Добролюбова переѣнула разговоръ, а черезъ нѣсколько минутъ дѣпи опять стали говорить о Сказкѣ. Какъ Альфонсъ былъ щасливъ, сказалъ Пепръ, видѣвши такое множество чудесъ! Когда вырасту, такъ и я буду путешествовать — и съ батюшкою. Увижу множество удивительныхъ деревъ и чудныхъ живошныхъ — — Кстапи вспомнилъ шы миѣ, перервала Гж. Добролюбо-

Своемысловѣ, которой все еще досадовалѣ, что не узналѣ паука, перервалѣ наконецѣ молчаніе и сказалѣ дѣшамѣ: матушка ваша справедливо сказала вамѣ, что въ Сказкѣ своей говорила она только о немногихѣ явленіяхѣ, представляемыхѣ намѣ Природою; на прим. она ничего не говорила о бобрахѣ и слонахѣ. Можетѣ быть для того, сказалѣ Петрѣ, что мы уже знаемѣ исторію этихѣ звѣрей; матушкѣ извѣстно — — Я вамѣ ничего не говорила и о другихѣ чудныхѣ животныхѣ, перервала Гж. Добролюбова, которыя не такѣ извѣстны, какѣ слонѣ и бобрѣ, на прим. о тукаѣ (*), камихи-

(*) *Туканѣ* есть птица, наиболѣе удивительная по несоразмѣрной толщинѣ и длинѣ своего носа, которой не только ни въ чемѣ ей не полезенѣ, но и мѣшаетѣ еще ей летать. Длинной ея языкѣ еще ей бесполезнѣ. Онѣ не есть мясистой или хрящеватой органѣ, но обыкновенное перо, которому длинной носѣ сей птицы служитѣ наперникомѣ. Имя Туканѣ значитѣ на Бразильскомѣ языкѣ перо.

Туканы находятся во всѣхѣ теплыхѣ мѣстахѣ Полуденной Америки. Перья сихѣ птицѣ весьма хороши.

хи (*), чужестранныхъ летучихъ мышей (**)
и проч

Своемысловъ ломалъ свою голову,
чтобы найти какую нибудь чудесность,
про-

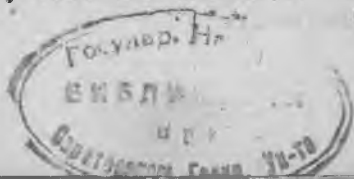
(*) *Камик* есть большая черная птица въ
Америкѣ, примѣчательная по своему про-
ницательному крику и по тому, что у
нее на каждомъ крылѣ двѣ большія
шпоры, а на головѣ острая корона, ко-
торая длиною въ шри или чешыре дюйма;
и кошорой плоскость будетъ въ діаметрѣ
двѣ или шри линіи.

(**) Летучихъ мышей много въ разныхъ
земляхъ; но въ теплыхъ мѣстахъ бы-
ваютъ онѣ ужасной величины. Въ Аме-
рикѣ есть родъ большихъ летучихъ
мышей, кошорыхъ Г. Бюффонъ назвалъ
Vampire, для того что онѣ высасываютъ
кровь изъ спящихъ людей и звѣрей. Видъ
сихъ мышей опрещительнъ — Путе-
шественники согласно утверждаютъ,
что онѣ высасываютъ кровь изъ спящихъ
людей и звѣрей, ихъ не пробуждая.
Г. Бюффонъ думаетъ, что онѣ не зубами
и не когтями раздраютъ у животныхъ
кожу, но что языкомъ могутъ онѣ
дѣлать въ кожѣ маленькія отверстія,
изъ

еще чуднѣ паука.,, — Естли ты очень
желашь видѣть это чудо, то желаніе
твое

кошорыхъ прежде почитали морскими
растеніями. Малые морскіе полипы суть
самые малые звѣрки, не примѣченные и
хорошими Наблюдателями, кошорые почили
ихъ за цвѣты. Сіи-то червячки, кошорыхъ
роды безчисленны, составляютъ
кораллы, морской мохъ, лиесфитовъ,
морскую кору (escarre), губки, разные
роды мадрепоровъ или каменисныхъ
морскихъ растеній; и всѣ иныя сущности,
кошорыя были почитаемы за растенія;
но Господи Пуасоніель, Реомюръ, Бер-
нардъ де Жюссье и прочіе, нашли, что
сіи мнимыя растенія суть не что иное,
какъ жилищи, дѣлаемыя разными родами
червячковъ, кошорые въ безчисленномъ
множествѣ размножающіяся, и что сіи
жилищи, каждымъ червячкомъ особливо
для себя дѣлаемыя, суть въ разсужденіи
полиповъ то, что осинья гнѣзда въ
разсужденіи осѣ. И такъ переслали ихъ
называшь морскими растеніями, а на-
звали растеніями полипными, или поро-
жденіями полиповъ. Кромѣ сихъ полиповъ
находящяся еще большіе морскіе полипы,
какъ-то морская кошка, морской заяцъ,
и проч. У сихъ животныхъ на головѣ

бы-

швое могу удовольствоваться. --- „Развѣ выпишите полиповѣ изѣ чужихѣ краевѣ? Ахѣ! какѣ вы милоспивы, матушка!„ — Завтра они у васѣ будутѣ. — „Какѣ же этому спастѣся?„ ---- Вѣ нашихѣ прудахѣ ихѣ множество. ---- „Вѣ нашихѣ прудахѣ! а мы не знаемѣ и имени эпова чуднаго живошнаго!„ --- Вездѣ показывающѣ намѣ Природа множество чудесѣ. Невѣжество лишаетѣ насѣ удовольствія знать ихѣ и удивляющѣ имѣ; а просвѣщенной человекѣ на всякомѣ шагу находитѣ примѣчанія доспойные предметы. --- „Мы станемѣ спрашивать, будемѣ читать, доспанемѣ микроскопы и начнемѣ разсмащривать всѣхѣ насѣкомыхѣ, какихѣ только можно найти вѣ селѣ Уединенномѣ; по крайней мѣрѣ узнаемѣ то, что насѣ окружающѣ.„

Сво-

бываютѣ ноги или руки; длиною они обыкновенно отѣ трехѣ дюймовѣ до трехѣ футовѣ. Они кладутѣ лица. Не извѣстно, такѣ ли они плодящѣся, какѣ полипы живущіе вѣ прѣсной водѣ. Извѣстно только, что руки ихѣ снова вырастаютѣ, когда ихѣ отрѣжешь, такѣ какѣ раковыя клешни. Древніе употребляли большихѣ морскихѣ полиповѣ вѣ пищу.

глазѣ., — А я стану чипать вамѣ на Французскомѣ языкѣ описаніе пауковѣ разнаго рода. Вы услышите многія примѣчанія достойныя подробности. —

„Какѣ же называется другое животное, которое размножается отѣ того, что его рубишь?„ — Полипѣ, живущій вѣ прѣсной водѣ (*) — „Этова звѣря не

А 5 знаю,

(*) Полипы, живущіе вѣ прѣсной водѣ, бываютѣ различны величиною и цвѣтомѣ. Г. Трамблей говоритѣ о трехѣ родахѣ сихѣ полиповѣ, которыхѣ называетѣ онѣ *долгорукими*. Полипы перваго рода суть самыя меньшіе, не долѣе пяти или шести линій, и найди ихѣ легко: надобно только взять нѣсколько широкихѣ листовѣ, плавающихѣ обыкновенно на болѣтахѣ, и положить ихѣ вѣ прозрачной водою наполненной сосудѣ: то увидишь, какѣ полипы, которые сначала покажутся зелеными почками, станутѣ протягивать руки свои. При малѣйшемѣ движеніи прячетѣ сіе насѣкомое руки и показывается опять только зернышкомѣ зеленой матеріи. Рукѣ бываетѣ у полиповѣ обыкновенно не менѣе шести, а не болѣе двѣнадцати. Сіи насѣкомыя переходящѣ съ мѣста на мѣсто, но

только-

знаю; онѣ конечно иностранной. Жаль, что его у насъ нѣтъ, по тому что онѣ еще

только всѣ ихъ движенія бываютъ чрезвычайно медленны. Если хочешь видѣть размноженіе полиповъ посредствомъ раздѣленія, то налей на ладонь не много воды и положи туда полипа; и когда онѣ разжмется, то разрѣжь его на двое. Та часть, гдѣ будетъ голова его, въ тотъ же день спанетъ двигаться и ѣсть, если только опытъ сей сдѣлаешь въ теплые дни. На задней части черезъ двадцать четыре часа нараспуть руки, а черезъ два дни будешь она совершеннымъ полипомъ, протянетъ свои руки и будешь ловить добычу. Перемѣняя всячески опыты, увидишь все новыя явленія. На сколько часей разрѣжешь сіе животное, столько выдешь изъ него и полиповъ. Полипы раздражаются сами собою посредствомъ отростковъ. На полипѣ примѣчаютъ растающую маленькую бородавку, которая есть голова молодого подипа. Въ теплую погоду полипъ въ двадцать четыре часа образуешь и всѣмъ спидѣляется. Иногда изъ одного полипа выходятъ осьмнадцать маленькихъ.

Весьма еще не давно нашли полиповъ, въ прѣсной и морской водѣ живущихъ, кото-

пропущенную Госпожею Добролюбовою въ ея Сказкѣ, и наконецъ сказалъ: надобно замѣнить, что царство распеній и минераловъ, не говоря уже о живописныхъ, представляетъ множество явленій, о копорыхъ вы намъ, сударыня, не извоили сказать ни слова въ вашемъ крапкомъ сочиненіи. Впрочемъ мнѣ кажется, что вы бы могли кспати упомянуть въ Сказкѣ вашей о восковомъ деревѣ (*),

пра-

изъ которыхъ сосутъ кровь. Хотя онъ не видалъ языка ихъ, однакожъ думаетъ, что онъ подобенъ языку *рузеты*, другаго рода лешучихъ мышей, которой осыпанъ жесткими, весьма тонкими и острыми бородавками, и отъ того подобенъ жалу.

(*) Такъ называемое *восковое дерево* есть кустъ. Его два рода: одного рода дерева растутъ въ Луизианѣ, другаго въ Каролинѣ. Сіе дерево видомъ подобно миршовому кусту, да и листья сего почти такъ же пахнутъ. Въ почкахъ его, которыя будутъ величиною съ коріандровыя зерна, находятся орѣхи, покрытые нѣкоторымъ родомъ смолы, похожей на воскъ; изъ нее дѣлаютъ свѣчи,

Мыль.

прѣвѣ недопрогѣ (*), флаксинеллѣ (*),

Мыльное дерево растетъ въ Китаѣ и Гвианѣ, и величиною бываетъ съ большое вишневсе дерево. Плодъ его состоитъ изъ бѣлыхъ зеренъ, величиною съ орѣхъ, которыя по свойству своему подобны мылу; изъ нихъ свѣчи дѣлаютъ. Дерево же производитъ и курищельные порошки; а Китайцы достаютъ прекрасной свой лакъ также изъ дерева.

(*) Какъ скоро пронешь сію траву, то листы ея тотчасъ увянутъ, и по томъ, какъ скоро пустишь ихъ, примутъ опять свѣжій видъ свой. Г. Адансонъ видѣлъ въ Африкѣ недопрогу, которой листы наклоняются къ землѣ, еслии черезъ нее шагаешь. Говорятъ, что въ Панамѣ есть кустъ съ игловатыми листьями, котораго вѣтви наклоняются, когда идешь мимо, и будто бы стараются приспастъ къ плащю мимоидушаго. По тому, что сей кустъ наклоняется передъ идущими, назвали его *Bonjour*, то е. *Здравстуйте*. Въ саду Короля Французскаго есть недавно найденное растеніе, родящееся въ Опагипи; оно есть родъ недопроги, но гораздо удивительнѣе сей травы.

(*), азбестъ (**), и проч. Сказавъ сіе важнымъ голосомъ, Своемысловъ вспалъ и вышелъ вонъ, будучи весьма доволенъ своею памятью. Катерина засмѣялась и сказала: я думаю, машушка, что Г. Своемысловъ не много на васъ осердился. Естли бы это и такъ было, отвѣчала Гж. Добролюбова, то все бы не надлежало мнѣ этого сказывать. Положимъ, чтобы Г. Своемысловъ и дѣйствительно осердился, однакожъ его можно извинить тѣмъ, что онъ никогда не жилъ въ большомъ свѣтѣ, въ которомъ хотя и лишаются многихъ

Част. XIII. №. 2. Б добро-

- (*) Флаксинель есть растение, родящееся среди лѣсовъ въ Лангедокъ, Провансѣ, Испаніи и Германіи. Концы стебля и сѣменникъ покрыты множествомъ пузырьковъ дѣйствительнаго масла, что легко можно примѣнить съ помощію микроскопа. Сіе растение лѣтомъ поутру и ввечеру выпускаетъ эфирныя горючіе пары, и въ такомъ изобиліи, что естли поставишь подлѣ сего растенія зажженную свѣчу, то дѣлается превеликое пламя, обнимающее все растение, которое кажется тогда огненнымъ.
- (**) Азбестъ принадлежитъ къ Фосиліямъ, или изъ земли вырываемымъ сущностямъ

добродѣтелей, однакожь всегда научаются скрывать грубое самолюбіе. Нѣсколько уже разѣ швердила я вамѣ, что вы обязаны почищать учителя брата вашего, и что не только не позволено намѣ ни съ кѣмѣ говорить худо о тѣхѣ людяхѣ, съ которыми бываемѣ въ какой нибудь связи, но что надобно стараться и совѣмѣ забывать пороки ихѣ. — Такое наставленіе пронудило Катерину: она спала пла-

и состоитѣ изѣ разныхѣ отдѣленныхѣ нитей. Есть разные роды Азбеста: есть желтой, сѣрой и бѣлой; даже зеленой и красной. Его прядутѣ и дѣлаютѣ изѣ него полотно, которое въ огнѣ не горитѣ; огонь его только чиститѣ или бѣлитѣ, пожирая примѣсѣ чуждыхѣ частицѣ. Однакожь огонь всегда убавляетѣ вѣсѣ его. Во времена древнихѣ Грековѣ и Римлянѣ сжигали въ Азбестовомѣ полотнѣ трупы Царей, чтобы пепелѣ ихѣ не мѣшался съ пепломѣ дерева. Изѣ Азбеста хорошо дѣлать свѣщильни, потому что онѣ не подверженѣ никакой перемѣнѣ, которая могла бы затемнить свѣтѣ. Язычники употребляли его на свѣщильню въ тѣхѣ лампадахѣ, которые употребляли для освѣщенія похоронѣ.

плакать. А какъ слезы ея производили отъ раскаянія, то она скоро получила прощенье и по прежнему спала весела.

Вечеру начали читать примѣчанія къ Альфонсовой исторіи. Сіе чтеніе продолжалось нѣсколько вечеровъ съ ряду; а какъ оно кончилось, то Петръ замѣтилъ, что одно чудо въ сказкѣ не было изъяснено. На Канарскихъ островахъ, сказалъ онъ, побывавши въ пещерѣ Гуанхесовъ, пришелъ Альфонсъ на берегъ озера, гдѣ увидѣлъ чудной столпъ, послѣ чего мочилъ его необыкновенной дождь; и когда увидѣлся съ Телисмаромъ, то услышалъ отъ него, что онъ уже зналъ все то, что приключилось ему на берегу озера. Телисмаръ сказалъ ему, что онъ видѣлъ его тамъ изъ своего сада, хотя отсюда до озера было не менѣе двухъ Французскихъ миль. — Правда, отвѣчала Гжа. Добролюбова, что я не изъяснила этого въ моихъ примѣчаніяхъ. Приходите завтра въ нашъ бельведеръ: тамъ изъясню вамъ все чудо. Дѣти были весьма рады такому обѣщанію, и на другой день по утру собрались всѣ въ бельведеръ. Тамъ увидѣли большую машину, которой дѣти еще съ роду не видали. Онъ спросили о имени ея. Это телескопъ, отвѣ-

чала Гжа. Добролюбова. Елисавета! сядь прямо прошивъ эпова спекла и смотри. Чпо я вижу? закричала Елисавета: деревню, до которой, кажется, не болѣе двухъ шаговъ. --- „Эпо деревня Г. Чванова, до которой отсюда нѣсколько версшъ.„ --- Ахъ! эпо не вѣроивно, мапушка . . . Я вижу всѣхъ людей, которыя тамъ ходятъ . . . На барскомъ дворѣ женщина кормитъ куръ . . . пастухъ гонитъ стадо въ поле . . . старуха съ сумою стоитъ у верошъ — — Катерина не дала Елисаветѣ болѣе говорить, прося неопстунно пустишь ее на свое мѣсто.

Посмотрѣвъ въ трубу, закричала Катерина: ахъ, мапушка! я вижу Софью, точно ее вижу! . . Она говоритъ на крыльцѣ съ дѣвками . . . передъ нею стоятъ ведра . . . конечно съ молокомъ . . . Я обѣ закладъ бьюсь, чпо ей поручено смотрѣть, какъ доятъ коровъ: какъ же ей весело! Миѣ сы самой хотѣлось, мапушка, присматривать за скопнымъ дворомъ и присираать къ мѣсну молоко. . . . Софья наклоняется . . . теперь поднялась . . . теперь опять наклоняется . . . теперь оборотилась къ ворошамъ и рукою манитъ къ себѣ старуху. Ахъ, братецъ! позволь миѣ еще немного посмотрѣть! . .

Софья

не лзя назватъ чудомъ; онъ былъ отмѣн-
ной ребенокъ, а не чудесной. „ — Естли
же и такова ребенка не лзя назватъ чу-
деснымъ, то что же я? — „Обыкновен-
ной ребенокъ. Впрочемъ отъ тебѣ зави-
ситъ выпсти изъ числа обыкновенныхъ
дѣтей; будь только попрлѣжнѣе и тер-
пѣливѣе. „ — Однакожь, мапушка, мнѣ
никогда не сочинять рѣчей. — „По-
чему? „ — Да мои рѣчи будутъ очень
дурны. — „Не любовался ли ты головою,
которую вчера нарисовалъ? „ — Правда,
мапушка; мнѣ всѣ говорили, что она
была очень хорошо нарисована. — „Не
уже ли ты думаешь, что она не хуже
оригинала? „ — Нѣтъ, мапушка. —
„Однакожь по лѣтамъ твоимъ эотѣ ри-
сунокъ очень хорошъ. Таковы могутъ
быть и рѣчи твои. „ — Теперь мнѣ очень
захотѣлось сочинять рѣчи. Жаль только,
что нѣтъ у меня времени. — „Когда
ты гуляешь, когда въ саду работаешь,
то не уже ли думаешь только объ однихъ
деревахъ и цвѣтахъ? „ ---- Нѣтъ, ма-
пушка, я думаю о многихъ другихъ ве-
щахъ. --- „И такъ въ эшо время зани-
майся какими нибудь однѣми хорошими
мыслями; думай, думай, и будешь Сочи-
нишелемъ. „ ---- Сказывайте мнѣ только

всякое утро, о чемъ мнѣ думать. — „Хорошо; а ты передъ ужиномъ давай мнѣ отчесть въ своихъ размышленіяхъ. — Иногда дадите вы мнѣ матерію для басни, иногда для рѣчи. Я стану все располагать въ головѣ своей, и чувствую, что мнѣ никогда не будетъ скучно и одному; мнѣ только тогда бываетъ скучно, когда думать не о чемъ. — „Вотъ причина самой несносной скуки. Когда приходятъ къ намъ въ голову сбродныя мысли, то онѣ лягочатъ насъ сполько же, сколько бы тяжко было другимъ людямъ, если бы мы спали имъ изъяснять мысли наши словами. Напротивъ того намъ бываетъ очень пріятно, когда наше воображеніе работаетъ, и когда размышляемъ о чемъ нибудь важномъ.

Но возвратимся къ книгѣ, которую тебѣ дала я читать. Что ты особливо замѣтилъ въ первомъ томѣ? — „То, что болѣе прочаго принесло мнѣ удовольствія. Я замѣтилъ басню, сочиненную самимъ Дюкомъ Бургонскимъ, когда онъ еще былъ ребенкомъ. Эта басня называется *путешественникъ съ собаками*; я перевелъ ее и Г. Своемысловъ поправилъ мой переводъ. — Какого она содержания? — „Ликасъ отправился въ дорогу съ

Софья сошла съ крыльца и говоритъ съ старухою . . . подводитъ ее къ крыльцу и сажаетъ . . . сама входитъ на крыльцо и уходитъ въ домъ. ---- Теперь моя очередь, сказалъ Петръ. ---- „Ахъ, братецъ! погоди немного . . . Софья вышла, и сходитъ съ крыльца . . . пошла къ старухѣ и дастъ ей деньги . . . Какъ же любезна Софья! какъ же ее люблю! — Сказавъ сіе, Катерина встала, а Петръ заснулъ въ ея мѣсто. Онъ не видалъ ничего примѣчанія достойнаго. Софья ушла въ домъ, а старуха, нѣсколько разъ перекрестившись, пошла со двора. -- Петръ понялъ тогда, какъ Телисмаръ могъ изъ саду видѣть Альфонса, коимъ былъ онъ него за нѣсколько верстъ.

Во весь день говорили только о телескопѣ и Софіи. Катерина дивилась тому случаю, чрезъ который узнала добродѣтель сей любезной дѣвицы. Она никакъ не могла думать, говорила Катерина, чтобы мы были свидѣтелями ея сегодншняго поступка. Всякой день выходящъ наружу еще сокровеннѣйшія дѣла, сказала Гж. Добролюбова, и такимъ случаемъ, котораго совѣмъ не лзя было чаять. И такъ всего безопаснѣе поступать всегда такъ, какъ бы при свидѣтеляхъ; по тому

что не только Богъ видѣтъ насъ во всѣхъ минувшей жизни нашей, но и случай, любопытство человѣческое, болтливость слугъ и измена друзей, часто открываютъ наши тайны.

Послѣ обѣда спросила Гжа. Добролюбова у сына своего, прочиталъ ли онъ первой томъ книги, которую дала она ему за нѣсколько дней передъ тѣмъ, и какова она ему показалась. Сія книга была Французская, *la Vie du Dauphin, règne de Louis XV.* Петръ отвѣчалъ, что сіе сочиненіе восхищаетъ его, и по тому болѣе, что въ немъ подробно описывается дѣйствіе сего Принца; во всѣхъ же другихъ Исторіяхъ о дѣтяхъ никогда много не говорится. — „Ты мало читалъ *другихъ Исторій*; слѣдственно твое заключеніе основывается только на одномъ предположеніи или чаяніи. — Я думаю, что только о какомъ нибудь чудесномъ ребенкѣ Историкъ говорить будетъ; а какъ чудеса рѣдки, то и заключилъ я, что во всѣхъ Исторіяхъ не говорится почти ничего о дѣтяхъ. — „Но что называешь ты чудомъ? — На прим. Дюкъ Бургонской былъ чудесной ребенокъ; онъ любилъ Математику и Спихотворство, и сочинялъ басни, рѣчи — — „Этова никакъ не

нѣшній вечерѣ станемъ разсказывать вамъ такія приключенія, которыя взяты изъ Истории, и Герои наши будутъ все дѣши. -- „Какъ же вы насъ одолжите!“, -- Ты увидишь, что опмѣнныя дѣти не такъ рѣдки, какъ думаешь. — „И такъ вы намъ расскажете разныя исторіи?“, — Мать ваша, Г. Своемысловъ и я, по очереди будемъ разсказывать вамъ Истории, которыя вспомнимъ, что можетъ занять цѣлой вечерѣ. Я начну, продолжала Гж. Правосудова: слушайте.

У Хан-Хи, Императора Кипайскаго, было три сына. Два первые были дѣши обыкновенныя; но послѣдній, именемъ Канг-Ги, былъ радостію отца и учителя своихъ. Онъ былъ прилѣженъ, понятенъ, чувствителенъ, искрененъ и дѣятеленъ. Онъ могъ управлять собою; на обѣщаніе его можно было положиться: слово свое почиталъ онъ священнымъ залогомъ. Вознамѣрившись сдѣлать что нибудь полезное, намѣреніе свое производилъ онъ въ дѣйство съ такою твердостію, которую ни что поколебать не могло. Онъ горѣлъ желаніемъ научиться, отличать себя, заслуживать любовь отца своего и одобреніе отъ всѣхъ, его окружавшихъ. Онъ видѣлъ вокругъ себя все довольныя лица.

лица. Каждой урокъ доставляяъ ему удовольствіе слушать похвалы прилѣжности его. Его ласкали, старались доставлять ему всякія удовольствія, всякія забавы. Онъ находилъ въ отцѣ своемъ все то снисхожденіе, на которое только хорошее поведеніе даетъ право. Еслили нечаянно онъ проступался, то не бранили его, а вмѣстѣ съ нимъ о томъ тужили.

Между тѣмъ Императоръ занемогъ. Старшему сыну его было тогда двѣнадцать лѣтъ, а меньшему, любезному Канг-Ги, пошелъ девятой годъ. Императоръ, чувствуя, что болѣзнь его смертельна, созвалъ своихъ дѣтей, и сказавъ имъ, что конецъ его приближился, спросилъ, кто изъ нихъ чувствуетъ въ себѣ силу носить бремя короны? Старшій извинялся своею молодостию и просилъ Императора по своей волѣ назначить наследника. Тогда Канг-Ги упалъ на колѣни передъ постелію отца своего, омочалъ слезами его руку, козируя онъ пропѣнулъ къ нему, и, съ минушою помолчавъ, сказалъ: „Что касается до меня, то чувствую въ себѣ способность подражать тебѣ. Слава мнѣ любезнѣе всѣхъ удовольствій и всякаго покоя. Если: Небо опыметъ тебя у дѣтей твоихъ, и еслили

вы-

съ прѣмѣ собаками, и въ запасъ взялъ чѣтыре хлѣба. Онъ пришелъ въ *темной лѣсѣ*, по томъ на *берегъ чистаго источника*. Вдругъ выскочило чудовище. Собаки бросились на чудовище и разорвали его. По томъ *Ликасъ* далъ одинъ хлѣбъ *Вораксу* (такъ называлась одна собака), и *Вораксъ* тотчасъ ушелъ. *Церберъ*, другая собака, также получилъ хлѣбъ и тотчасъ ушелъ. *Гаргасъ*, третѣя собака, также подбѣжалъ, надѣясь получить награжденіе; но *Ликасъ*, *малой неслухой*, примѣшивъ, что всякой хлѣбъ лишалъ его собаки, далъ *Гаргасу* только маленькой кусочикъ, и *Гаргасъ* оспался, желая получить и оспальное. --- Вошъ вся басня, мапушка!,, --- Пожалуй скажи теперъ, чему она учитъ? -- „Переводъ мой у меня въ карманѣ: я вамъ и конецъ прочту. Вошъ мораль: „Принцы! естѣли нашли вы вождей, которые могутъ васъ вести и защищать въ *лѣсу здѣшняго міра*, то остерегайтесь привести ихъ въ такое состояніе, въ которомъ бы они не имѣли въ васъ нужды, до того времени, пока уже вы сами не будете имѣть нужды въ ихъ услугахъ.„

Я увѣрена, сказала Гжа. Добролюбова, что ты не понимаешь смысла этой морали; однакожь я постараюсь другими

словами тебѣ ее изъяснить. Вотъ что это значить: „Принцы! если нашли вы просвѣщенныхъ Министровъ, искусныхъ Генераловъ и вѣрныхъ друзей, то берегитесь награждать ихъ по всей вашей возможности; берегитесь плашить имъ за ревность и услуги ихъ надлежащую цѣну, чтобъ они васъ не оставили, получивъ принадлежащее имъ. Принцы! будьте несправедливы, будьте неблагодарны, чтобы тѣмъ сильнѣе привязать ихъ къ вамъ!..

Ахъ, матушка! закричалъ Петръ: не уже ли въ самомъ дѣлѣ басня этому учить? — „Вотъ точной смыслъ той морали, которою она заключается. Подумай, такъ самъ это увидишь.. — Правда. Какъ я этого прежде не почувствовалъ! какъ могъ я полюбить эту басню! — „Въ такомъ сочиненіи, которое во всякомъ смыслѣ достойно уваженія, ты полюбилъ то, что критиковать должно. Если бы ты читалъ не такъ скоро и съ большимъ вниманіемъ, то не могъ бы такъ грубо ошибиться..

Вечеру сказала Гжа. Правосудова Петру: ты жаловался на то, что Историки не много говорятъ о дѣтяхъ; но мы докажемъ, что твоя жалоба совсѣмъ неосновательна: по тому что весь нынѣшній

выборъ швой надѣтъ на меня, то тебя возьму въ примѣръ и сдѣлаю щаспливыми моихъ подданныхъ. „ — Сей отвѣтъ сдѣлалъ такое впечатлѣніе въ сердцѣ Хан-Хи, что онъ тутъ же назвалъ Канг-Ги своимъ наслѣдникомъ, подѣ опекою чепырехъ чловѣкъ, по совѣту которыхъ надлежало ему поступать во всемъ. Канг-Ги оправдалъ выборъ родительской, стараясь о совершеннѣйшемъ просвѣщеніи своего разума и исправленіи сердца. Онъ удалилъ ошъ Двора своего льстецовъ и коварныхъ; награждалъ щедро достоинства, былъ справедливъ, былъ отецъ своихъ подданныхъ, которые сердечно почитали и любили его.

Я не могу вамъ, любезныя дѣти, сказала Гж. Добролюбова, представить Героя чудеснѣйшаго, нежели тотъ, котораго представила вамъ бабушка ваша: что можетъ быть чрезвычайнѣе осьмилѣтняго ребенка, достоинствами своими возшедшаго на престолъ пространнѣйшей Имперіи? Однакожь расскажу вамъ исторію одного молодаго Принца такихъ же лѣтъ, которой наконецъ былъ однимъ изъ величайшихъ Государей своего времени. Владиславъ царствовалъ въ Польшѣ въ 1094 году. У него былъ сынъ Болеславъ девяти лѣтъ,

лѣтъ, которой своею дѣятельностію, охотою къ ученію и хорошимъ нравомъ подавалъ надежду, что со временемъ будетъ онъ хорошимъ Государемъ. Богемія объявила войну Польшѣ. Однажды Владиславъ давалъ повелѣнія своему Генералу въ присутствіи своего сына. Молодой Болеславъ, слушавшій все съ великимъ вниманіемъ, бросился вдругъ къ ногамъ отца своего, прося позволить ему ѣхать въ армію вмѣстѣ съ командующимъ Генераломъ. Онъ просилъ такъ усиленно, и предложилъ такія справедливыя, важныя и по лѣтамъ его чудныя причины, что изумленной и тронутой Владиславъ не могъ ему отказать. Согласившись исполнить его намѣреніе, ввѣрилъ онъ его своему Генералу, которой и поѣхалъ съ нимъ къ арміи.

Молодой Принцъ, прибывъ къ арміи, привелъ всѣхъ въ удивленіе. Ко всему происходящему былъ онъ весьма внимателенъ, и казалось, что не было для него ничего новаго, и что онъ ни чему снова не учился, а только воспоминалъ старое. Будучи ласковъ къ солдатамъ и уважая начальниковъ, пріобрѣлъ онъ всеобщую любовь. Пышность его видна была въ

однихъ только подаркахъ; онъ щедро награждалъ опличающихся. Пища его была самая простая; земля служила ему постелею, и всякую непогоду сносилъ онъ терпѣливо. Онъ былъ при самыхъ трудныхъ работахъ, и оказывалъ всегда такое мужество, какъ бы все благополучіе жизни его зависѣло отъ его дѣла. Коротко сказать, достоинства его заставили всѣхъ думать, что нѣкогда будетъ онъ примѣромъ для хорошихъ Государей, которые послѣ него царствовать будутъ. Его мужество, удивительнѣйшее по его малолѣтству, умножало храбрость Поляковъ. Богемцы во всѣхъ сраженіяхъ были разбиты, и Владиславъ съ несказаннымъ удовольствіемъ признавалъ, что частію успѣховъ сей войны обязанъ онъ своему сыну.

Все послѣдствіе Болеславовой жизни соотвѣтствовало славному ея началу: онъ сдѣлался Героемъ. Хотя былъ вринъ и завоеватель, однакожь при всякомъ случаѣ оказывалъ свое челоѣколюбіе и чувствительность своего сердца. Всѣми силами спарался онъ устроить щастіе своихъ подданныхъ, въ чемъ и успѣлъ; онъ заставилъ ихъ любить себя какъ отца. Сей добродѣтельной Государь былъ образцемъ

цемъ сыновней любви. Всѣ Историки съ удовольствіемъ говорятъ подробно о знакахъ его нѣжной любви къ родителю. Когда онъ лишился его, тогда сердечная его скорбь показала всю доброту души его, и умножило къ нему любовь подданныхъ. Болеславъ пиць лѣтъ носилъ праурѣ по своемъ опцѣ, котораго оплакивалъ во всю свою жизнь. Онъ хотѣлъ, чтобы его образъ, глубоко у него въ сердцѣ начерпанной, и глазамъ его всегда представлялся. Днемъ и ночью была у него на шеѣ медаль съ портретомъ Владислава. Онъ безпрестанно смотрѣлъ на него, чтобы, говорилъ онъ, воспоминашь добродѣтели опца своего, весьма достойнаго его любви и сожалѣнія. Сверхъ того назвалъ онъ любимаго своего сына Владиславомъ, чтобы и сіе имя воспоминало ему опца его (*).

Теперь, сказала Гж. Добролюбова Своемыслову, пришла ваша очередь. Я не расскажу такихъ хорошихъ Исторій, отвѣчалъ онъ: по тому что теперь не могу

(*) Histoire générale de Pologne, par. Mr. le Chevalier de Solignac, T. I. page 313, & T. II. page 9.

могу вспомнить ничего, кромѣ двухъ Анекдотовъ, весьма не подробныхъ. Петру нашему теперь десять лѣтъ; учитель рисованія сказалъ ему, что онъ могъ бы уже рисовать головы съ натуры, если бы года за два учился поприлѣжанѣ; а Петръ, кажется, думаетъ, что по его лѣтамъ и то хорошо, если можетъ онъ что нибудь копировать вѣрно. И такъ не бесполезно будетъ рассказать ему слѣдующее:

Петръ Миньярдъ, учившійся Медицинѣ, въ часы отдохновенія упражнялся въ рисованіи. Не было у него учителя; однакожь онъ имѣлъ вкусъ и былъ весьма прилѣженъ. Въ одиннадцатъ лѣтъ рисовалъ онъ прекрасные и сходные портреты; и наконецъ родственники отдали его учиться къ одному живописцу; послѣ чего живопись была главнымъ его упражненіемъ, и онъ былъ лучшимъ Французскимъ живописцемъ.

Другой живописецъ, именемъ Жанъ Батистъ Ванлоо, съ осми лѣтъ началъ хорошо рисовать. — Сколько я не требую отъ Петра; но хотѣлъ бы, чтобы онъ по благородному честолюбію пожелалъ во всемъ оплечить себя и выйти изъ

Часть XIII. No. 3. В мно-

многочисленнаго класса дѣшей обыкновенныхъ. —

Сии два Анекдота не показались дѣшьямъ важными. Петрѣ, пронушой лично, не смѣлъ сказать мнѣнія своего, и наблюдалъ холодное молчаніе; но Катерина не утерпѣла, и не весьма учтиво сказала Своемыслову, что исторія Кан-Ги и Болеслава ей лучше полюбилась. Я вижу, сударыня, отвѣчалъ Своемысловъ, что вы не жалуете прямыхъ наставленій. Въ эшомъ подобны вы многимъ гордецамъ, которые не могушъ сносить истины, естли она не сокрыта подъ пріятнымъ покрываломъ какой нибудь остроумной басни. — Ахъ! нѣтъ, сударь! перервала Катерина: я всегда люблю истину: въ эшомъ васъ увѣряю. Однакожь я передъ вами виновата; и такъ простите меня, Г. Своемысловъ, и не думайте обо мнѣ дурно. — „Мое мнѣіе, сударыня, очень не важно.“ — Въ доказательство, что вы на меня не сердитесь, дайте мнѣ *прямое наставленіе* — мнѣ одной; вы меня очень одолжите. — Кто такъ хочетъ знать истину, сказалъ Своемысловъ, того желаніе надобно исполнить. И такъ я вамъ скажу, сударыня, что съ того времени, какъ чрезвычайной жаръ принудилъ насъ

насѣ оставитѣ кабинетѣ брата вашего, и какѣ мы послѣ обѣда учимся внизу въ залѣ, гдѣ вы работаете часѣ на глазахъ вашей надзирапельницы, нѣсколько разѣ я думалѣ, что вы, вязавѣ ваше филе или шивѣ въ пальцахъ, могли бы гораздо лучше пользоваться пѣмѣ, что мы при васѣ читаемѣ. Относительно къ этому, расскажу вамѣ одинѣ Анекдотѣ, которой бы никогда не смѣлѣ рассказать при васѣ, естѣли бы вы не требовали отѣ меня прямого наставленія.

Дѣвица ле Феврѣ, а послѣ ученая и славная Госпожа Дасье, училась въ дѣшствѣ своемѣ только читать, писать и разному женскому рукодѣлю. Такѣ воспитывали ее до одиннадцати лѣтъ. У Господина ле Февра, отца ея, былѣ сынѣ, котораго старался онѣ лучше воспитывать. Когда онѣ его училѣ, дѣвица ле Феврѣ была шутѣ же и шила въ пальцахъ. Въ одинѣ день, когда молодой ле Феврѣ худо отвѣчалѣ на вопросы отца своего, сестра его, сидя за пальцами, въ полголоса подсказывала ему то, что ему отвѣчать надлежало. Отецѣ, слушавшій, что она сказывала, пришелѣ въ радостное удивленіе, и съ того времени ревностно старался

воспитывать наилучшимъ образомъ дочь свою, столь достойную его попеченія (*). Вы согласись, сударыня, продолжалъ Своемысловъ, что дѣвица ле Февръ не могла бы такъ обрадовать свсего отца, естли бы, не слушая, чему онъ училъ сына своего, дѣлала она брату своему однѣ смѣшныя мины и всячески надъ нимъ *проказила*. — Я не помню, сказала Катерина покраснѣвъшись, чшобы я надъ братцемъ какъ нибудь проказила. А я помню, ошвѣчалъ Своемысловъ, что въ прошедшій понедѣльникъ пришили вы его кафтанъ къ стулу, въ середу два раза укололи его иглою, для того, говорили вы, чшобы возбудить его вниманіе; вчера не давали вы ему учиться разными своими гримами, а особлнво какимъ-то *заячьимъ рыльцомъ*, которое заставило вашу сестрицу такъ смѣяться, что она должна была уйти вонъ изъ горницы.

Катерина посмотрѣла на свою мать со слезами и робкимъ видомъ. Не бойся, другъ мой, сказала ей Гж. Добролюбова: я не узнала бы эпова, естли бы ты не пошребовала *прямаго наставленія*; тебя
конеч-

(*) Histoire Litteraire des Femmes Françoises, T. II.

конечно не будушѣ за то бранить, что ты хотѣла узнать истину безъ всякой закрѣпки. Скажу то одно, что такими шалостями никому не лѣзя понравиться. Смѣются глупосіямъ, но никого за глупости не любяшѣ. Такія же шалости болѣе всего отвращительны въ дѣвушкѣ, опшнмая у нея видѣ шихости и скромности, которыя соснавляютъ главное украшеніе ея пола. Ребенокъ шутѣ можетъ забавлять на минушу постороннихъ людей; но онѣ несносенѣ родственникамъ и всѣмъ окружающимъ его. Мнѣ надобно еще сдѣлать тебѣ выговорѣ, Катерина: ты обѣщала быть противъ меня искренною; ты увѣряла меня, что всегда скажешь мнѣ проступки свои, а не сказала, что ты мѣшала брату учиться.

Ахъ, мапушка! опвѣчала Катерина: я не сказывала вамъ этого не для того, чтобы тайнѣ хотѣла; а только для того, что не чувствовала прежде вины своей такъ, какъ теперь чувствую. Въ доказательство, что не хотѣла отъ васъ ничего тайнѣ, признаюсь вамъ, что Г. Своемысловъ сказалъ еще не все. Онѣ забылъ, что за восемь или за десять дней передъ этимъ, во все время братцева ученія я нарочно чихала и при всякомъ разѣ

низко кланялась. --- И я, матушка, примолвила Елисавета печальнымъ голосомъ: я также не много чихала и кланялась. --- И я, сударыня, также, сказалъ Своемысловъ: я отвѣсилъ по крайней мѣрѣ поклоновъ десять, думавъ отъ добраго сердца, что у дѣвицъ насморкъ; и для того не сказалъ вамъ объ этой шалости, будучи самъ обманутъ. --- Простите меня, матушка, сказала Катерина. Отъ всего моего сердца, отвѣчала Гж. Добролюбова, обнявъ ее: однакожь помни, Катерина, что зная непристойность такихъ шалостей, непростительно будетъ приняться за нихъ въ другой разъ.

Возвратимся опять къ нашимъ Исторіямъ. Теперь моя очередь. Я расскажу вамъ дѣйствіе пятилѣтняго ребенка; и такъ пригошесь слушать весьма неважное приключеніе. Этотъ ребенокъ былъ Густавъ Адольфъ, которой сдѣлался по шомъ величайшимъ изъ Королей Шведскихъ. Будучи пяти лѣтъ, прогуливался онъ съ своими присланицами по лугу близъ Никопинга. Маленькой Принцъ побѣжалъ прятаться въ кустъ. Одна изъ присланицъ, хотѣвъ остановить его, закричала ему, что въ кустахъ есть множество ядовитыхъ змѣй, которыя его ужалятъ.

Такъ

Такъ дайте мнѣ палку, отвѣчалъ Гуспавѣ: я ихъ перебью. Напрасно хотѣли отвраштить его отъ такого намѣренія. Подобно Геркулесу, которой своею дубиною перебилъ всѣхъ чудовищъ въ лѣсу Немэйскомъ, маленькой Принцѣ, вооруженной палкою, вошелъ въ кусты, вознамѣрившись истребить всѣхъ змѣй, которыхъ тамъ найдетъ; однакожь онъ тщетно искалъ ихъ. Ни одно чудовище не показалось ему, и на томъ день подвигъ его окончался долгою и утомительною прогулкою (*).

Этотъ случай доказываетъ, сказала Гж. Правосудова, что храбрость происходитъ отъ души, а не отъ чувствованія своей силы, и не отъ разсужденія. Не требуютъ отъ ребенка такихъ свойствъ, которыя производятъ уже отъ опытовъ и разсужденія. На прим. не спрашно кажется, естли онъ бываетъ иногда легкомысленъ, въпренъ и лѣнивъ; но требуется, чтобы въ немъ были шѣ добродѣтели, которыя производятъ отъ сердца — шѣ естественныя добродѣтели, которыя только надлежитъ очищать и

(*) Histoire de Gustave Adolphe, T. I. page 50

увеличивать, и которыхъ зародышъ бываетъ въ сердцѣ младенца при самомъ его рожденіи. И такъ подлой, жестокосердой и неблагодарной ребенокъ былъ бы чудовищемъ, естли бы его пороки производили не отъ худаго воспитанія.

По этому, бабушка, много чудовищъ? по тому что много жестокихъ, много неблагодарныхъ людей. — „Это значитъ то, что много испорченныхъ людей. Природа рѣдко производитъ чудовище; но воспитаніе дѣлаетъ многихъ таковыми. — И такъ, естли много злыхъ людей, то виною этому отцы и матери? — „По большей части. Однакъ ребенокъ, и не будучи золъ отъ природы, можетъ испорчиться при самомъ хорошемъ воспитаніи. — Какъ же быть тому? — „Естли онъ не будетъ покоренъ и искрененъ, то самые бдительные и просвѣщенные родители не предохранятъ его отъ многихъ пороковъ, въ которые онъ нечувствительно впадетъ. Помните ли вы Тимоѳея, слугу нашего? — „Помню, матушка; тому уже два года, какъ онъ умеръ. — „У него была на ногѣ рана совсѣмъ не смертельная. Его лѣчилъ самый лучший въ Москвѣ лѣкарь. Къ нему прислаивали че-

ловѣка,

ловѣка, которой не отходилъ отъ него ни днемъ, ни ночью. Примѣтили, что онъ срывалъ съ ноги перевязку. Я приставила къ нему еще другаго человѣка. Принуждены были связать ему руки и ноги. Однакожь всѣ такія предосторожности были бесполезны. Онъ теръ ногу объ ногу, и такимъ образомъ сбивалъ съ больной ноги перевязку, которая могла бы залѣчить его рану. Наконецъ сдѣлался у него на ногѣ ракъ. Не спасло его ни искусство лѣкарево, ни прилѣжное смотрѣніе приставниковъ, ниже твердость его сложенія — онъ умеръ. Этотъ несчастной человѣкъ есть изображеніе непослушнаго ребенка. Какую пользу принесутъ попеченія родственниковъ его, если онъ не будетъ чувствовать цѣны ихъ — если онъ не будетъ понимать, что за прещаютъ ему одно порочное, отъ чего со временемъ будетъ онъ ненавидимъ и несчастливъ, а пребудутъ отъ него только то, что можетъ сдѣлать его счастливымъ?,, — Да надобно быть ребенку совсѣмъ безъ ума, чтобы не знать этого. Когда мы чтонибудь дѣлаемъ противъ вашей воли, то это происходитъ отъ вѣтренности и забывчивости; когда же это почувствуемъ, то сами на себя сер-

димся. -- „Этова еще не довольно. Надобно мнѣ во всемъ признаваться, надобно мнѣ все сказывать, такъ какъ шребуютъ совѣта у Доктора, когда по неосторожности сдѣлаюшъ вредъ своему здоровью. Согласно, что страхъ отъ *лѣкарствъ* часто удерживаетъ насъ прибѣгать къ Доктору; однакожь безумно хотѣшь лучше быть больнымъ, нежели принять *лѣкарства*, которыя вѣрно возвращаютъ намъ здоровье.

Не увѣрены ли вы, дѣти, въ томъ, что признаваясь мнѣ въ своемъ проступкѣ, которой былъ мнѣ неизвѣстенъ, получаете за искренность свою право на мое снисхожденіе, и что эта искренность умножаетъ при томъ и мою къ вамъ любовь? Знаете вы и то, что за небольшой проступокъ не будетъ вамъ никакого наказанія, кромѣ предсавленія худыхъ его слѣдствій; если же проступокъ важенъ, то наказаніе будетъ все легче, нежели бы тогда, когда бы я сама собою узнала его. Собственныя ваши выгоды заставляютъ васъ быть совершенно искренними. Положимъ, чтобы вы нѣсколько времени и могли тайно отъ меня ваши проступки; однакожь будьте увѣрены, что навсегда не можете ихъ скрыть отъ меня. Вчера, смотря въ

ше-

нелескопѣ, говорили мы, что все со временемъ открывається: и теперь подтверждаю то же. Лучше будетѣ, естли вашей искренности обязана буду свѣденіемъ о вашихъ порокахъ, которые случай и мой строгій присмотрѣ наконецѣ откроютѣ. Наставленія, которыя даю вамѣ при случаѣ вашего признанія, просвѣщаютѣ вашѣ разумѣ. Я даю вамѣ чувствовашь опасность вашихъ пороковъ; по чему, имѣя изрядной разсудокѣ, вы осерегаєтесь въ нихъ впастѣ. Напротивѣ того, когда не скоро узнаю вашѣ порокѣ, то въ васѣ укореняются худыя привычки, которыя искоренить надобно будетѣ тяжелыми наказаніями.

На прим. я всегда твердила вамѣ, Елисавета и Катерина, что надобно привыкать къ порядку и бережливости. Во время продолжительной болѣзни вашей надзиравательницы привыкли вы ничего не заирать, ничего не класть на свое мѣсто, терять плашки, перчатки и проч. Я это узнала, но уже поздно. Эта привычка сдѣлалась въ васѣ порокомѣ, отѣ котораго трудно было вамѣ исправиться. Естли бы сначала признались вы мнѣ въ своей небережливости, то одна Исторія Эглантины конечно бы васѣ исправила.

Всѣ

Всѣ согласно признали справедливость разсужденій Госпожи Добролюбовой, и дѣти общали впредь немедленно и искренно объявлять ей самые малѣйшіе свои пропуски. Если вамъ угодно, сударыня, сказалъ Своемысловъ, рассказать еще какое нибудь приключеніе, то извольте разсказывать; у насъ оспается не много времени: теперь уже десятой часъ въ половинѣ. Повѣсть моя не долга, отвѣчала Гж. Правосудова. Теперь могу вамъ сказать только то, что было нѣкогда сраженіе, въ которомъ самолично командовали войсками при Короля: одному изъ нихъ было двѣнадцать лѣтъ (*), другому десять (**), а третьему девять (***).

Я также расскажу вамъ одинъ случай изъ Французской Исторіи, сказала Гж. Добролюбова. Несчастной Карлъ VI, которой въ жестокой болѣзни сошелъ съ ума, прежде сего ужаснаго несчастія былъ хороший Король. Карлъ пятой старался особенно

(*) Клодаръ.

(**) Теодобертъ.

(***) Теодорикъ. — Теодобертъ и Теодорикъ были братья.

бливо сдѣлать его мужественнымъ и добро-
сердечнымъ. Онъ находилъ удовольствіе
въ испытываніи первыхъ чувствъ его.

„Однажды, призвавъ его въ свой каби-
„нетъ, позволилъ онъ ему выбрать для
„себя любую драгоценную вещь изъ шѣхъ,
„которыя составляли его сокровище. Мо-
„лодой Принцъ, не посмотрѣвъ ни на что
„богатое и великолѣпное, подобно Ахил-
„лесу, потребовалъ шпагу, висѣвшую въ
„углу кабинета. Въ другой разъ Король
„предложилъ ему на выборъ золотую ко-
„рону и шишакъ. Принцъ выбралъ ши-
„шакъ. Сиръ! сказалъ онъ отцу своему:
„*пусть корона будетъ всегда ваша.* Та-
„кія чувства, обѣщавшія щастливой ха-
„рактеръ, наполняли радостию сердце
„сего мудраго Монарха, нѣжнаго отца и
„добродѣтельнаго Политика (*). „

Мы говорили только объ оптимѣнныхъ
дѣтияхъ, сказалъ Своемысловъ: теперь на-
именую вамъ такихъ дѣтей, которыхъ
можно называть чудами. Кризилиель ле Бе-
рекъ д'Екстеръ умеръ десяти лѣтъ въ 1706
году. Онъ былъ Докторской сынъ. Душе-
спасительныя его сочиненія напечатаны

по

(*) Hist. de la querelle de Philippe de Valois &
d'Edouard III, par Mr. Gaillard, T. II.

по смерти его на Нѣмецкомъ языкѣ; въ нихъ видна простота и здравой разумъ.

Яковъ Марини, Венеціанинъ, будучи семи лѣтъ, публично защищалъ въ Римѣ, въ 1547 году, разныя положенія Теологіи, Юриспруденціи, Медицины и многихъ другихъ наукъ.

Сынъ Господина Баратъе, именемъ Жанъ Филиппъ, на четвертомъ году хорошо говорилъ по-Латински, а на пятомъ году выучился и по-Гречески. По томъ началъ учиться по-Еврейски, и въ шесть лѣтъ зналъ чепыре языка, Историю и Географію.

Въ число чрезвычайныхъ дѣшей можно включить Барона Гельмфельда, Шведа, умершаго въ 1674 году. Юношеской возрастъ его доказалъ, что не тщетно ожидали отъ него чего нибудь великаго, когда онъ былъ еще маленькимъ ребенкомъ. На семнадцатомъ году былъ онъ принятъ въ члены Королевскаго Лондонскаго Общества. Въ двадцать лѣтъ говорилъ онъ десятию языками, былъ превосходной Математикъ и великой Юристъ.

Христіанъ Генрихъ Гейнеке, родившійся въ Любекѣ, черезъ десять мѣсяцевъ началъ говорить. Въ два года имѣлъ онъ хотя легкое, однакожь общее познаніе о
древ-

древней и новой Исторіи и Географіи. Въ пять лѣтъ зналъ онъ при языка, и говорилъ на всѣхъ трехъ равно хорошо.

Адріанъ Балье, сочинившій книгу о дѣтяхъ, славныхъ по своимъ знаніямъ, говоритъ о многихъ иныхъ, и самъ достоинъ того, чтобы его включить въ число ихъ. Онъ родился въ 1649 году, въ деревнѣ Невилѣ, близъ Бове. Отецъ его былъ крестьянинъ. Молодой Балье учился читать и писать въ Францисканскомъ монастырѣ; и хотя отецъ не посылалъ его, однакожь онъ всякой день ходилъ въ монастырь, до котораго отъ деревни было болѣе мили. Черезъ нѣкоторое время одинъ просвѣщенной и благодѣтельной Проповѣдникъ взялъ на свои руки сего умнаго ребенка и началъ его учить. Балье сдѣлался славнымъ ученымъ, и умеръ въ 1705 году. Не одинъ онъ собиралъ извѣстія о дѣтяхъ, прославившихся учеными сочиненіями; но и многіе другіе ученые занимались тѣмъ же (*).

Ко-

(*) Между прочими Геце, Клефекеръ, Вольфъ, Зеленъ, и проч. Смори Diction. des Merveilles de la Nature, подъ словомъ Enfants precoces. Въ число славныхъ дѣшей можно вклю-

Конечно вы, Г. Своемыслѣ, сказала Гж. Добролюбова, изъ благосклонности къ слушателямъ своимъ назвали *чуждомъ* всѣхъ тѣхъ дѣшей, о которыхъ говорили. Правда, что такія дѣши гораздо превосходнѣе нашихъ; однакожь между ими

включить еще Эдуарда VI, Короля Англійскаго, сына Генриха VIII. На девятомъ году взшелъ онъ на престолъ, и зналъ уже тогда по-Латински, по-Французски, по-Гречески, и по-Италіянски. Марія Стюартъ, Королева Шотландская, будучи принатцаши лѣтъ, въ залѣ Дуврской, въ присутствіи Короля Генриха II, Королевы Катерины де Медицисъ и всего Двора, говорила своего сочиненія Латинскую рѣчь, въ которой она опровергала всеобщее тогдашнее предразсужденіе, что женщинамъ не прилично быть учеными. Она сочиняла и Французскіе стихи, весьма хорошіе по тогдашнему времени. Къ тому же имѣла она и многія пріятныя дарованія: совершенно хорошо танцовала, пѣла и играла на разныхъ инструментахъ.

Извѣстна Исторія славнаго Пика де Мирандола; извѣстно и то, что Паскаль въ двѣнадцатъ лѣтъ былъ великимъ Геометромъ.

ими вижу я только одного чудеснаго ребенка, а именно того, которой въ десять мѣсяцевъ говорить началъ. Всѣ прочія дѣти показались мнѣ только весьма прилѣжными. — Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ Своемысловъ, все ихъ достоинство происходило отъ великой прилѣжности и великаго послушанія. Я читалъ со вниманіемъ подробную Исторію разныхъ дѣтей, и находилъ, что всѣ онѣ имѣли неограниченное почтеніе и нѣжную любовь къ своимъ учителямъ, и по тому были всегда послушны. — „А эта чудесная память.“ — — Она есть плодъ не разума оспраго, а тѣхъ свойствъ, которыя теперь мною описаны. Ребенокъ всегда воспоминаетъ то, что онъ со вниманіемъ слушалъ. Въ доказательство этому служилъ то, что не было еще весьма прилѣжнаго ребенка, которой бы не имѣлъ и весьма острой памяти. Сверхъ того сочтите, сколько времени теряетъ грубой и непослушной ребенокъ отъ своего нетерпѣнія, упрямства, безпокойства и сердца; сколько времени теряетъ онъ въ празднословіи! Когда дѣлаютъ ему выговоръ, то вмѣсто того, чтобы слушать со вниманіемъ и съ покорностію, всячески выискиваетъ онъ худыя

дья извиненія. Надобно принудить его молчать. Если послушается, то все еще внутренно сердится, ропщетъ, и въ такомъ состояніи не можетъ ничего слушать. Всѣ наставленія безплодны; что ни говори, все бесполезно., --- Однакожь я надѣюсь, Г. Своемысловъ, что вы не находите меня *грубымъ и непослушнымъ ребенкомъ*? — „Конечно нѣтъ; по тому что я съ вами еще уживаюсь. Вообще вы послушны и довольно прилѣжны; однакожь вы бы могли быть еще гораздо послушнѣе и прилѣжнѣе. — Увѣряю васъ, Г. Своемысловъ, что я никогда еще не чувствовалъ въ себѣ такой охоты къ ученію и ко всему доброму, какъ теперь, узнавъ, какое множество было славныхъ дѣтей во всѣ времена. Чтобъ быть самому таковымъ, то надобно только имѣть повиновеніе и доброе сердце; и такъ впредь буду я такъ прилѣженъ и внимателенъ, что вы будете конечно мною довольны.

Елисавета и Катерина то же общали своей матери, и всѣ пошли спать, будучи весьма довольны вечеромъ, произведшимъ такое хорошее рѣшеніе.

Пріѣздѣ нѣкоторыхъ сосѣдей, ко-
рые пробыли въ селѣ Уединенномъ нѣ-
сколько дней, перервалъ вечернія повѣсти.
На другой день послѣ ихъ отѣѣзда Гжа.
Правосудова разсказывала слѣдующую
Исторію:

НЕВОЛЬНИКИ,

ИЛИ

СИЛА БЛАГОДѢЯНІЯ.

Снелъгравъ, Англичанинъ, былъ корабель-
нымъ Капитаномъ и славился своимъ
человѣколюбіемъ. Долго путешествовалъ
онъ по Африкѣ (въ 1722 году), и торго-
вовалъ невольниками: торгъ злобой, ко-
торого не можетъ извинить обыкновеніе!
Посрамляя человѣчество, онъ сопряженъ
еще съ величайшими опасностями; по-
тому что несправедливость и тиранство
производятъ всегда опчальніе и бунты.
Европейцы принуждены несчастныхъ Ара-
бовъ, ими покупаемыхъ, держатъ скован-
ныхъ цѣлую ночь и большую часть дня;
но не смотря на всѣ предосторожности,
невольники находятъ всегда средства дѣ-

ласть заговоры, которые часто стояли
жизни господамъ ихъ.

Снелъгравъ накупилъ многихъ неволь-
никовъ на берегахъ рѣки Каллабара.
Между сими несчастными замѣтилъ онъ
одну молодую женщину, которая, каза-
лось, болѣе всѣхъ угнѣтена была печалію.
Будучи пронутъ ея слезами, спросилъ
онъ у нее черезъ переводчика о причинѣ
ея горести, и узналъ, что оплаки-
ваетъ своего ребенка, котораго за
день передъ тѣмъ потеряла. Ее отвели
на корабль къ Снелъграву. — Въ тотъ
же еще день начальникъ или Король Кан-
тона, прислалъ звать къ себѣ Снелъграва.
Снелъгравъ общалъ бытъ къ нему; но
зная свирѣпость сего народа, взялъ онъ
съ собою десять хорошо вооруженныхъ
мапросовъ и своего пушкаря. Въ нѣко-
торомъ разстояніи отъ берега нашелъ
онъ Короля сидящаго на высокомъ пре-
столѣ подъ тѣнію деревъ. Собраніе было
многочисленно. Множество знатныхъ Ара-
бовъ окружало Короля. Позади его сто-
яла гвардія, которая состояла изъ пяти-
десяти человекъ, вооруженныхъ луками
и стрѣлами; на поясу висѣли у нихъ
сабли, а въ рукахъ были копья. Англи-
чане,

чане, у которыхъ были за плечами ружьи, спали противъ Короля.

Снельгравъ поднесъ Королю нѣсколько Европейскихъ бездѣлокъ; и когда онъ окончалъ свою рѣчь, услышалъ вдругъ стонъ, которой привелъ его въ ужасъ. Онъ оборотился, и увидѣлъ маленькаго Араба, привязаннаго ногою ко врышному въ землю столпу. Подлѣ него стояли два Араба гнуснаго вида, державшіе въ рукахъ дубины, и одѣтые весьма странно. Казалось, что они сперегли ребенка, которой со слезами смотрѣлъ на нихъ и сложенными своими рученками просилъ о помилованіи. Король, увидѣвъ, какое сильное дѣйствіе произвело сіе странное зрѣлище въ Снельгравъ, думалъ его успокоить, сказавъ, что ему нѣтъ причины бояться сихъ двухъ Арабовъ, на которыхъ смотрѣлъ онъ съ такимъ удивленіемъ. По томъ съ важностію изъяснилъ онъ Капитану, что сей ребенокъ есть жертва, которую посвящаютъ богу Егго для блага государства. При сихъ словахъ Снельгравъ зашрепеталъ отъ ужаса. Съ нимъ было только одиннадцати человѣкъ. Придворные и гвардія Африканскаго Принца составляли болѣе ста человѣкъ. Но сожалѣніе и человеколюбіе не

дали ему времени подумать о числѣ и свирѣпости окружавшихъ его Арабовѣ. Друзья мой! воскликнулъ онѣ, оборотившись къ своимѣ поварищамѣ: спасемѣ этого несчастнаго ребенка! Подите за мною! — Сказавѣ сіе, идетѣ онѣ къ привязанному младенцу. Англичане, оживленные такимѣ же чувствомѣ, идутѣ за нимѣ. Арабы подняли ужасной крикѣ, и кучею бросились на Англичанѣ. Снелъгравѣ вынулѣ изѣ кармана пистолетѣ. Король испугался. Снелъгравѣ требуетѣ, чтобы его выслушали. Король однимѣ словомѣ утишаетѣ волненіе Арабовѣ: они останавливаются и пребываютѣ неподвижны. Тогда Снелъгравѣ, посредствомѣ переводчика, объявляетѣ причины своего дѣйствія, и рѣчь свою заключаетѣ прозьбою, чтобы Король продалѣ ему сего ребенка. Такое предложеніе было принято. Снелъгравѣ не хотѣлѣ спорить о цѣнѣ. Но къ щастію, Арабской Король не имѣлѣ нужды ни въ золотѣ, ни въ серебрѣ; онѣ не зналѣ ни алмазовѣ, ни жемчуга, и думалѣ, что назначаетѣ великую цѣну, потребовавѣ ожерелье изѣ зеленого стекла, которое ему тогдашнѣ и отдано было. Снелъгравѣ бросился тогда къ невинному младенцу, котораго спасѣ онѣ

онѣ отъ смерти, и вынулъ свою саблю, чтобы перерубить веревку, которою былъ онѣ привязанъ. Устрашенной ребенокъ, подумавъ, что Снельгравъ хочетъ его умертвить, закричалъ жалостнымъ голосомъ. Снельгравъ съ восхищеніемъ беретъ его въ свои объятія и прижимаетъ къ своему сердцу. Обрадованной младенецъ улыбается и ласкаетъ своего избавителя, которой, чувствуя несказанное удовольствіе, прощается съ Королемъ и возвращается на свой корабль. Взошедши на бордъ, увидѣлъ онѣ ту молодую Арабку, которую поутру купилъ. Она занемогла, и, заливаясь слезами, сидѣла подлѣ корабельнаго лѣкаря, которой, не могши ее заспавить чего нибудь поѣсть, вышелъ съ нею на воздухъ, бояся, чтобы она опять не упала въ обморокъ. Когда Снельгравъ шелъ съ своими матросами мимо ее, она оборотила голову, и, увидѣвъ младенца, котораго одинъ матросъ несъ на рукахъ, вдругъ закричала, вскочила и бросилась къ нему. Онѣ узналъ ее, кликалъ къ себѣ и протягалъ къ ней свои ручки. Она обняла его . . . Ужасныя намѣренія, занимавшія ее до той минуы; потеря вольности, тоска опчаянія — все было вдругъ забыто. Она мать . . . она на-

шла своего сына! . . . Черезъ переводчика узнала она, какимъ образомъ Снельгравъ спасъ сына ея отъ жестокой смерти. Тогда, не выпуская младенца изъ объятій своихъ, бросилась она къ ногамъ своего благодѣтеля. Только теперь, сказала она, я твоя невольница! Если бы ты не возвратилъ мнѣ сына моего, то смерть избавила бы меня въ нынѣшнюю ночь отъ рабства. Я почиала тебя моимъ тираномъ; но ты избавишь моего сына — возвративъ его въ мои объятія, даровалъ ты мнѣ сокровище, которое мнѣ дороже жизни — ты спалъ отцемъ моимъ. Отъ нынѣшняго времени можешь надѣяться на неограниченную мою покорность: порука въ томъ этомъ милой младенецъ. — Когда сія женщина съ жаромъ изъясняла свою благодарность, переводчикъ сказывалъ Снельграву, что она говорила. Не могъ онъ получить большей платы за свое человеколюбіе; но оно принесло еще новые плоды. На корабль его было болѣе шрехъ сотъ невольниковъ. Молодая Арабка рассказала имъ всѣмъ приключеніе свое. Выслушавъ сію трогательную повѣсть, всѣ Арабы окружили Снельграва, изъясляли свое удивленіе радостнымъ крикомъ, и

кля-

клялися ему спорого повиноваться. Въ самомъ дѣлѣ, во все время путешествія оказывали они Снельграву такое почтеніе и повиновеніе, какое только отецъ можетъ ожидать отъ дѣтей своихъ (*).

Естьли благодѣяніе производитъ такое сильное впечатлѣніе въ сердцахъ дикихъ и свирѣпыхъ народовъ, то какую же силу надлежитъ ему имѣть между нами! Благодѣяніе есть самое лучшее средство покорять сердца, то есть, вселять въ нихъ къ себѣ почтеніе и любовь. Эта исторія, любезныя дѣти, должна васъ еще утвердить въ истинѣ, которую часто надлежитъ вамъ повторять, а именно въ той, что доброе дѣло бываетъ всегда самымъ намъ полезно. — Петръ! сказала Гж. Добролюбова: какого рода есть дѣйствіе Снельграва? *Героическое*, или нѣтъ? — „Героическое! . . Не думаю; однакожь разсмотрю его по тѣмъ правиламъ, которыя вы мнѣ сказали.“ — Посмотримъ, помнишь ли ты ихъ. Повтори ихъ теперь. — „Надобно, чтобы Героическое дѣйствіе было полезно, сопряжено было съ великою опасностію,

(*) Исторія о Стран. Томъ III.

или стоило великой жертвы, и чтобы можно было отъ него отказаться, не навлекши на себя презрѣнія. „ — Хорошо. Обратимся къ Снельграву. — „Онъ подвергался великой опасности. „ — — — Опасности было менѣе, нежели ты думаешь. Правда, что съ нимъ было только одиннащцать человекъ и что Арабовъ было около ста, однакожь свирѣпые Арабы очень робки. У Англичанъ были ружья; и какъ бы скоро изъ нихъ выстрѣлили, то Арабы конечно бы побѣжали. — „И такъ опасность была не велика. Впрочемъ мнѣ кажется, что Снельгравъ заслужилъ бы презрѣніе, если бы допустилъ при себѣ умертвить этова ребенка, будучи въ силахъ тому воспрепятствовать. И такъ мнѣ кажется, что дѣло его было доброе, а не Героическое дѣйствіе. „ — Заключение хорошо. Но не уже ли ты ни за что считаешь то первое движеніе великодушія, совсѣмъ не зависимое отъ разсудка, которое заставило Снельграва броситься на помощь къ ребенку? Это первое движеніе было такъ сильно, что Снельгравъ конечно бы отважился на все. По тому-то самому и шрогашельно это дѣйствіе. Въ самомъ дѣлѣ оно само по себѣ не есть Героическое,

ское, но тому что человеколюбіе предпѣсывало его; но первое движеніе, первое побужденіе къ этому дѣйствию, было Героическое. —

Исторія ваша, бабушка, сказала Елисавета, очень хороша; однакожь она коропка. Хорошо, отвѣчала Гж. Правосудова, я вамъ разскажу другую. Петрѣ нашелъ, что дѣйствіе Снельграва не было Героическое; посмотримъ же, что онѣ скажетъ объ этомъ.

Добродѣтельной Дюкѣ Бурбонской былъ Аманатомъ у Короля Іоанна, и восемь лѣтъ шомился въ темницѣ. Опсупствіе его подало поводъ ко многимъ безпорядкамъ. Бароны разграбили казну его, и Шово, его Генералъ-Прокуроръ, по долгу своему на нихъ донесъ. Дюкѣ освободился изъ плѣна, забылъ всѣ прошедшія пресупленія и старался только о пріобрѣщеніи любви подданныхъ своихъ. Онѣ учредилъ Орденъ надежды. Среди торжественной церемоніи явился Шово, держа въ рукѣ доносы. Спавъ на колѣни передъ Дюкомъ, сказалъ ему: *Государь! вы увидите здѣсь многихъ злодѣевъ: одни достойны смерти, а другихъ по крайней мѣрѣ надлежитъ лишить имѣнія. Вотъ описаніе ихъ преступленій.* Пресупники
были

были всѣ шутѣ и шепетали. *Шово!* сказалъ Принцъ: *списали ли вы и заслуги ихъ?* Взявъ бумагу, бросилъ онъ ее въ огонь, не хотѣвъ читать. Сіи милосердныя слова и сіе великодушное дѣйствіе заславили всѣхъ присутствовавшихъ пролить слезы радости. Всѣ дворяне, и преступники и правые, всѣ клялись умереть за такого добродушнаго Принца (*).

Ахъ! закричалъ Петръ: вотъ подлинное Героическое дѣйствіе! — Видите, любезныя дѣти, продолжала Гж. Правосудова, какъ хорошо прощать. Если бы знали, какъ полезно для самихъ насъ не мстить врагамъ нашимъ, то такіе примѣры не былибъ столь рѣдки. —

Въ томъ вечерѣ всѣ разошлись спать ранѣе обыкновеннаго; для того что на другой день согласились встать рано, и идти прогуливаться, и по томъ ѣхать въ гости, вознамѣрившись побывать у нѣкоторыхъ сосѣдей. Послѣ прогулки позавтракали и поѣхали сперва къ Г. Чванову, у котораго и пробыли цѣлыя сутки. Онъ

(*) Hist. de la Querelle de Philippe de Valois, T. II.

Онѣ показывалѣ имѣ свой садѣ, кошорой былѣ *въ Англійскомѣ вкусѣ*; то есть, въ немѣ ни одно дерево не было обрѣзано; въ маленькихѣ аллеяхѣ можно было сучьями выцарапать себѣ глаза, шерну дана была полная свобода рассти, два или три смешанные пригорки назывались почтеннымѣ именемѣ *горѣ*, куча камней *развалинами*, вешкая изба *пустынною хижиною*, а рѣкою шинистое болошо, на кошоромѣ сдѣлано было нѣсколько деревянныхѣ мостиковѣ. И такѣ видно, что въ семѣ саду соблюдена была вся простота, какую необходимо должно соблюсти хозяину въ Англійскомѣ саду, естли хочешѣ онѣ, чтобы его почипали челоуѣкомѣ разумнымѣ, имѣющимѣ вкусѣ и голову изобрѣшательную; только недоспавало въ немѣ *каменной горы, храма и гробницѣ*. Правда, что Г. Чвановѣ и не мало гордился такимѣ прекраснымѣ садомѣ, дѣломѣ рукѣ своихѣ. Онѣ присвоивалѣ себѣ всю славу, на кошорую имѣешѣ право заводчикѣ *истиннаго Англійскаго сада*. Онѣ возставалѣ противѣ прямыхѣ алей, паршерѣ и другихѣ украшеній правильного сада, и думалѣ, что его *пустыня и горы* будущѣ навсегда памятниками его изящнаго вкуса.

Ели-

Елисавета и Каперина, опмѣнно полюбившія Софію съ того времени, какъ посредствомъ телескопа узнали добрую душу ея, прогуливались съ нею и пришли по томъ къ ней въ комнашу. Тамъ нашли онѣ въ корзинахъ множество изщипанныхъ васильковъ; и какъ онѣ спросили у Софіи, на что ей сіи цвѣты, то она сказала имъ, что изъ нихъ дѣлается вода, копорая очень хороша для глазъ. Какъ! сказала Каперина: вы сами умѣете дѣлать ее? Это очень не мудрено, отвѣчала Софія. Она, сударыня, перервала ея Надзирашельница, умѣетъ дѣлать и розовую воду. Изъ розъ же составляетъ она и хорошія краски, которыми пишетъ цвѣты. Здѣсь на стѣнахъ видите все ея работу. — „Гдѣ же беретъ она зеленую краску?“ — Зеленую дѣлаетъ она изъ листочковъ. -- „Ахъ! это прекрасно.“ -- Она и многое дѣлаетъ умѣетъ. Малиновой сокъ, которой вамъ полюбился, и смородинной ягодникъ она же дѣлала. --- „Какъ бы хотѣла я сама это дѣлать!“ --- Вы потчасъ узнаете, какъ все это дѣлать, сказала Софія: я вамъ все покажу. Вамъ не надобно будетъ кубиковъ и другаго тому подобнаго. — „И такъ мы будемъ дѣлать розовую воду и краски?“ ---

За-

Завтра, естли вамъ угодно. — Тутъ обѣ сестры бросились обнимать Софію. По томъ Надзирательница (которой не очень пріятно было, что Софія хотѣла научить гостей своихъ всему, что сама дѣлать умѣла) открыла ящикъ, подозвала Елисавешу и Катерину, и сказала: вотъ этому, сударыни, не можете вы такъ скоро научиться. Посмотрите: подушечки, кошельки и все, что шить видите, все это шила молодая Госпожа моя — — И другія люди это дѣлать умѣютъ, перервала Софія: я люблю переменную работу, и мадушка своимъ примѣромъ пріучила меня никогда не быть въ праздности.

Катерина, смотрѣвшая со вниманіемъ на все бывшее въ комнатѣ, увидѣла большой сундукъ, подъ постелею стоявшій. Она спросила, что въ немъ лежало. Софія покраснѣлась и отвѣчала, что въ немъ не было ничего примѣчанія достойнаго. Надзирательница засмѣялась и сказала ей: мнѣ бы не хотѣлось, сударыня, показывать, что вы говорите неправду; однакожь — — Сдѣлай милость, перервала Софія, не говори! — — Краска молодыхъ дѣвушекъ очень обманчива, продолжала Надзирательница: по ней ничего не угадаешь. Кто бы не подумалъ, увидѣвъ,
какъ

какъ закрашѣлась Гж. моя, что есть, отъ чего ей крашѣться? однакожь — — —
 „Сдѣлай же милость, говорю я,, — — — —
 Хорошо, я не скажу ничего, кромѣ того, что въ этомъ сундукѣ лежишь также Софіино рукодѣліе, и мапушка бранила ее за то, что она нынѣ вспала въ пятомъ часу для окончанія этой работы, которую вчера помѣшала ей окончать пріѣздъ Госпожи Добролюбовой. — Елисавета и Катерина послѣ сего спали болѣе любопытствовать; а особливо Катерина, которая бросилась Софіи на шею, жаловалась, что она *не имѣетъ къ нимъ довѣренности*, и всячески ее упрашивала, чтобы она показала имъ свою *прекрасную работу*, которая лежала въ сундукѣ. Софія краснѣла, улыбалась, обнимала Катерину и не говорила ни слова. Надзирательница, которой нетерпѣливо хотѣлось, чтобы сундукъ былъ отворенъ, сказала тогда: правда, что Софіи не надобно *сказывать* — не надобно хвалиться — да она и дѣлала это шихонько, не требуя ни у кого подмоги — и это гораздо похвальнѣе — но когда нибудь всякое дѣло выходишь наружу. Я сама узнала это дни за чешыре передъ этимъ, и то не по ея волѣ. Исполните, сударыня, исполните

ните прозбу милыхъ вашихъ госпей. Увѣряю васъ, что онѣ этова не разскажутъ. — Конечно, конечно, закричала Каперица. Я не могу имъ ни въ чемъ опказать, сказала Софія съ печальнымъ видомъ: однакожь, право, эпо не сгноишъ того — — Позволеніе дано, перервала надзирательница, выпавивъ сундукъ на середину комнашы. Елисавета и Каперица потчасъ спали на колѣни, чтобы лучше все разсмотрѣть. Наконецъ надзирательница опкрыла сей таинственной сундукъ. Но какъ же удивились Елисавета и сеспра ея, увидѣвъ, что сундукъ наполненъ простыми крестьянскими платьями! Вотъ шесть рубашекъ, сказала надзирательница: холстъ не тонкой, только шовъ мастерской. Вотъ три сарафана, два сборника, пять плашковъ, три передника, четыре пары чулокъ. А въ этомъ ящичкѣ лежатъ нитки, ножницы и наперстокъ. Вы удивляетесь, сударыни? Что вы объ этомъ думаете? — Елисаветѣ и Каперинѣ не трудно было опгадать, что Софія все сіе назначила въ подарокъ какой нибудь бѣдной женщинѣ; и хоша были онѣ еще дѣши, однакожь почувствовали цѣну скромности Софіиной, которая никакъ было не хошѣла удовле-

Часть XIII. Но. 5. Д шво-

творить ихъ любопытству. Будучи пронуты ея добродѣтелию и стыдливымъ замѣшательствомъ, въ которомъ была сія добродушная дѣвица, бросились онѣ въ ея объятія. Чувствительная Софія обнимала ихъ съ жаромъ нѣжнѣйшей дружбы. Надзирательница плакала отъ радости и въ молчаніи разсматривала сію трогательную картину. Наконецъ сказала она, что сей сундукъ дѣйствительно назначенъ былъ въ подарокъ бѣдной старухѣ, о которой Софія уже болѣе мѣсяца имѣетъ попеченіе. Катерина, разспросивъ подробнѣе, узнала, что сія старуха была та, которую видѣла она въ телескопъ. Наконецъ перервался такой пріятной разговоръ. Гж. Добролюбова возвратилась изъ саду и прислала звать къ себѣ дочерей своихъ. Софія, взявъ ихъ за руки, пошла съ ними въ залу.

Вечеру, возвратившись въ село Уединенное, Елисавета и Катерина рассказали матери все видѣнное и слышанное ими. Воспользуйтесь такимъ примѣромъ, любезныя дѣти! сказала Гж. Добролюбова: знайте, что самыя жестокосердыя люди бывають принуждены удивляться добродѣтели; а люди добросердечныя горятъ желаніемъ подражать ей. — „Ахъ, ма-
пуш-

пушка! будьте увѣрены, что мы станемъ подражать Софіи. Она безпрестанно что нибудь дѣлаетъ: и мы никогда не будемъ въ праздности. Во время ошдыха станемъ дѣлать розовую и васильковую воду, вышивать записныя книжки, шить подушечки и платье для бѣдныхъ., — Не сказывала ли вамъ Софія, что она учится Ботаникѣ, и что совершенно знаетъ все полевые растенія и свойства ихъ? — „Нѣтъ, матушка: она очень скромна. Да гдѣ же было ей этому научиться?„ — Ее учитъ Господинъ Чудинъ, съ которымъ она часто прогуливается, и которой, какъ вы сами знаете, великой Ботаникъ. Софія не пропускаетъ случая учиться; и когда Господинъ Чудинъ пріѣзжаетъ къ нимъ вгости, всегда съ нимъ ходитъ по полямъ и спрашиваетъ о свойствахъ каждой травки — „Ахъ! если бы намъ пришла эта мысль въ голову, то мы бы уже много травъ знали; по тому что часто случалось намъ прогуливаться съ Господиномъ Чудинымъ., — Если бы мы сами болше не любили, и умѣли бы пользоваться знаніями всехъ тѣхъ людей, которыхъ видимъ, или съ которыми живемъ: то люди научили бы насъ лучше книгъ, и ни кто бы не былъ намъ

въ шягость. На прим. Г. Сохинъ очень не забавной человекъ,, — О! самой скучной! — Онъ говоритъ только о Англійскихъ сохахъ, о большихъ десятинахъ. Эшо я очень затвердила; по шому чшо эшо одно и слышишь отъ него, когда онъ бываетъ у васъ вгоспяхъ., — Ты называешь его самымъ скучнымъ человекомъ; однакожь для меня онъ никакъ не скученъ. Я всегда говорю съ нимъ о земледѣліи; по шому чшо его знаетъ онъ совершенно и шолько имъ однимъ занимается. Я дѣлаю ему удовольствіе, говоря съ нимъ о любезномъ его предметѣ, и сама отъ него научаюсь. — „Для шого-шо вы и съ Господиномъ Милешомъ говорили все объ Анапоміи, когда онъ жилъ у насъ въ проѣздѣ свой въ Москву., — Да, я говорила съ нимъ объ Анапоміи, для шого чшо Г. Милешъ Докторъ. И такъ нѣтъ такого человека, отъ котораго бы не лзя было ни чему научишься, и котораго бы обхожденіе ни въ чемъ не было намъ полезно.

Послѣ сего говорили еще о Софіи, и Гж. Добролюбова не забыла сказать своимъ дочерямъ, чшо онъ очень дурно сдѣлали, просивъ неостшупно Софію показать шо, чшо она скрышь хотѣла. Она

дала

дала имъ почувствовать, что онѣ во зло употребили Софіину къ нимъ любовь и сговорчивость ея, и что любопытство всегда бываетъ опасно. Да скажете мнѣ, друзья мои, продолжала Гж. Добролюбова: позволила ли вамъ Софія открыть мнѣ эту шайну? — „Позволила, мапушка, не сказавши ни слова.„ — Для того что она знаетъ всѣ дочернія должности; но естъли бы она была не такъ добросердечна и умна, и потребовала бы отъ васъ, чтобы вы объ этомъ приключеніи никому не сказывали: то что бы вамъ дѣлать? -- „Тогда — намъ бы не льзя было говорить.„ -- Да не дали ли вы слова не сказывать о томъ никому, пока еще сундука не открыли? — „Дали, мапушка.„ — Только съ такимъ условіемъ было исполнено ваше желаніе. — „Мы не думали, чтобы надобно было договорить: *выключая мапушку*. Это уже разумѣлось.„ — Во всякомъ договорѣ важны слова, а мысли ничего не значатъ. Вы конечно и сами чувствуете, что естъли бы послѣ заключенія договора можно было ссылаться на мысли, то никакое слово не былобъ вѣрно, ни на чтобъ не льзя было положиться. Вы общали *никому* о томъ не сказывать, не *выключая*

и меня; слѣдственно безѢ Софіи согласія не лзябѢ было вамѢ повѣрить мнѢ этой шайны. И такѢ есѢли бы она на то не согласилась, то что бы вы сдѢлали? — „АхѢ, мапушка! — эѢобѢ было намѢ очень неприяѢтно. ОднакожѢ, чѢобы сдержатѢ свое слово, намѢ бы должно было молчатѢ.„ — А есѢли бы спала я васѢ по обыкновенію разспрашиватѢ; есѢли бы велѢла вамѢ обстоятельно разсказатѢ, что вы сѢ Софіею дѢлали, о чемѢ сѢ нею говорили? — „Мы — не знаемѢ, что вамѢ сказатѢ.„ — ЧѢобы не открытѢ шайны, вамѢ бы надлежало меня обманутѢ, насказатѢ мнѢ множество неправды. — „НѢпѢ, мапушка! мы бы васѢ не спали обманыватѢ.„ — ТакѢ бы вы открыли шайну? — „Мы бы признались вамѢ въ нашемѢ проступкѢ; сказали бы вамѢ, что Софія вѢрила намѢ шайну.„ — ТакѢ бы вы уже отчасти не сдержали своего слова; а я могла бы еще подуматѢ, что эта шайна не служитѢ къ чести Софіиной. — „Мы бы сказали, что она по одной своей скромности не хочѢтѢ, чѢобы это открылось.„ — ТакѢ бы я все узнала. — „Правда, мапушка, правда! намѢ бы должно было или васѢ обманыватѢ, или

не

не сдержать нашего слова. Мы очень не-
осторожны были. Впередъ мы никогда
не будемъ въ такомъ замѣшательствѣ.
Никогда уже не захотимъ знать тайны,
не выпросивъ позволенія открыть ее вамъ;
а если бы этова намъ не позволялъ, то
опкажемся отъ повѣренности. — Такъ
и должно; по тому что тотъ человѣкъ,
которой захотѣлъ бы ограничить вашу
ко мнѣ довѣренность, поступилъ бы про-
тивъ правилъ честности, и тайна его
не могла бы вамъ принести никакой
пользы.

Госпожѣ Добролюбовой надлежало
писать много писемъ, и для того вечер-
нія повѣсти еще не начинались. Петръ
просилъ у матери своей позволенія читать
Французской переводъ Илліады. Ты еще
не въ такихъ лѣтахъ, отвѣчала Гж. До-
бролюбова, чтобы могъ чувствовать кра-
соты этова сочиненія; но какъ необхо-
димо надобно прочесть эту книгу, что-
бы разумѣть множество картинъ, то
позволяю тебѣ читать ее — однакожь
не во время отдыха. — „А для чего,
мамушка?“, — Если со мною будешь
ее читать, то лучше почувствуешь ея
красоты, особливо погрѣшности. —
„Да я знаю, мамушка, что Госножа

Дасье сочинила къ Илліадѣ свои примѣчанія; и такъ я спану ихъ чашать. — Миѣ бы очень непріятно было, естли бы ты самыя примѣчанія спалъ чашать безъ меня --- „Развѣ шупъ есть что нибудь нехорошее?„ — Я расскажу тебѣ нѣкоторыя приключенія, описанныя въ этой Поэмѣ; а по томъ скажу, что говоритъ о томъ Госпожа Дасье въ своихъ примѣчаніяхъ. Адрасѣ, молодой Троянецъ, сражался въ колесницѣ. Лошади его спали бить, колесница изломалась, и Адрасѣ упалъ на землю внизъ лицомъ. Менелай на него бросается и хочетъ своимъ копьемъ пронзить лежащаго и безоружнаго врага. Но Адрасѣ проситъ, чтобы онъ пощадилъ его жизнь и обѣщаетъ ему заплатить за себя выкупныя деньги. Менелай щадитъ его и хочетъ его отослать на свои корабли; но вдругъ подскакалъ къ нему Агамемнонъ и гнѣвно спалъ укорять его, что онъ такъ сожалѣтеленъ. Не пощадимъ Троянцовъ, говоритъ онъ: умертвимъ и самыхъ младенцовъ. Такой *мудрой* совѣтъ, говоритъ Гомеръ, перемѣнилъ Менелайвы мысли. Онъ соглашается на умерщвленіе Адрасѣ. Агамемнонъ пронзаетъ его своимъ копьемъ. Адрасѣ падаетъ; а Агамемнонъ, спавъ ногою ему

на горао, вытаскиваетъ изъ него свое копье (Книга VI). --- Скажи мнѣ, продолжала Гж. Добролюбова, каково поступилъ Агамемнонъ? Это ужасной поступокъ, отвѣчалъ Пётръ: одинъ только злодѣй можетъ умершвишь безоружнаго непріателя. — „Что же говоритъ объ этомъ Гж. Дасье въ своемъ примѣчаніи? Гомеръ, говоритъ она, хвалишь Агамемнонову жестокость; для того что жестокость бываетъ иногда столь же спасительна, сколь мягкосердіе бываетъ пагубно. Враги вѣроломные, каковы были Троянцы, не стоили пощады.„

Какъ, ма шушка! Госпожа Дасье оправдываетъ этотъ поступокъ? — „Я думаю, что жестокость ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть похвальна; а какъ въ Иліадѣ найдешь множество такихъ злодѣйствъ, которыя Госпожа Дасье всегда оправдываетъ, то я и боюсь, чтобы ты, читая одинъ эту Поэму, не лишился опчасти сердечной нѣжности, которая съ ужасомъ отвращается отъ безчеловѣчныхъ дѣйствій. --- „Какъ, ма шушка! не уже ли Гж. Дасье не оуждаетъ нигдѣ варварства?„ — Нигдѣ, даже и самой подлости не оуждаетъ. Долонъ, шпіонъ, пойманъ Улиссомъ и Ди-

омидомъ. Долонъ проситъ, чтобы избавили его отъ смерти. Улиссъ обѣщаетъ сохранить его жизнь, если онъ скажетъ все, что знаетъ. Послѣ такого увѣренія подлой Долонъ рассказываетъ имъ все обстоятельно; но они были и сами такъ подлы и вѣроломны, что, не смотря на данное слово, лишили его жизни. Прочитавъ примѣчаніе, увидишь, что Гж. Дасье оправдываетъ такой гнусной поступокъ. --- Еще скажу примѣръ. Улиссъ, давъ Сокусу смертельную рану, ругается надъ нимъ, говоря, что у него не будетъ могилы, и что пожрутъ его хищныя птицы, которыя на его трупъ будутъ между собою драться. Гж. Дасье не говоритъ ничего объ этомъ мѣстѣ; но въ другомъ случаѣ хвалитъ она такія злобныя и варварскія насмѣшки — надъ кѣмъ же? Надъ врагами мертвыми. Гомеръ называетъ иныя насмѣшки жестокими; но Гжа. Дасье находитъ въ нихъ одно геройство. — „По этому, мапушка, у Госпожи Дасье было самое жестокое сердце?“, --- Никакъ; она была очень добросердечна. — „Такъ у нее не было разума?“, — Напротивъ того, разумъ у нее былъ острый. — „Да какъ же могла она такъ думать?“, — Она со-
вер-

вершенно знала Греческой языкѣ, и по тому лучше другихъ могла чувствовать красоты Илліады; но чувствованіе красоты превратилось у нее наконецъ въ пристрастіе къ Гомеру, и ей казалось уже и по красотою, что безпристрастному кажется погрѣшностію. — „Эпо доказываетъ, что ничего не надобно любить спрасно, кромѣ добродѣтели, такъ какъ вы намъ говорили, мапушка; по тому что всякая спрасъ насъ ослабляетъ. Скажите, мапушка, какимъ образомъ во всю свою жизнь можно быть безпристрастнымъ?,, — Надобно въ сердцѣ нашемъ питать и утверждать то природное чувство, котораго никогда совѣмъ испребить не возможно, то есть, *любовь къ истинѣ*; надобно беречься спрасей. Тогда будемъ мыслить хорошо, видѣть ясно, разсуждать здраво и заключать справедливо. Самымъ врагамъ будемъ тогда отдавать справедливость. Еслили они имѣютъ достоинства, признаемъ ихъ, и даже почувствуемъ великое удовольствіе, хваля въ нашихъ непріятеляхъ то, что подлинно хвалу заслуживаетъ. — „Эпо, кажется мнѣ, самое трудное. Признаюсь, мапушка, что я не почувствовалъ бы *великаго удовольствія*, хваля

хваля того, кто меня ненавидитъ., — Не уже ли ты не почувствовалъ бы никакого удовольствія, естли бы люди вообще спали хвалишь твой разумъ и сердце твое? — „Мнѣ бы это очень пріятно было., — И такъ я кладу, что ты уже не въ томъ щастливомъ возрастѣ, въ которомъ не имѣюшъ еще враговъ; кладу, что у тебя есть непріятель, которой тебя явно ненавидитъ. При тебѣ говорятъ многое на его щетъ, и ты молчишь. По томъ начинаютъ уже явно бранить его. Всѣмъ дѣламъ его приписываютъ злыя намѣренія; перемѣняяюшъ обстоятельство, и смотрятъ на всѣ его поступки съ худой стороны. Непріятель твой имѣетъ дарованія, острый разумъ; но говорятъ, что онъ совершенной глупецъ. Тогда, будучи побуждаемъ *любовію къ правдѣ*, начинаешь ты съ жаромъ говорить въ пользу непріятели своего. Ты приводишь всѣхъ въ нѣкоторое изумленіе. Сперва слушаюшъ тебя съ недоувѣрчивостію; сомнѣваются еще, чтобы ты говорилъ искренно. Остерегись! Надобно предлагать основательныя доказательства; надобно совершенно оправдать твоего непріятели, а въ противномъ случаѣ почтутъ тебя лицемеромъ.

ромъ. Но ты совершенно доказываешь справедливость своихъ положеній. Тогда на всѣхъ лицахъ изображается удивленіе. Всѣ внутренно тебя похваляютъ; ты заставляешь всѣхъ любить тебя. Непріятель твой узнаетъ, чѣмъ онъ тебѣ обязанъ. Если не перестанетъ тебя ненавидѣть, то онъ чудовище. Но какъ же осмѣлился онъ поносить тебя? Обнаруживъ ненависть свою къ тебѣ, подвергнется онъ всеобщему презрѣнію. — „Ахъ! какъ бы желалъ я теперь имѣть непріятеля, для того чтобы защищать и хвалишь его!“, — Люби, мой другъ, люби всегда правду; отдавай справедливость всякому, и тебѣ будешь отдавать справедливость. Любовь къ правдѣ приноситъ всегда хорошіе плоды.

„У васъ нѣтъ непріятелей, мадуш-ка?“, — Ты увѣренъ, думаю, что я никому зла не желаю. — „Очень увѣренъ.“, — Религія и человѣколюбіе не позволяли мнѣ никогда ненавидѣть людей; однакожь мнѣ сказывали, что у меня бывали непріатели. — „Можно ли!“, — Только думаю, что никто не могъ на меня долго злобиться; по тому что всякая злоба мало по малу ослабѣваетъ и наконецъ совсѣмъ исчезаетъ, если не да-
юшъ

ють ей пищи. — „Ваши непріятели конечно васъ не знаютъ., — Надѣюсь, что они переспали бы меня ненавидѣшь, естли бы узнали сердце мое. — „Однакожь не лѣзя имъ ничего дурнаго говорить о васъ., — По крайней мѣрѣ не могутъ они называть меня дурною матерью, женщиною коварною; или почитать такою, которая хвалится хорошими чувствами сердца своего, а дѣлами своими показываетъ, что сердце ея совсѣмъ иного свойства. Но оставимъ это.

Скажи мнѣ теперь, хочешь ли одинъ читать Илліаду? — „Нѣтъ, мамушка, нѣтъ. Мнѣ сказали, что Илліаду позволяютъ читать всѣмъ дѣтямъ, и что примѣчанія очень хороши; и для того-то просилъ я у васъ эту книгу. Теперь же не хочу ее читать одинъ. Когда вамъ угодно, такъ буду читать Илліаду и Одиссею съ вами вмѣстѣ; вы мнѣ скажете, что хорошо и что дурно., — Вообще не много такихъ книгъ, которыя могъ бы ты одинъ читать безопасно. — „Пожалуйста мнѣ какуюнибудь историческую книгу., — Ты читалъ уже Милонову всеобщую Исторію: какую же теперь хочешь читать? — „Я видѣлъ у васъ въ кабинетѣ Исторію Мальты: пожалуйста-

жалуйте мнѣ ее читать., — Аббаши Вершотъ Историкъ пріятной; однакожь его разсужденія не всегда справедливы и согласны съ правилами хорошей Морали. — „Такъ сами выберите для меня книгу, какую вамъ угодно., — Ты обѣщаль читать всегда не скоро и съ размышленіемъ, и всякой вечеръ давай мнѣ отчетъ въ томъ, что читалъ. — „Такъ, мамушка., — И такъ я дамъ тебѣ читать сокращеніе Англійской Исторіи; слогъ этой книги ясенъ и хорошъ.

Черезъ два дни послѣ сего сказалъ Пепръ матери своей, что онъ недоволенъ однимъ мѣстомъ въ той книги, которую она дала ему читать. Что же тебѣ въ ней не понравилось? спросила Гж. Добролюбова. — „Генрихъ V, говоритъ Историкъ, побилъ Французовъ при Азинкуртѣ, и взялъ ихъ такое множество въ плѣнъ, что для безопасности надлежало ихъ всѣхъ умертвить (*). Такую жестокость называетъ Историкъ необходимоścią. Мнѣ кажется, что этого никакъ оправдать не можно., — Госпожа Добро-

(*) *Nouvel Abrégé Chronol. de l'Hist. d'Angleterre*, T. I, pag. 75.

бродюбова обняла своего сына и сказала ему: ты читалъ не такъ, какъ ребенокъ; ты размышлялъ и совѣщивался съ разумомъ и сердцемъ своимъ. Читая не такъ, не получишь отъ чтенія ни какой пользы. Что же скажешь о томъ сочиненіи, которое я теперь читаю, и въ которомъ Фредегонда такъ изображается:

„Фредегонда была такъ велика, что она имѣла право быть знатною, хотя и въ низкомъ состояніи родилась. Она одна изъ шѣхъ Героинь, которымъ не должно стыдиться низкаго своего рода. Посредствомъ великаго своего духа имѣла она почти неограниченную власть надъ Шильперикомъ (*).„

Можно ли такъ говорить объ ужасной преступницѣ? — Можно ли подумать по этому изображенію, что Фредегонда была чудовище, стыдъ своего рода? — Сочинитель хвалилъ ее за ея хитрость. Она умѣла, говоритъ онъ, побѣдить всѣхъ враговъ своихъ; да какими средствами? Обманами и убійствомъ. Вся ея хитрость состояла въ томъ, что она

окар-

(*) Memoires Historiques-critiques et anecdotes de France, T. I. pag. 70.

окармливала ядомъ шѣхъ, которыхъ боялась. Ты найдешь истинное изображеніе этой женщины въ исторіи Карла великаго, сочиненной Господиномъ Гальердомъ. — В.сѣма опасно для дѣшей читать такихъ Историковъ, которые, не имѣя никакого понятія о добродѣтели, хвалятъ пороки и хопятъ извинять злодѣйства. И такъ я еще пошоряю, что надобно читать съ великимъ вниманіемъ и строго разсматривать положенія сочинителей. Такое разсудительное чтеніе просвѣтитъ разумъ и будетъ полезно для сердца; а наконецъ и никакая уже книга не будетъ для тебя опасна. Напротивъ того, если будешь читать безъ разсужденія, то нечувствительно войдетъ къ тебѣ въ голову множество ложныхъ понятій, и чтеніе, вмѣсто просвѣщенія и наученія, ослабитъ только твою разсудокъ, и даже самое сердце испортить можетъ.

Своемысловъ, пришедшій звать Петра учиться, перервалъ сей разговоръ. Вечеру Гж. Добролюбова рассказывала слѣдующую повѣсть.

ПАМЕЛА.

Фелиса, единственно занимаяся воспитаніемъ двухъ дочерей своихъ; жила въ обѣяніяхъ любезнѣйшаго семейства, будучи всегда окружена одними своими родственниками и друзьями. Фелиса всякой день поздравляла себя съ благополучіемъ своимъ. Она любила всегда чѣмъ нибудь заниматься, особливо же любила чтение. Нравъ ея былъ самой крошкой, сердце чувствительное. Не знала она ненависти, гнушалась мщеніемъ, умѣла любить. Дружба могла преобладать надъ нею всякой жертвы. Она искренно презирала тщеславіе и суетное счастье.

Между шѣмъ дочери Фелисины начинали выходить изъ дѣлства. Камилла, старшая дочь ея, вступила на чепырнашцадой годъ, и Фелиса по обстоятельствомъ своимъ принуждена была выдать ее за мужъ. Она не могла оставить дочерямъ своимъ такого имѣнія, которымъ бы могли онѣ жить пристойнымъ образомъ. Замужство, со всѣхъ сторонъ выгодное, было предложено Камиллѣ. Фелиса должна была согласиться на такое предложеніе; однакожь она весьма живо чувствовала, какъ непріятно выдать дочь свою за мужъ

въ

въ такихъ молодыхъ лѣтахъ. Такое несчастіе чувствительнѣе по тому, что оно должно имѣть вліяніе на всю жизнь четырнадцатилѣтней дѣвушки. Ея воспитаніе никакъ еще не окончалось, и навсегда уже остается несовершеннымъ. — „Да естли эта дѣвушка умна, перервала Елисавета, то она и послѣ замужства будетъ такъ же слушаться своей матери; и такъ ея воспитаніе можетъ продолжаться. — „Надобно, чпобы она была очень умна, когда послѣ замужства спазнеть учиться съ такою же прилѣжностію, какъ и прежде. Сверхъ того надобно будетъ ей оставлять или по крайней мѣрѣ прерывать учение, когда мужъ придетъ къ ней въ комнату. — „А естли мужъ будетъ самъ любить просвѣщеніе? — По крайней мѣрѣ страхъ не быть въ тягость мужу своему, и удовольствіе говорить съ нимъ, будутъ мѣшать великому успѣху въ ученіи. — Однакожь обратимся къ нашей Исторіи.

Камилла, черезъ нѣсколько времени послѣ своего замужства, опасно занемогла. Фелиса столько о ней беспокоилась, и столько ночей провела безъ сна, что ея здоровье ослабло, и даже по выздоровленіи дочери ея не могла она еще долго

оправиться. У нее болѣла грудь, и для того Доктора предписали ей пить Бристольскія воды. Она принуждена была оставить любезную свою Камиллу въ Парижѣ, въ рукахъ ея свекрови, а съ другою своею дочерью, Натальею, поѣхала въ Англію.

Фелиса не имѣла предосторожности нанять для себя домъ прежде своего пріѣзда. И такъ, пріѣхавъ въ Бристоль, должна была жить въ весьма нехорошихъ комнатахъ, тѣмъ болѣе безпокойныхъ, что онѣ только однѣми досками отгорожены были отъ другихъ комнатъ, въ которыхъ жила больная Англичанка, мѣсяцъ два не сходявшая съ постели. Фелиса, совершенно знавшая Англійской языкъ, разспрашивала хозяйку о сосѣдкѣ своей, и узнала, что она умираетъ чахоткою. Она была вдова. Мужъ ея, молодой человекъ знатнаго рода; родителями своими лишенъ былъ наслѣдства, женившись противъ ихъ воли. Умирая, не могъ онъ ничего оставить женѣ своей, кромѣ небольшой пенсіи по ея смерти: обстоятельство, прискорбнѣйшее для сей несчастной женщины по тому, что у нее была пятилѣтняя дочь, которая по смерти матери своей лишалась всякаго пропитанія. Хо-
зайка

зайка заключила сію повѣсть похвалою Памелы (такъ звали пятилѣтнюю дѣвчушку), и увѣряла Фелису, что она отъ роду своего не видала такого любезнаго ребенка. Сія Исторія весьма пронула Фелису, и во весь шомъ вечеръ говорила она съ своею дочерью о несчастной своей сосѣдкѣ и ея ребенкѣ.

Фелиса и Напалья легли спать въ два часа. Напалья была уже въ глубокомъ снѣ, а мать ея только что засыпать начинала, какъ вдругъ чрезвычайное движеніе, которое услышала она въ комнатѣ больной Англичанки, совсѣмъ прогнало ея сонъ. Она спала подслушивать, и услышала сонъ. Тогда, вспомня, что у Англичанки въ услугахъ были только двѣ женщины, Фелиса подумала, что ея помощь можетъ быть ей нужна. Она поспѣшно встала, взяла свѣчу и попихоньку вышла изъ комнаты, чтобы не разбудить своей дочери. Проходя черезъ переднюю комнату, разбудила она свою дѣвку и велѣла ей не опходить отъ Напальи; по шомъ вошла въ коридоръ. Двери въ комнаты больной были отворены. Фелиса слышитъ рыданіе. Съ шрепетомъ подходитъ она къ дверямъ. Вдругъ служанка Англичанки выбѣжала изъ другой комнаты

и со слезами вскричала: *все кончилось!* ее уже нѣтъ на свѣтѣ! — Боже мой! сказала Фелиса: а я шла къ вамъ предложить мои услуги! — Она только теперь духъ выпустила, отвѣчала служанка: Боже мой! что будетъ съ ея несчастною дочерью! У меня самой четверо дѣтей: какъ мнѣ взять еще эту несчастную! — Гдѣ этакъ ребенокъ? перервала Фелиса. — „Ахъ, сударыня! невинной младенцѣ не можетъ еще чувствовать своего несчастія. Знаетъ ли еще бѣдная Памела, что такое и смерть! Она нѣжно любила мать свою — по тому что сердце у нее самое чувствительное — однакожь она покойно спитъ въ той же комнатѣ, гдѣ скончалась ее мать. „ — Фелиса затрепетала. Пойдемъ, воскликнула она, пойдемъ, вынесемъ несчастнаго младенца изъ такого ужаснаго для нее мѣста! — Фелиса выходитъ въ другую комнату. Чтобы подойти къ кровати Памелиной, надлежало пройти мимо постели несчастной Англичанки. Фелиса останавливается. Проливая слезы, разсматриваетъ она умершую; по томъ упадаетъ на колѣни и восклицаетъ: о несчастная мать! какъ горестны были послѣднія твои минуты! — Ты оставляла дочь свою безъ

защи-

защиты и безъ помощи! — Ахъ! я надѣюсь, что изъ объятій вѣчности можешь ты меня видѣть и слышать слова мои! — Дочь твоя будетъ моею; только никогда не дамъ ей забыть ту, которая на свѣтъ ее произвела; всякой день будетъ она со слезами молилась Богу за мать свою. — Сказавъ сіе, Фелиса встала и съ сердечною скорбію подошла къ кровати младенцевой. Отвернувъ занавѣсъ шепчущею рукою, съ восхищеніемъ разсматривала она красоту несчастной сироты, Ангельской образъ ея. Невинная Памела была въ глубокомъ снѣ; подлѣ постели умершей родительницы своей покойно наслаждалась она пріятностями сна. Веселость, изображавшаяся у нее во всѣхъ чертахъ лица, и пріятная улыбка ея, никакъ не отвѣчали тогдашнему несчастному ея положенію. Какъ безпечно спитъ она! воскликнула Фелиса: въ какія минуты, и въ какомъ мѣстѣ! . . Любезная сирота! пробудившись, будешь ты щепотно спрашивать мать свою! . . Однакожь человѣколюбіе дастъ тебѣ другую мать. Такъ, ты будешь моею дочерью; въ сердцѣ моемъ найдешь чувствительность, иъжную любовь матери! — Пойдемъ, продолжала Фелиса, оборотившись къ служанкѣ: по-

моги мнѣ эту кровать перенести въ мою комнату. — Служанка съ радостію повиновалась, и Памела, не пробудившись, была съ кроватью перенесена въ комнату къ Фелисѣ. Между тѣмъ Наталья встала; будучи въ безпокойной неизвѣстности, побѣжала она на цспрѣчу къ своей матери, которая, входя въ комнату, сказала ей: пооди, Наталья! вошѣ тебѣ другая сестра, которую ты любить должна. Обѣщай мнѣ любить ее всемъ сердцемъ. — Наталья побѣжала къ кровати и стала на колѣни, чтобы лучше разсмотрѣть ребенка. Фелиса рассказываетъ ей кратко все приключеніе. Наталья проливаетъ слезы, слушая сію печальную повѣсть. Съ нѣжностію смотритъ она на Памелу, называя ее сестрою своею. Неперпѣливо ждала она наступленія дня, чтобы услышать ее говорящую, чтобы тысячу разъ обнять ее. Между тѣмъ надобно было еще лечь на постелю. Фелиса не могла во всю ночь сомкнуть глазъ: но можно ли пожелать сна тогда, когда воспоминаніе добраго дѣла не даетъ намъ заснуть?

Въ семь часовъ Фелиса встала. Какъ скоро открыли окна, Памела проснулась. Фелиса подошла къ ея кровати. Прекрасная сирота, увидѣвъ ее, казалась изум-

лен-

ленною; но по томъ, посмотрѣвъ на нее пристально, улыбнулась и протянула къ ней руки. Фелиса съ восхищеніемъ ее обнимала. Она вѣрила, что есть симпатія: такъ думаютъ обыкновенно всѣ чувствительныя сердца. Она была увѣрена, что Памедины ласки происходили отъ сей симпатіи. Она полюбила Памелу, едва увидѣвъ ее; но въ сію минуту любовь ея къ ней несравненно умножилась. Однакожь Памела скоро спросила, гдѣ ея мать. Имя матери, Памелою произнесенное, весьма пронудило Фелису. Матери своей, сказала она, здѣсь уже нѣтъ . . . Памела, услышавъ такой отвѣтъ, залилася слезами. Наталья хотѣла утѣшить ее; но Фелиса, вздохнувъ, сказала ей: пусть сердечная скорбь изливается у нее слезами! я хотѣла, чтобы она плакала. Подумай, любезная дочь о ея состояніи: я увѣрена, что ты со мною одно почувствуешь.

Когда Памелу одѣли, бросилась она на колѣни и вслухъ молилась Богу. Фелиса зашрепетала, услышавъ ее говорящую: *молю Тебя, Боже мой, чтобы матушка моя была по прежнему здорова!* Не молись объ этомъ, сказала Фелиса: потому что матушка своя уже не больна. . . Не больна! воскликнула Памела: и

какъ благодарю Тебя, Боже мой! — Сердце Фелисино облилося кровію. Любсзная Памела! сказала она: молись пенерь только о томъ, чшобы Богъ со Святыми упокоилъ душу мапушки твоей. Памела повторила сіи слова съ сердечнымъ чувствомъ. По томъ оборотилась къ Фелисѣ, и посмошрѣвъ на нее съ невинною боязливостію, сказала ей: позвольте мнѣ еще помолиться Богу о томъ, чшобы я скорѣе съ мапушкою увидѣлася! — Сказавъ сіе, увидѣла она, что глаза у Фелисы были наполнены слезами. Она встала, бросилась ей на шею и горько плакала. — Въ самую сію минузу пришли сказать Фелисѣ, что ея кареша гопова. Она взяла на руки Памелу, и сѣвъ съ Нангалъею въ карету, поѣхала въ Батъ. Въ Бристоль возвратилась она черезъ пятнацать дней, и не хотѣвъ жить въ прежнемъ домѣ, наняла для себя нѣсколько комнатъ въ другомъ.

Любовь Фелисина къ Памелѣ всякой день умножалась. Небесная красота, чувствительность и благодарность сего ребенка восхищали ее: уже вкушала она сладкіе плоды своего благодѣянія. Пробывъ въ Бристолѣ три мѣсяца, оставила Фелиса Англію и возвратилась въ Парижъ.

Всѣ

Всѣ ея родные съ радостію приняли Памелу въ свое семейство. Не лѣзя было, увидя ее, не почувствовать къ ней любви. Когда минуло ей семь лѣтъ, Фелиса рассказала ей исторію несчастной Англичанки, ея родительницы. Слушая сію печальную повѣсть, Памела проливала ручьи слезъ. Когда Фелиса перестала говорить, бросилась она къ ногамъ ея, и изъясляла ей благодарность свою въ такихъ прогательныхъ выраженіяхъ, какихъ едва ли бы можно было ожидать отъ чувствительной дватцатилѣтней дѣвушки. Такова была Памела; душа ея возвеличивалась совѣмъ не по ея лѣтамъ. Когда она говорила о своихъ чувствахъ, тогда ея краснорѣчіе восхищало всѣхъ слушателей. Разумъ былъ у нее самой острой; когда ее спрашивали, ошибчалась она всегда корешко, ясно и основательно. Чувствительность сердца ея видна была во всѣхъ ея поступкахъ. Тысячу разъ видали Памелу, не зная, правильны ли были черты лица ея, или нѣтъ. При первомъ взглядѣ удивлялись Памелиной красотѣ, но не лѣзя было хвалить ее такъ, какъ другихъ, говоря: какой у нее прекрасной ротъ! какія губы! У нее были большіе черные глаза, длинныя черныя брови: но

нико-

никогда и ничего не говорили о глазахъ ея: говорили только о ея взорѣ. Она всѣмъ нравилась своею услужливостію, вниманіемъ, великодушіемъ, искренностію и простосердечіемъ. Въ ней соединялись такія свойства и пріятности, которыя весьма рѣдко соединяются. Она была нѣжна и вольна, весела и чувствительна, жива и кротка. Пороки Памелины происходили единственно отъ сей великой живости, которая хотя и никогда не превращалась у нее въ несносное нетерпѣніе, однакожь дѣлало ее въ иныхъ случаяхъ весьма въпреную. Сіе объяснишь примѣръ, которой покажетъ притомъ и ея кротость, почтеніе и любовь къ Фелисѣ. Памела по своей живости и вътренности часто теряла то, что ей давали. Когда ходила прогуливаться, сбрасывала съ себя головной уборъ, и всегда оставляла его на травѣ, убѣжавъ домой. Окончавъ работу, желаніе играть не позволяло ей прибираться къ мѣсту своей работы, наперстковъ, иглъ и прочаго; вскочивъ вдругъ, все роняла, и, не оглядываясь, убѣгала вонъ. Любовались, смотря на нее бѣгающую въ полѣ или въ саду; однакожь ей запрещали бѣгать и прыгать въ комнатахъ. Памела, сколь

ни желала во всемъ повиноваться, всегда забывала сіе запрещеніе; всякой день обыкновенно падала она три или четыре раза, и у всякихъ дверей оставляла ло-скуски своего платья и передника. Наконецъ, по многимъ прозьбамъ, увѣщаніямъ и наказаніямъ, нечувствительна укрощалась въ ней такая необузданная живость. Фелиса всякое утро требовала у нее отчета во всемъ, что было у нее въ карманахъ, въ иглахъ, булавкахъ, ниткахъ и проч. Такой ежедневной отчетности не мало пособилъ ей исправиться, то есть, отбывать отъ порока небрежливости, производившаго у нее отъ вѣтренности. Однимъ утромъ Фелиса по обыкновенію обыскивала ся карманы, и не нашла у нее ножницъ. Она стала бранить Памелу, и спросила, гдѣ она потеряла ножницы. Увѣряю васъ, отвѣчала Памела, что ножницы не потеряны; я знаю, гдѣ ихъ найши. — „Да гдѣ же онѣ?“, — На полу въ сестрициной гор-ниці. — „На полу? Да для чего же ты ихъ тамъ покинула?“, --- Я тамъ была, мапущка, пошла въ карманъ за плашкомъ и выронила ножницы; въ ту самую минушу услышала, что вы звоните, и побѣжала къ вамъ. — „Не поднявъ съ полу

полу ножницъ?,, --- Да, машушка, что-бы скорѣ васъ увидѣть. — „Да вишь ты знала, что я спрошу ножницы, и спану тебя бранить, естли ихъ у тебя не будетъ?,, — Я объ этомъ не думала, машушка; я думала только о васъ, объ удовольствіи васъ видѣть. — Памела, сказавъ сіе, покраснѣлась; глаза ея наполнились слезами. Фелиса посмотрѣла на нее пристально, а Памела еще болѣе покраснѣлась. Такая краска и невѣроятность сказаннаго Памелою заставили Фелису подумать, что она хочетъ ее обманывать. Поди съ глазъ моихъ, сказала ей Фелиса: я увѣрена, что ни въ одномъ словѣ твоемъ нѣтъ правды. — поди, говорю тебѣ! --- Памела зарыдала, упала къ Фелисинымъ ногамъ, и не говорила ни слова. Фелиса думала, что такой смиренной поступокъ значитъ признаніе, и выгнала ее отъ себя съ гнѣвомъ. Памела, не говоря ни слова, изъясляла свою горестъ одними вздохами и рыданіемъ. Фелиса была въ деревнѣ и пошла къ обѣднѣ. Она обыкновенно брала Памелу съ собою, а тогда приказала дѣвкѣ своей привести ее въ церковь. Фелиса, пришедши въ церковь, была прошивъ воли своей въ великомъ разсѣянн, оборачива-

лась

лась часто къ дверямъ и наконецъ увидѣла пришедшую Памелу, у которой были глаза заплаканы и красны. Памела смиренно спала на колѣни на крыльцѣ. Дѣвка, съ нею пришедшая, сказала, что ей дурно спояшь вмѣстѣ съ слугами, и чшобы она подвинулась впередъ. Печальная Памела отвѣчала ей тихимъ голосомъ: *я не достойна и здѣсь стоять*. Такое смиреніе пронуло Фелису; она подошла къ себѣ Памелу, которая плакала отъ радости, ставъ подлѣ Фелисы. Послѣ обѣдни подошла къ Фелисѣ горничная дѣвка и сказала ей, что Памела ее не обманула. Какъ? перервала Фелиса. Она вамъ правду сказала, отвѣчала дѣвка: Памела просила меня ийти съ нею въ Натальину комнашу, и мы въ самомъ дѣлѣ нашли тамъ ножницы на полу лежащія. Любезная Памела! воскликнула Фелиса, ее обнимая: и ты терпѣла брань, ни мало себя не оправдывая? — „Вы, матушка, запресли мнѣ говорить.„ — И ты упала передо мною на колѣни, и, казалось, просила прощенія! — „Мнѣ всегда надобно просить прощенія, когда матушка на меня сердится. Когда она меня бранитъ, такъ я вѣрно виновата.„ — Да я понапрасну тебя бранила;

нила; я передъ тобою виновата. — —
„Нѣтъ, матушка, нѣтъ; вы моя благо-
дѣтельница и никогда не можете быть
передо мною виноваты.“ — — Какъ
не любить такого ребенка, которой былъ
сполько привязанъ къ своей благодѣтель-
ницѣ, оказывалъ ей такое повиновеніе,
былъ такъ крошкѣ!

У Памелы съ семи лѣтъ начали бо-
лѣть зубы. Сверхъ того сдѣлалось у
нее въ нервахъ разслабленіе, и сія бо-
лѣзнь продолжалась болѣе года. Фелиса,
чтобы лучше смотрѣть за нею, клала еѣ
спать у себя въ комнатѣ. Памела спа-
ралась скрывать болѣзнь свою, видя Фе-
лисино безпокойство. Ее мучила безсон-
ница. Фелиса часто просыпалась, брала
ее въ свои объятія, давала ей пить. Въ
такихъ случаяхъ Памела всегда проли-
вала слезы благодарности и просила Фе-
лису ложиться спать. Почивайте ма-
тушка, говорила она: вашъ сонъ мнѣ
нуженъ. Когда вы поживаете, тогда мнѣ
бываетъ гораздо легче.

Въ Памелѣ видны были и такія
добродѣтели, которыя обыкновенно бы-
ваютъ уже плодомъ здраваго разсудка.
Едва воспоминала она Англію, и любивъ
нѣжно Фелису, любила и Францію; одна-
кожь,

кожъ, зная, что была Англичанка, любила она пользу своего отечества. Сія любовь была для нее шѣмъ большею добродѣтелию, что ей никакъ не лъзя было думать когда нибудь возвратиться въ отечество и тамъ жить. Однажды (ей было тогда восемь лѣтъ) Фелиса писала, а Памела спокойно играла подлѣ ея стола. У Французовъ была тогда съ Англичанами война. Фелиса слышала пушечной выстрѣлъ. Она перестала писать и сказала: вотъ, можетъ быть, знакъ побѣды, одержанной Французами надъ Англичанами. Сказавъ сіе, посмотрѣла она на Памелу, и чрезмѣрно удивилась, видя, что она поблѣднѣла, по томъ покраснѣла и потупила глаза. Въ сію минушу вошли въ комнату люди и сказали, что кушанье на столѣ поставили. Памела все еще была въ великомъ замѣшательствѣ. Фелиса, хотѣвъ неопмѣнно узнать, что происходило въ Памелиномъ сердцѣ, сказала: надобно освѣдомиться, для чего стрѣляли изъ пушекъ. Я все еще надѣюсь, что мы *побили Англичанъ*. — Лишь только Фелиса сіе сказала, Памела заплакала и бросилась къ ногамъ ея. Ахъ, мапушка! сказала она: позвольте мнѣ плакать! Я люблю Французовъ; однакожь

Англія мое отечество. — Такое чувство, удивительное по ея лѣтамъ, весьма пронуло Фелису. Любезная Памела! воскликнула она: чистое и чувствительное сердце! ты любишь свое отечество, хотя разумъ твой еще и не созрѣлъ, хотя ты еще и не рассуждала о нашихъ обязанностяхъ въ разсужденіи отечества. Ты думала, что чувство, заставившее тебя проливать слезы о несчастіи Англичанъ, есть чувство порочное; но знай, другъ мой, что это самое чувство приводитъ меня въ восхищеніе. Пишай эту нѣжную любовь къ Англіи, къ той землѣ, гдѣ ты родилась. Ты должна любить Французовъ; однакожь не забывай никогда, что Англія есть твое отечество. — Сіи слова оживили Памелу и наполнили ее радостию; и въ томъ же еще вечерѣ, ложась спать, въ молитву свою включила она слѣдующее: *Господи! сдѣлай, чтобы Англичане и Французы перестали другъ друга ненавидѣть, перестали другъ другу дѣлать зло.* При такой чувствительности не лзя было ей не быть искренно набожною. Будучи увѣрена, что Богъ всегда ее видитъ, слышитъ всѣ слова ея, всегда она искренно раскаявалась, сдѣлавъ какой нибудь

нибудь проступокъ, и проливала слезы. Но прежде своего покаянія передъ Богомъ, признавалась она Фелисѣ въ винѣ своей, разсуждавъ такимъ образомъ: можетъ ли Богъ простить меня, если я не буду имѣть довѣренности къ мапушкѣ моей? Всякой проступокъ несносно гнѣшетъ меня, пока она еще не знаетъ его. Я чувствую сладчайшее удовольствіе, когда открываю ей сердце мое. Можетъ быть мапушка меня накажетъ; однакожь она будетъ говорить со мною, станетъ со мною разсуждать, похвалитъ искренность своей Памелы, будетъ меня цаловать, и ввечеру, когда приду къ ней прощаться, благословитъ меня еще съ большею нѣжностію. — Послѣ такого разсужденія Памела бѣжала броситься въ объятія своей мапери, кошорая нѣжными своими ласками всегда награждала ее за ея откровенность и чистосердечіе. Не могли разстаться съ Фелисою, и предпочитая удовольствіе быть съ нею всякому иному удовольствію, была она всегда у нее въ комнатѣ, даже и тогда, когда Фелиса читала, писала, или играла на клавесинѣ, и сидѣла всегда тихо, бояся обезпокоить ее. Иногда вставала, подходила тихонько къ ней, и поцаловавъ у нее руку, садилась на преж-

нее свое мѣсто. Часто кидала она свои игрушки, бросалась въ Фелисины объятія и со слезами говорила ей: ахъ, машушка! вмѣсто игрушекъ я думала о васъ, о вашихъ благодѣянїяхъ . . . Упавъ къ ногамъ своя благодѣтельница, обнимала ее колѣни, омочала ихъ слезами, и съ живымъ чувствомъ благодарности вспоминала все, чѣмъ была ей обязана.

Всѣ знавшіе Памелу думали, что достоинства такого любезнаго ребенка съ лѣтами будутъ только умножаться. Время доказало, что такое мнѣніе было справедливо. Памела на семнадцатомъ году имѣла всѣ знанія, какія только могутъ украшать разумъ женщины. Не было такого руководѣлья, которому бы она не выучилась. Она совершенно хорошо шила, вязала филе и дѣлала всякія женскія украшенія; прекрасно рисовала цвѣты и съ оптимънымъ искусствомъ играла на арфѣ, чему училась она съ особливою охотою: ибо учила ее тому сама Фелиса. Памела любила чтеніе, Натуральную Исторію, а особливо Ботанику. Весьма скоро выучилась она писать правильно и чисто, и слогъ ея былъ самой ясной. Имѣя такое нѣжное и чувствительное сердце, имѣла она и живое воображеніе; и что писала, то

то писала со вкусомъ. Пришедши въ лѣта, не лишилась она искренности и шѣхъ пріятностей, которыя имѣла въ дѣтствѣ своемъ: ласковости, невинной веселости и той привлекающей кропости, которая всѣхъ заставляла любить ее. А какъ въ младенчествѣ любила она бѣгать и прыгать, то спала отъ того весьма здорова; хотя была нѣжнаго сложенія и очень тонка, однакожь имѣла удивительную силу. Никто не могъ ее перебѣжать; она всѣхъ лучше танцевала, и походка была у нее самая пріятная. Доброе сердце ея придавало всѣмъ таковымъ пріятностямъ большій блескъ. Подобно Софѣѣ, часто потихоньку работала она для бѣдныхъ. Къ ней можно было отнести ту разумную похвалу, которую одинъ славной Сочинитель приписалъ нещастной Королевѣ, и вообще всѣмъ женщинамъ: *въ ней видны были тѣ пріятныя и добродѣтельные свойства, которыя Философія велитъ пріобрѣтать мужчинамъ, и которыя женщины отъ природы имѣютъ* (*).

Ж 3

На-

(*) Mr. Gaillard, Supplément a l'Histoire de la Rivalité.

Наталя, которая была сестрою Памелы семью годами, жила уже нѣсколько лѣтъ въ большомъ свѣтѣ, и веселила Фелису своею къ ней любовію, хорошимъ поведеніемъ своимъ и доброю своею славою. Корошко сказать, Камила, Наталя и Памела, дѣлали Фелису совершенно счастливою. Сіе благополучіе было отчасти разрушено горестнымъ приключеніемъ. Молодая жена брата ея, Александрина, которая своими добродѣтелями, дарованіями и красотою веселила все семейство, нѣсколько мѣсяцевъ была больна нѣкоторымъ разслабленіемъ, которое сперва не считали опасною болѣзнію. Александрина рѣшилась ѣхать на годъ въ южныя Провинціи. Фелисѣ горестно было съ нею разставаться, а особливо по тому, что и мать ея ѣхала съ нею. Сія мать, добродѣтельная и нѣжная, рѣшилась разстаться съ дочерью и сносить трудности долгаго путешествія, чтобы провожать больную Александрину, которой могла она присутствіемъ своимъ приносить пользу. Она отъѣзжала съ радостною надеждою; но скоро невозвратно лишилась ее. Путешествіе умножило Александрину болѣзнь. Наконецъ жестокіе припадки приблизили ее къ смерти. Фе-
лиса,

лиса, получивъ отъ матери своей такую печальную вѣдомость, все еще старалась себя обманывать и увѣрять, что жизнь Александрины не въ опасности; но скоро получила отъ нее другое письмо такого содержанія:

ИЗЪ Н * * *

Сентября . . . 1782 года.

„Она еще жива! . . . Но, можетъ быть,
 „въ самое то время, какъ ты по-
 „лучишь сіе письмо Ахъ, любезная
 „дочь! что будетъ съ несчастнымъ тво-
 „имъ братомъ? .. Что будетъ и со мною
 „послѣ такого несчастнаго приключенія?..
 „А я отъ тебя за двѣсти миль! . . . Мы
 „весьма несовершенно знали эту Ангель-
 „скую душу, которую теперь теряемъ.
 „Въ покойной и тихой жизни не могла
 „она показать высокихъ своихъ добро-
 „дѣтелей. Ты не можешь вообразить
 „себѣ ея твердости, благочестія, терпѣ-
 „нія и того неописаннаго усердія, съ
 „которымъ предается она въ волю Божию.
 „Я обманывалась, писавъ къ тебѣ, что
 „она не знаетъ своего состоянія; она
 „еще въ Парижѣ знала, сколь опасна бо-
 „жественная любовь

„лѣзнь ея. За тайну сказала она это
 „горничной своей дѣвкѣ, которая нынѣ
 „сама увѣдомила меня объ этомъ. Чтобы
 „облегчить нашу горестъ, несчастная хо-
 „пѣла насѣ. увѣришь, что по крайней
 „мѣрѣ она не теряешь еще той надежды,
 „которой мы лишились; но вчера она
 „проговорила. Мы были съ нею однѣ
 „въ комнахъ. Послѣ завтра, сказала
 „она мнѣ, намѣрена я причаститься Свя-
 „тыхъ Таинъ: сдѣлайте мнѣ милость,
 „машушка, приготовьте къ этому мужа
 „моего, чтобы онъ не испугался. Послѣ
 „того она была въ глубокой задумчивости.
 „Чтобы прервать ея размышленіе, спала
 „я говорить, и сказала, что нынѣ буду
 „къ тебѣ писать. Казалось, что она
 „хотѣла мнѣ что-то сказать, но не
 „могла еще совсѣмъ на то рѣшиться. Я
 „пожала у нее руку и спросила, не при-
 „кажетъ ли она о чемъ нибудь опи-
 „сать къ тебѣ отъ ея имени? *У меня*
 „лежитъ нѣчто на сердцѣ, отвѣчала она,
 „что меня очень беспокоитъ. Вы знаете,
 „что на тринадцатомъ году потеряла я
 „мать мою. Меня отдали въ монастырь.
 „Черезъ нѣсколько дней пришла ко мнѣ
 „одна больная и бѣдная старуха, и ска-
 „зала мнѣ, что матушка моя за два
 „года

„года передъ своею смертію взяла ее на
 „свое содержаніе, и съ того времени поила
 „и кормила ее. Я со слезами обнимала
 „эту бѣдную старуху и общала ей да-
 „вать деньги на пропитаніе, что и дѣлала.
 „И такъ, матушка, сдѣлайте мнѣ ми-
 „лость, отпущите къ сестрицѣ, чтобы
 „она по дружбѣ своей ко мнѣ взялась
 „имѣть о ней попеченіе. Юлія, дѣвка
 „моя, скажетъ вамъ, гдѣ ее найти. —
 „Однѣми слезами могла я ошвѣпствоваться
 „на сіи слова. Съ шрогательною призна-
 „пельностію цаловала она руку мою. —
 „Въ сію минушу любимая ея собачка,
 „Земира, копорую ты знаешь, хотѣла
 „вспрыгнуть къ ней на постелю. Я взяла
 „ее къ себѣ на колѣни. Сестра швола
 „наклонилась поцаловать ее. Бѣдная Зе-
 „мира! сказала она: матушка! вы любите
 „постельныхъ собачекъ: я дарю ее вамъ...
 „Одолжите меня, не отдавайте ее ни-
 „кому. — Ты конечно почувствуешь
 „цѣну такой попечительности. Гопо-
 „вась все оставить, думать обо всемъ,
 „не забыть ничего! . . . Ей двадцать че-
 „тыре года; она была хороша, щастлива,
 „пользовалась доброю славою . . . и раз-
 „лучаясь навсегда съ любезнѣйшимъ су-
 „пругомъ, съ милымъ младенцемъ, со

„всѣми друзьями и родственниками —
 „однимъ словомъ, умирая, быть столь
 „человѣколюбивою, думать о судьбѣ бѣд-
 „ной и дряхлой старухи, которой была
 „она подпора; думать еще о такихъ ма-
 „лостяхъ, которыя бы у иной при самой
 „легчайшей болѣзни вышли изъ памяти;
 „думать даже о самой постельной соба-
 „чкѣ! . . . Ахъ! какъ не удивляться та-
 „кой твердоспи, такой героической бод-
 „рости! . . . Прости, любезная дочь!
 „Богъ съ тобою! — При семъ посылаю
 „къ тебѣ записку, гдѣ найши бѣдную
 „старуху. Я увѣрена, что для тебя
 „ушѣшительно будетъ исполнить волю
 „умирающей: найми эту дряхлую жен-
 „щину и имѣй о ней попеченіе.”

Прочитавъ сіе письмо, Фелиса пош-
 часъ приказала подвезти карету, и съ Па-
 мелою поѣхала въ ту улицу, гдѣ жила ста-
 руха. По фамиліи была она Бюска; но
 во всемъ домѣ, въ которомъ она жила,
 звали ее обыкновенно *добренькою ста-*
рушкою. Фелиса и Памела удивились и по-
 чувствовали великую жалость, увидѣвъ ее.
 Она была въ параличѣ; ноги и руки у нее
 совсѣмъ высохли. Безмѣрно длинные пальцы
 ея, въ которыхъ не видно было никакой
 живости, казались совсѣмъ нечеловѣческими.

Лицо

Лицо ея было не отвращительно, однакожь ужасно сухо и блѣдно. Она не могла ни поднятъ, ни поворошить головы своей. Въ такомъ состояніи была она уже болѣе десяти лѣтъ, но ни мало не потеряла памяти и разума. Она лежала въ большой горницѣ, порядочно прибранной и чистой. Подлѣ постели ея сидѣлъ проповѣдникъ весьма почтеннаго вида. Фелиса, вошедши въ комнату, сказала, что она Александрина сестра. Когда спаруха сіе услышала, то подняла глаза вверхъ и залилася слезами. Ахъ, сударыня! сказала она: ваша сестрица не челоуѣкъ, а Ангелъ. Она еще очень молода, однако уже одиннадцать лѣтъ живу я милостію ея. Естли бы вы знали, сударыня, какъ она обо мнѣ пеклась! — „Часто ли она у тебя бывала?“, — Прежде замужства ея, когда она еще не могла выходить изъ монастыря, всякую недѣлю три раза таскалась я къ монастырской рѣшеткѣ. Она выпросила позволеніе пускать меня за рѣшетку, чтобы быть со мною въ одной горницѣ, и пощивала меня такимъ кушаньемъ, которое сама изготавляла. Она кормила меня изъ своихъ рукъ, и съ такою ласкою, что я безъ слезъ не могу объ этомъ

этомъ вспомнишь. Знаете ли, сударыня, какое было для нее самое большое наказаніе? вмѣсто всякой брани, надзирательница говорила ей: *завтра не дадутъ тебѣ кормить старушку; я сама буду кормить ее*. Послѣ эпова спановилась она такъ смирна, какъ овечка. Она всегда называла меня матерью, и требовала отъ меня, чѣобы я называла ее дочерью. А какъ бывало увижу, что надзирательница ею недовольна, то называю ее *сударынею*. Это ее такъ огорчало, что она заливалась слезами и прашивала прощенія у своей надзирательницы . . . Вы плачете, сударыни . . . А естли я расскажу вамъ все, что она изволила дѣлать для меня послѣ замужства своего, такъ вы со мною еще болѣе поплачете. Можно ли подумать, чѣобы такая молодая и прекрасная барыня прѣзжала всякую недѣлю раза три кѣ бѣдной дряхлой старушкѣ и сиживала у нее часа по два? Она привозила мнѣ бѣлье, всякіе плоды, пироги, и часто прочищывала мнѣ главы по двѣ изъ священнаго Писанія. Вы знаете, сударыня, какъ прекрасно она поетъ. Однажды я просила ее что нибудь пропѣть. Я знаю, отвѣчала она, однѣ вздорныя свѣтскія пѣсни, которыя конечно не полюбятся

мой

моей матушкѣ; однакожь для тебя выучу наизусть какія нибудь хорошія священныя пѣсни. Дней черезъ пять пріѣхала она ко мнѣ, и пропѣла многія прекрасныя духовныя пѣсни, и пѣла такъ пріятно, какъ Ангелъ. Въ другой разъ привезла съ собою арфу, и болѣе часа на ней играла. — Но это еще не все, сударыня. Вы видите, въ какомъ я состояніи. Надобно вамъ еще знать, что чувствую чрезвычайную боль въ безобразныхъ рукахъ и ногахъ моихъ, и во всемъ тѣлѣ. Не проходитъ недѣли, чтобы не было у меня страшныхъ припадковъ . . . Я не смѣла бы, сударыня, и рассказывать вамъ этого, если бы оно не служило къ прославленію вашей сестрицы . . . Ахъ! говори, другъ мой! перервала Фелиса, проливая слезы: говори! — И такъ, сударыня, продолжала старуха, человѣколюбіе этой Ангельской души такъ велико, что я принуждена была принимать отъ нее всякія услуги. На примѣръ, когда вы приказываете, скажу вамъ, что я чувствую чрезвычайную боль, если мнѣ небрежливо обрѣзываютъ ногти; и для того всегда сама она это дѣлала. . . Вы знаете, какъ бѣлы и нѣжны руки ея; однакожь не знаете того, что такія пре-
кра-

красныя руки всякую недѣлю мыли ноги дряхлой спарухи. . . . Сказавъ сіи слова, спаруха замолчала и опять залилася слезами. Фелиса и Памела были не въ силахъ говорить. Продолжалось молчаніе. Черезъ нѣсколько минушъ вошла въ горницу молодая дѣвушка, и спросила, у спарухи, не надобно ли ей чего нибудь. Спаруха поблагодарила ее, а дѣвушка вышла вонъ. Послѣ того проповѣдникъ, сидѣвшій все подлѣ постели, сказалъ Фелисѣ: эша молодая дѣвушка, предлагавшая свои услуги нашей больной спарухѣ, есть дочь ея сосѣдки. Всѣ сосѣдки, сударыня, любяшъ ее: одна приходитъ къ ней работать, другая убираетъ ея комнату, третья приноситъ дрова и разкладываетъ у нее огонь въ каминѣ. Коропко сказать, милосердіе вашей сестрицы оживляетъ духомъ любви всѣхъ тѣхъ, которые живутъ въ этомъ домѣ. — Ахъ! сказала Фелиса: какими спасительными чувствами наполняется сердце мое! — Все слышанное вами, сударыня, продолжалъ проповѣдникъ, и предметъ, представляющійся глазамъ вашимъ — все это достойно удивленія. Если бы вы знали, сударыня, какъ эша несчастная женщина благочестива, какую имѣетъ она вѣру, съ ка-

кимъ

кимъ терпѣніемъ сноситъ всѣ болѣзни! ... Она описала вамъ еще не всѣ свои муки. Это изсохшее и неподвижное тѣло покрыто ранами и нарывами. . . . Я не хочу разспрогать чувствительнаго сердца вашего Вы бы ужаснулись и запрепещали. — Несчастная! воскликнула Фелиса: не уже ли не лѣзя облегчить ея спрданія? Не уже ли нѣтъ лѣкарствъ? — „Нѣтъ сударыня, человѣческое искусство не можетъ подать ей никакой помощи. Тѣмъ болѣе достойна она удивленія, что ни въ какой болѣзни не ропщетъ.„ — Можно ли! -- Такъ, сударыня, сказала спаруха: болѣзни мои переношу я не только съ терпѣніемъ, да еще и съ радостію. Да и чему тупѣ удивляться? За минувшую болѣзнь, перенесенную съ терпѣніемъ, наслаждаемся вѣчнымъ блаженствомъ. Награда будетъ соразмѣрна нашимъ заслугамъ. Какъ должно мнѣ благодарить Бога за то, что Онъ привелъ меня въ такое состояніе, въ которомъ могу я всегда угождать Ему, терпѣливо спрадая — въ которомъ ничто не можетъ меня отвращать отъ Него, въ которомъ все заставляетъ меня думать объ одной вѣчности! . . . Какъ же любезны мнѣ мои болѣзни! Онѣ загладили пороки молодыхъ лѣтъ моихъ, очисти-

СИЛИИ

стили мое сердце, отвратили меня отъ всѣхъ ложныхъ благъ . . . Уже нѣтъ для меня міра; уже не можешь онъ соблазнить, испортить и погубить меня. Душа моя живетъ уже не въ здѣшнемъ мірѣ; а скоро будетъ она еще ближе къ Творцу своему. . . Боже мой! я слышу гласъ любви Твоей! онъ ободряетъ меня, повелеваетъ мнѣ терпѣть безъ ропота и обѣщаетъ мнѣ за то вѣнецъ безсмертія! . . . Создатель мой! съ радостію Тебѣ повинуюсь, почитаю Твои утѣхи, благословляю судьбу мою, и состоянія моего не промѣняю ни на какое знатное и щастливое состояніе въ мірѣ. — Сія женщина произносила сіи слова такимъ твердымъ голосомъ и съ такимъ чувствомъ, что не лъзя уже было почестъ ее больною и дряхлою; глаза ея, которые до того времени были покрыты тьмою, стали свѣтлы, и блисталъ въ нихъ чрезвычайной огонь. Фелиса и Памела слушали и разсматривали ее съ восхищеніемъ. Могли ли вы думать, сударыня, сказалъ проповѣдникъ Фелисъ, чтобы въ такомъ состояніи она почитала себя щастливою? Что бы было съ этою старухою, благословляющею теперь судьбу свою, естли бы она не была Христіанка? Какъ бы

бы ужасно было ея состояніе, естли бы сомнѣвалась она въ вѣчныхъ истиннахъ, въ которыхъ теперь увѣрено сердце ея! ... Ахъ! что бы могъ отвѣчать ей безумнѣй и злобной безбожникъ, спарающійся развращать людей, естли бы она сказала ему: *ты хочешь лишить меня единственнаго утѣшенія, которое мнѣ остается и которое могу вкушать! ты хочешь свергнуть меня въ ужасное отчаяніе! . . Жестокой! смотри, какъ страдаетъ тѣло мое; но сколь велика и моя твердость, терпѣніе и вѣра! Смотри, какъ тиха душа моя, и ужаснись твоего злобнаго ученія!*

По томъ Фелиса встала и простилась съ старухой, обѣщавъ ее часто посѣщать. Во весь томъ день Фелиса и Памела говорили только объ Александринѣ и добродѣтельной старухѣ. Удивительно, сказала Памела, что пепушка не говорила съ нами никогда объ этой старушкѣ. Это самое, отвѣчала Фелиса, заставляетъ насъ болѣе почитать ее. Вотъ свойство истинной добродѣтели. Когда одинъ разумъ заставляетъ насъ дѣлать добрыя дѣла, тогда мы гордимся шѣми трудами, которыхъ онъ спояшъ намъ; но когда дѣлаемъ добро по влеченію сер-

дечному, тогда, вмѣсто того, чѣмъ бы удивляться своей добродѣтели, думаемъ такъ: я не стою похвалы; я слѣдую только склонности и побужденію сердца моего. Видала ли ты, какъ скупые дарятъ? Въ такомъ случаѣ всегда стараются они показать всѣмъ людямъ щедрость свою; но въ самомъ дѣлѣ показывающъ свою суетность и неприличіе дарить. Да и подлинно, подарки стоятъ имъ такъ дорого, что можно нѣкоторымъ образомъ извинить ихъ тщеславіе. Напротивъ того, посмотри, какъ просто дарятъ люди щедрые, и какъ мало гордятся они своею щедростію. Обыкновенныя люди тщеславятся своими добрыми дѣлами и весьма ихъ уважаютъ для того, что онѣ для нихъ трудны; но великія души не имѣютъ этой гордости, будучи всегда оживляемы любовію ко всякому добру. — Все, что вы говорили, мапушка, сказала Памела, заставляетъ любить скромность и никогда не хвалиться добрыми своими дѣлами; для того что такое тщеславіе обнаруживаетъ низкую душу и малую любовь къ добродѣтели.

Черезъ нѣсколько дней послѣ сего разговора, Фелиса получила печальное извѣстіе

стіе о смерти своей невѣстки, которую она всегда нѣжно любила, но которую полюбила еще гораздо болѣе послѣ того, что бѣдная старуха о ней рассказывала. Хотя уже около трехъ мѣсяцевъ готовилась она къ сему приключенію, однакожь погрузилась въ великую печаль. Она поѣхала къ старухѣ и вкусила печальное удовольствіе плакать вмѣстѣ съ нею, и слышать похвалы умершей.

Памела хотѣла у бѣдной старухи заступитъ мѣсто любезной и добродѣтельной Александрины. Она оказывала ей такія же услуги, и всякую недѣлю обыкновенно бывала у нее по два раза. Уже около года исполняла она сію священную должность помогать спраждущему человѣчеству, какъ въ одно утро, когда она, стоя на колѣняхъ, мыла ноги больной старухи, отворилась дверь и вошелъ въ комнату человекъ лѣтъ въ пятьдесятъ, вида важнаго и благороднаго. Сступивъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился и со вниманіемъ разсматривалъ прогательную картину, представившуюся его взору. Памела, наклонившись, обтирала старухины изсохшія ноги; длинные волосы ея висѣли у нее по лицу и почти до половины закрывали его. Шумъ, произ-

веденной приходомъ незнакомаго, заставилъ ее оглянуться. Увидѣвъ его, она пришла въ замѣшательство; скромной румянецъ покрылъ ея щеки и придалъ большій блескъ красотѣ ея. Она оборотилась къ провождавшей ея служанкѣ, Англичанкѣ, и дѣлала ей на Англійскомъ языкѣ выговоръ, что она не заперла двери. Когда она перестала говорить, незнакомой въ восхищеніи сказалъ по Англійски: *Слава Богу! этотъ Ангелъ моя единоземка!* — Памела была въ великомъ изумленіи, и ея смятеніе еще умножилось, когда незнакомой подошелъ къ ней, взялъ стулъ и съ важностію сѣлъ противъ нее. Когда она одѣвала старухины ноги, чтобы отойти отъ нее, незнакомой сказалъ: кто не видалъ такой картины, тотъ не можетъ знать, какое впечатлѣніе въ чувствительномъ сердцѣ могутъ сдѣлать прелести добродѣтели. --- Сказавъ сіе, незнакомой замолчалъ и пристально смотрѣлъ на Памелу. Онъ погружился въ такое глубокое размышленіе, что никакъ не примѣчалъ великаго замѣшательства и изумленія, производимаго его присутствіемъ. Наконецъ Памела встала, простилась съ спарухой, и поклонясь низко незнакомому, вышла

миссъ-

поспѣшно. вонѢ, оставя Англичанина одного съ больною. ЧерезѢ нѣсколько дней послѢ сего приключенія, Памела пріѣхала опять къ спарухѢ, которая сказала ей, что незнакомой пробылѢ у нее около часа и разспрашивалѢ ее объ ней; что онѢ хотѣлѢ знать имя ея, и къмѢ она воспитана. ВѢ томѢ же еще вечерѢ получила Фелиса письмо, которое она показала ПамелѢ, и которое было такого содержанія:

Милостивая Государыня!

„Отправляясь вѢ Англію, не могу я
 „уѣхать не сказавѢ вамѢ, хопя черезѢ
 „письмо, того, что нынѢ весьма меня
 „занимаетѢ. Вы по великодушію своему
 „воспитали Англичанку, бѣдную сироту,
 „и воспитали ее какѢ родную свою дочь.
 „Любезная Памела дѣлаетѢ честь своему
 „опечеству. Всякой АнгличанинѢ, любя-
 „щій честь Англіи, долженѢ любить и
 „Памелу — любить ее, радоваться ея,
 „и благодарить васѢ, вкоренившую вѢ
 „сердцѢ ея правила истинной добродѣ-
 „тели, или возраспившую вѢ ней то
 „добро, съ которымѢ родилась она. И
 „такѢ изѣявая вамѢ мою благодарность,
 „увѣ-

„увѣряю васъ, что во всю жизнь буду
 „почитаю ваши добродѣтели. Мнѣ
 „пятьдесятъ лѣтъ, сударыня; и такъ
 „ничто не мѣшаетъ мнѣ сказать вамъ,
 „что добродѣтельной поступокъ Памелы,
 „которому за нѣсколько дней передъ
 „симъ былъ я очевидной свидѣтель, про-
 „извелъ во мнѣ нѣжнѣйшую къ ней лю-
 „бовь. Прекрасная Памела, стоящая на
 „колѣняхъ и моющая ноги дряхлой спа-
 „рухи, никогда не выдетъ изъ моей па-
 „мязи. Мнѣ сказали, что у нее есть
 „въ Англіи родственники, которые отъ
 „нее отказались: откройте же мнѣ тайну
 „ея рода; а я обещаюсь служить ей съ
 „такимъ усердіемъ, какого только можно
 „ожидать отъ нѣжнѣйшаго отца.,,

Имѣю честь быть, и проч.

Чарльсъ Арсбн.

Ахъ, мамушка! сказала Памела, про-
 читавъ сіе письмо: едѣлайте милость,
 не сказывайте обо мнѣ ничего этому Ан-
 гличанину. Въ васъ нахожу я все. Не
 увѣдомляйте обо мнѣ моихъ родственни-
 ковъ, которые меня совсѣмъ оставили.
 Я ваша; и такъ не совершенно ли щас-
 лива Памела? — Однакожь, другъ мой,
 есть-

если бы нашлись твои родственники, то бы ты имела имя, получила имение „Вы называете меня своею дочерью; вы позволяете мне всю жизнь мою посвящать вам: чего же мне еще желать?„ — Позволь мне позвать к себе эпова Англичанина. Признаюсь, что его любовь к дражайшей моей Памелле вселяет во меня желание с ним познакомиться. Он знает достоинства моей дочери: как же мне не почитать его? Общаюсь не сказывать ему твоего рода без твоего согласия. — С таким договором Памела согласилась позвать Англичанина. На другой день Г. Аресби пришел к Фелисе. После первых учтивостей, Г. Аресби возобновил предложение своих услуг, и усиленно просил Фелису открыть ему Памелину фамилию. Фелиса прямо сказала ему, что сама Памела того не хочет. Аресби вздохнул. Я теряю надежду быть ей полезным, сказал он печальным голосом. По крайней мере, сказала Памела, не сомнѣвайся во моей благодарности. Без ужаса не могу я подумать ни о какой перемене во моем состоянии; по тому что во нежной любви великодушной моей благодѣтельницы нахожу

хожу я совершенное для себя счастье, такъ что мнѣ не остается ничего желать. Однакожь ваше добродушіе меня прогаеиъ и заставляетъ почитать васъ, государь мой. — Господинъ Аресби по-смотрѣлъ съ нѣжностію на Памелу, потомъ оборотился къ Фелисѣ и сказалъ ей: я ѣду въ концѣ этой недѣли: могу ли надѣяться, сударыня, что вы мнѣ позволите иногда писать къ вамъ? — Фелиса общалась вести съ нимъ переписку, и спросила, куда надписывать къ нему письма. Я уже не живу въ Лондонѣ, сказалъ Аресби, и часто переѣзжаю изъ мѣста въ мѣсто; но вы можете, сударыня, надписывать письма въ Лондонѣ, на имя Госпожи Сельвинъ, которая мнѣ ихъ будетъ доставлять. При имени Сельвины Фелиса и Памела пришли въ великое движеніе. Господинъ Аресби, смотрѣвшій на Фелису, примѣтилъ ея удивленіе, и спросилъ у нее, не знаетъ ли она Госпожи Сельвинъ. Мнѣ извѣстна ея фамилія, отвѣчала Фелиса. Я одной съ нею фамиліи, сказалъ Аресби „Какъ?“, — Такъ, сударыня. Женившись на сиротѣ, надлежало мнѣ принять ея фамилію. Я уже десять лѣтъ вдовъ, и у меня нѣтъ дѣтей. — Нѣтъ ли у васъ брата?

брата? спросила Фелиса съ чрезвычайнымъ движеніемъ. Ахъ, сударыня! опвѣчалъ Аресби: у меня было ихъ двое, но я лишился ихъ. Госпожа Сельвинъ была за мужемъ за большимъ братомъ моимъ, которой давно уже умеръ; а другой „Другой?„ — Ахъ, сударыня! эшотъ несчастной, будучи ослабленъ спрастію, забылъ должность свою въ разсужденіи родителей, и былъ лишенъ наслѣдства. Раскаяніе и горесѣ сократили жизнь его. Несчастной отецъ нашъ скоро по смерти его лишился жизни. Я былъ тогда въ отсутствіи. Несчастныя приключенія продлили мое путешествованіе: въ Англію возвратился я черезъ чепыре года. Жена покойнаго брата моего умерла прежде моего пріѣзда. У нее оспалась дочь, которую хотѣлъ я сыскасть и воспитать какъ дочь свою. Женщина, взявшая ее къ себѣ, умерла; но мужъ ея сказалъ мнѣ, что несчастная сирота лишилась жизни скоро послѣ смерти своей матери. — Говоря сіи слова, Г. Аресби увидѣлъ, что Памела плакала, какъ она ни старалась скрывать слезы свои. Будучи удивленъ волненіемъ ея души и блѣдностію лица ея, смотрѣлъ онъ на нее съ великимъ движеніемъ. Фе-

лиса, бывшая въ такомъ же замѣшательствѣ, взяла у нее пренеющую руку и съ нѣжностію пожимала ее. Вдругъ Памела вспала и съ претепомъ подошедъ къ Аресби, сказала ему: мнѣ должно опкрыться брату отца моего . . . Боже мой! воскликнулъ Аресби, бросаясь къ ней . . . Памела, пришедшая въ ужасъ, котораго она преодолѣть не могла, опспувила назадъ и бросилась въ объятія къ Фелисѣ. Любезная мать! сказала она, проливая слезы: благодарѣтельница моя! я принадлежу вамъ одной! не оставляйте меня, не оставляйте своей дочери! .. Если вы откажешесь отъ меня, то я умру съ печали. -- Послѣ сихъ словъ почувствовала она великую слабость, глаза ея закрылись . . . она упала въ обморокъ. Фелиса, будучи внѣ себя отъ страха, омывала ея лице слезами, и не знала, что дѣлать. Памела скоро пришла въ себя и отворила глаза. Аресби, пожимая у нее руку, сказалъ ей: Памела! перестань спрашивать и терзать сердце мое. Я не имѣю ни права, ни безчеловѣчнаго желанія вырвать тебя изъ объятій твоей благодарѣтельницы; ты должна посвятить ей всю жизнь твою . . . Ахъ! если ты подлинно та несчастная Сельвинъ, о копо-

которой я столько проливалъ слезъ, то найдешь во мнѣ друга, нѣжнаго отца, не могущаго потребовать отъ тебя никакой жертвы. --- Памела, услышавъ сіе, съ восхищеніемъ обнимала Фелису, и изъявляла свою радость и благодарность къ Господину Аресби съ тою пріятностію, съ тою чувствительностію, которая всегда одушевляла ее. Фелиса принесла ящикъ, въ которомъ лежали доказательствъ Памелина рода. Господинъ Аресби прочиталъ письма и разныя бумаги, которыя служанка Госпожи Сельвинъ отдавала Фелисѣ. Сія женщина, получивъ тогда подарки отъ Фелисы и не хотѣвъ раздѣлить ихъ съ мужемъ своимъ, сказала, что Памела умерла, будучи увѣрена, что она никогда не покажется въ Англіи.

Г. Аресби, нашедши племянницу свою въ самой той прекрасной дѣвицѣ, которой добродѣтели сдѣлали въ сердцѣ его такое глубокое впечатлѣніе, хотѣлъ, чтобы съ самаго того дня приняла она свою фамилію. Наконецъ любовь его къ Памелѣ возрасла до такой степени, что онъ переѣхалъ жить во Францію. Памела достойна была его благодѣяній, любивъ его какъ отца своего. Она никогда не

не разставалась съ Фелисою, и стараніе угождать ей было для нее всегда первою и пріятнѣйшею должностію.

Госпожа Добролюбова, окончивъ свою повѣсть, замолчала. И какъ не пришло еще время ложиться спать, то начался разговоръ. Разсуждали о Исторіи Памелы; удивлялись характеру Героини, а особливо ея чувствительности; и признавали, что благодарность есть самая прогашельная добродѣтель. Долго говорили о добродѣтельной Александринѣ. Замѣтили, что она примѣромъ своимъ вдохнула въ Памелу любовь къ благодѣянію — любовь, бывающую всегда свойствомъ великихъ душъ. Наконецъ удивлялись пому щастливому вліянію, которое имѣло на судьбу Памелы благодѣяніе ея въ разсужденіи больной старухи, и силъ Религіи, которая даетъ такія высокія добродѣтели, такое непоколебимое мужество, что столько лѣтъ сноситъ человекъ безъ роптанія самыя ужаснѣйшія болѣзни, какія только могутъ терзать бѣдное человечество (*).

По

(*) Госпожа Бюска, которая еще и нынѣ живетъ въ Парижѣ (въ Августѣ 1783)

По томѣ пошли спать. Нѣсколько дней не разсказывали никакихъ повѣстей; однакожь послѣ ужина проводили всегда нѣсколько часовъ въ разговорахъ. Пріятная луна освѣщала ночи. Всякой вечерѣ, вставъ изъ за-стола, прогуливались по саду и не выходили оппуда прежде десятого часа. Гж. Добролюбова показывала дѣтямъ красоту неба, усѣяннаго звѣздами. Сіе разсматриваніе скоро произвело желаніе имѣть понятіе о звѣздахъ; и познаніе небеснаго глобуса, о чемъ прежде совсѣмъ не думали, сдѣлалось вдругъ пріятнѣйшимъ предметомъ послѣобѣденныхъ упражненій. Особливо Петрѣ учился тому съ оппмѣнною прилѣжностію, и внутренно радовался, когда хвалили память его.

Гжа. Добролюбова скоро примѣтила его щеславіе и сказала ему: не уже ли забылъ ты Памелино разсужденіе о скромности? Правда, что оно оппносилось къ щеславію въ разсужденіи нашихъ добрыхъ дѣлъ; однакожь его можно оппнести и къ той гордості, которая основыва-
ется

подлинно осьмнатцать лѣтъ находится въ описанномъ состояніи.

ется на знаніяхъ и дарованіяхъ. Человѣкъ, подлинно просвѣщенной, никогда не щеславится своею ученостію; по тому что нѣтъ нужды выставлятъ всѣмъ передъ глаза такого достоинства, въ которомъ никто не сомнѣвается, и котораго не лзя оспорить. Можно почипать себя разумнѣйшимъ человѣкомъ, будучи глупцемъ; и всякой, кто такъ заблуждается, знаетъ, что можетъ заблуждаться. Сіе сомнѣніе, сколь бы слабо ни было, производитъ въ насъ всегда нѣкоторое безпокойство въ разсужденіи мнѣнія другихъ людей, и заставляетъ насъ показывать всѣмъ, что мы умны и знающіи. Однакожь въ самомъ дѣлѣ не лзя человѣку не знать, знающъ ли онъ или невѣжда. Кто въ самомъ дѣлѣ ученъ, тотъ увѣренъ, что не лзя опнать у него достоинства его; а когда какой нибудь безразсудной и назоветъ его невѣждою, то онъ менѣе всякаго въ такомъ случаѣ осердится. Ложныя обвиненія прогаютъ менѣе основательныхъ; по тому что легко доказать ихъ несправедливость. Вотъ причина, для чего между такъ называемыми остроумцами болѣе щеславія и подлиннаго педантизма (то есть, желанія блеснуть), нежели между уче-

учеными. Полоученные, естли такъ ска-
зашь можно, помѣшаны на желаніи пока-
зывать себя учеными. Имѣя нѣкопорыя
легкія познанія, хощашь всѣхъ увѣрить,
что имѣютъ знанія глубокія, и всячески
спараются искашь случаевъ обнаруживать
свою ученость. Помни, что это пше-
славіе свойственно однимъ посредствен-
нымъ умамъ, и что по тому же само-
любію, которое заспавляетъ насъ пше-
славиться, не надлежало бы намъ того
дѣлать; по крайней мѣрѣ надлежало бы
хотя только *показываться* скромными.
Бываютъ люди умныя и несносно гор-
дые; однакожь такіе примѣры рѣдки, да
и разумъ ихъ вѣрно не самой прони-
цательной. Скажу, что гордость есть
самой несноснѣйшій порокъ въ общежи-
тіи. Въ чемъ состоитъ свѣтская наука?
Въ искусствѣ забывать самага себя, за-
ниматься другими, искашь случая обна-
руживать ихъ достоинства, показывать
желаніе имъ служить и нравиться, почи-
тать и ласкать ихъ; особливо же увѣ-
рять всѣхъ, что самага себя почищаешь
ни за что: по тому что надобно изъ-
являть великую благодарность при самомъ
малѣйшемъ къ намъ вниманіи и при обы-
кновенныхъ привѣтствіяхъ. Къ чело-
вѣку,

вѣку, которой въ разсужденіи своего состоянія гораздо насъ ниже, пишемъ мы: *вашъ покорнѣйшій слуга*. Всѣ обыкновенныя привѣтствія опмѣнно смиренны. Кому можемъ приказать, того просимъ; на прим. *пожалуйте сдѣлайте*, и проч. Прося о бездѣлицѣ, говоримъ: *сдѣлайте мнѣ милость* — *смѣю ли просить васъ*, и проч. Изобрѣташели всѣхъ такихъ обыкновеній хотѣли сдѣлать общежитіе пріятнымъ и заснавивъ каждого человѣка скрывать свое самолюбіе. И такъ заключимъ изъ всего эпова, что тотъ не знаетъ *науки жить*, кто показываетъ свою гордость. Но гордость есть такой порокъ, котораго скрыть не лъзя. Голосъ, ужимка, глаза, лицо — все обнаруживаетъ ее. И такъ, кто хочетъ знать *науку жить*, кто хочетъ быть въ общежитіи пріятнымъ, тому не надобно имѣть гордости, порока несноснаго, котораго скрыть не возможно, и которой доводитъ насъ до великихъ глупостей.

Да кто уменъ, матушка, сказалъ Петръ, тотъ конечно можетъ гордость свою обуздать такъ, что никогда не сдѣлаетъ и не скажетъ ничего смѣшнаго. — Нѣтъ, другъ мой, отвѣчала Гж. Добролюбова: гордость совсѣмъ заимѣваетъ

раз-

разсудокъ, такъ что человекъ забываетъ всю благопристойность. Гордой человекъ все соврать можетъ. Я скажу тебѣ примѣръ гордости, которой достоинъ примѣчанія. Карлъ Дюмулень былъ славной Докторъ Правъ. Всѣ Суды требовали у него совѣта и почти всегда дѣлали приговоръ по его мнѣнію. Но этотъ славной Французъ зашмилъ славу свою безразсудною своею гордостью. Онъ называлъ себя *учителемъ Франціи и Германіи*, и въ заглавіи совѣщаній своихъ писалъ сіи слова: *я, котораго нѣтъ превосходитье, и котораго никто и ни чему научить не можетъ*. Подумай же, какого презрѣнія достоинъ порокъ, заставляющій умнаго человека такъ дурачиться. — Петръ почувствовалъ отвращеніе отъ гордости, и искренно рѣшился наблюдать впредь движенія своего сердца и изпреблывать въ себѣ всякое тщеславіе.

Между тѣмъ дѣти Гж. Добролюбовой дѣлали ей великое удовольствіе. Онъ доказывали ей, что пользуются *вечерними повѣстями* и Софьинымъ примѣромъ. Елисавета и Катерина свѣдали, что въ сосѣдней деревнѣ одна бѣдная женщина готовилась родить. Онъ уговорились на-

шить для ребенка рубашекъ и пеленокъ. Петрѣ взялъ на себя приказать споляру сдѣлать сундукъ, въ которой бы положить все бѣлье, въ подарокъ бѣдной женщинѣ приготовляемое. Гж. Добролюбова одобрила ихъ намѣреніе. Собрали все старое бѣлье въ домѣ и отдали его Елисаветѣ и Каперинѣ, которыя тотчасъ принялись за работу. Когда все приготовлено было, дѣти просили, чтобы позволили имъ самимъ отнести все сіе къ бѣдной крестьянкѣ. Хорошо, отвѣчала Гж. Добролюбова: да какъ вамъ нести сундукъ? до этой деревни будетъ около двухъ верстѣ. — „Мы, матушка, положимъ сундукъ на дрожки, сядемъ на него и поѣдемъ.“ — И это хорошо, сказала Гж. Добролюбова: а я пойду пѣшкомъ и отнесу бѣдной женщинѣ рубли два денегъ. Завтра, послѣ завтрака, туда отправимся. — Такое разположеніе привело дѣтей въ великое восхищеніе. Впрочемъ какъ и не радоваться, дѣлая доброе дѣло и имѣя случай проѣхать двѣ версты на сундукѣ!

Елисавета, Каперина, Петрѣ и Николай, были во весь тотъ день въ великомъ движеніи. По крайней мѣрѣ двѣнадцатымъ

цать разѢ посылали кѢ кучеру, чтобы онѢ на другой день поушру запрягѢ лошадь вѢ дрожки. Елисавета и Кашерина уложили бѢлье вѢ сундукѢ, и раздѢлили его на двѢ части, чтобы работа ихѢ не перемѢшалась. Все перевязали ленщами, и наклали ихѢ даже кусками, такѢ что леншѢ было не менѢе бѢлья. На другой день дѢти проснулись прежде разсвѣта и сѢ великимѢ нетерпѢніемѢ дожидались того часа, вѢ которой обыкновенно вставали. ОдѢлись опмѢнно скоро, позавтракали и пошли на крыльцо посмотриѢть, подвезли ли дрожки. Все было гошово кѢ путешествію. Вынесли сундукѢ и поставили его на дрожки; дѢти сѢли на него сѢ такимѢ гордымѢ видомѢ, сѢ какимѢ побѣдитель садится на триумфальную колесницу, и чувствовали вѢ сердцѢ своемѢ великую радость. Г. Добролюбова и СвоемысловѢ пошли пѢшкомѢ подлѢ дрожекѢ, и дорогою разговаривали сѢ дѢтьми. Не смотря на великое желаніе пріѢхать поскорѢе вѢ ту деревню, вѢ которой жила бѢдная крестьянка, дорога не казалась долгою. Разговоры были самые веселые. ДѢти пѢли и кричали, будучи побуждаемы кѢ тому своею матерью, которой никогда не была вѢ пятъ

госпѣ невинная радость ихъ. Издалека можно было слышать громкой смѣхъ, пѣсни и крикъ. Молодые крестьянки, бывшія въ полѣ; и пастухи сбѣгались смотреть на нихъ. Такимъ образомъ продолжалось пудешествіе.

Когда подѣхали къ избѣ бѣдной крестьянки, дѣти переспали шумѣть; но радость умножилась. Въмѣсто побужденія къ смѣху и къ пѣснямъ, дѣти чувствовали въ сердцахъ своихъ пріятное тихое волненіе. Когда дрожки оспановились у воротъ, Петрѣ и сестры его стали такъ тихи, какъ за четверть часа передѣтѣмъ были шумливы. Сошли съ дрожекъ. Два человека взяли сундукъ и понесли его въ избу, куда дѣти вошли прежде всѣхъ. Елисавета и Катерина раскрыли сундукъ и сказали бѣдной крестьянкѣ, чтобы она приняла отъ нихъ въ подарокъ сіе бѣлье съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ онѣ дарятъ ее. Говоря сіе, чувствовали онѣ въ сердцѣ своемъ необыкновенное радостное движеніе. Гж. Добролюбова дала ей нѣсколько денегъ. Бѣдная крестьянка, приведенная въ изумленіе такимъ неожиданнымъ благодѣяніемъ, долго не могла сказать ни слова; наконецъ,

нецѣ, залившись слезами, бросилась цаловать руки у добродушныхъ своихъ гостей, и благодарила ихъ съ такимъ жаромъ, что онѣ сами не могли отъ слезъ удержаться.

Возвратившись домой, говорили все о бѣдной крестьянкѣ. Гж. Добролюбова сказала дѣтямъ своимъ: не забывайте никогда того удовольствія, которымъ вы нынѣ наслаждались. Отъ чего спрасити прелекательны для человѣка? Безъ сомнѣнія отъ того, что онѣ выводятъ его изъ скучнаго бездѣйствія — для того, что производятъ въ немъ живыя чувства. Человѣкъ лучше хочетъ впасъ во множество заблужденій, страдать и мучиться, нежели быть въ скукѣ. Однакожъ спрасити производятъ одно болѣзненное сотрясеніе, или такія удовольствія, которыя всегда смѣшаны съ безпокойствомъ, съ раскаяніемъ. Одна добродѣтель можетъ быть для насъ неизтощимымъ источникомъ истинныхъ удовольствій. Она болѣе всего можетъ насъ пронуть, произвести въ сердцѣ нашемъ сладостнѣйшее волненіе, привести насъ въ восторгъ. Вспомните, любезныя дѣти, то великое удовольствіе, которое чувствовали сердца ваши, когда вы вздумали сдѣлать благо-

дѣяніе бѣдной крестьянкѣ; вспомните ту прилѣжность, съ которою вы для нее работали, и то волненіе, въ которомъ вы были вчера — пріятную минуточку выѣзда нашего — ту радость, которую ощущали вы во всю дорогу — то движеніе, которое почувствовали вы подъѣзжая къ избѣ бѣдной крестьянки — то восхищеніе, въ которое привела васъ благодарность ея.... и будьте увѣрены, что страсти никогда не производятъ такой сильной радости, такого сладостнаго удовольствія. То удовольствіе, которое чувствуемъ мы упившись какоюнибудь страстію, есть опасная мечта, которая въ минуточку исчезаетъ; исчезнувъ же, оставляетъ въ душѣ ужасную пустоту, мучительное воспоминаніе и горькое раскаяніе. Напрощивъ того радость, чувствуемая нами послѣ какогонибудь добраго дѣла, бываетъ продолжительна и не можетъ произвести никакихъ худыхъ слѣдствій. —

Послѣ сихъ словъ дѣти бросились обнимать мать свою, увѣряя, что ея разсужденіе сдѣлало глубокое впечатлѣніе въ ихъ сердцахъ, и что онѣ во всю жизнь будутъ искать удовольствія въ одной добродѣтели. По томъ Пётръ просилъ

у матери позволенія окрестить съ Елисаветою или Капериною того ребенка, котораго родишь бѣдная крестьянка. Ты еще очень молодѣ, сказала Гж. Добролюбова. — „Да я видалѣ, мамушка, что дѣши въ мои лѣта бывающѣ крестными опцами.„ — Правда; однакожь надобно тебѣ знать, что крестной отецѣ обязывается имѣть попеченіе о крестникѣ своемѣ, долженѣ его научать и во всемѣ помогать ему; однимѣ словомѣ, любить его какѣ своего сына. — „Ахѣ, мамушка! теперь. я еще болѣе желаю быть крестнымѣ опцемѣ, потому что буду имѣть случай дѣлать добро.„ — Хорошо, я соглашаюсь. — А кто изѣ насѣ будетѣ крестною матерью? спросили вдругѣ Елисавета и Каперина. Эта честь принадлежитѣ старшей, отвѣчала Гж. Добролюбова: однакожь увѣряю тебя, Каперина, что и ты черезѣ годѣ будешь крестною матерью. — Послѣ сего всѣ были довольны; а чтобы сіе удовольствіе сдѣлать совершеннымѣ, то Гж. Правосудова въ слѣдующій вечерѣ начала разсказывать слѣдующую повѣсть.

ОЛИМПІЯ и ТЕОФІЛЬ.

На берегахъ рѣки Везеры, во Франціи, находится еще и нынѣ внутри Лимузеня старой замокъ, достойной примѣчанія по своей древности и прекрасному своему положенію. Онѣ окруженъ лугами, покрытыми всякимъ скотомъ, и построенъ на свѣсѣ холма, съ котораго видны рѣка и въ перспективѣ прекрасной городокъ Юзершѣ, которой въ семѣ разстояніи составляетъ удивительной и пріятной видѣ (*). Въ семѣ уединеніи Баронѣ Солины, бывшій уже нѣсколько лѣтъ вдовцемъ, воспитывалъ сына своего, которой былъ у него одинъ и составлялъ все

(*) Сей городокъ построенъ на крушой каменной горѣ, у подошвы которой течетъ рѣка Везера. Каждой житель изъ дому или изъ саду всего видитъ теченіе рѣки, и каждой домъ, еслии посмотришь на него въ перспективѣ, покажется маленькимъ древнимъ замкомъ съ башенками и павильонами, покрытыми черепицею. Отъ Парижа до сего городка 109 миль. Городъ Лиможъ, лежащій на рѣкѣ Віениѣ, въ 97 миляхъ отъ Парижа, есть главный городъ въ Лимузенѣ.

все утѣшеніе его жизни, Баронъ всю свою молодость прожилъ въ большомъ свѣтѣ. Будучи чесполобивъ, жилъ онъ въ семѣ уединеніи болѣе по нуждѣ, нежели по склонности. Разпочивъ часть имѣнія своего и потерявъ самыя первыя свои надежды, долгое время его обольщавшія, рѣшился онъ наконецъ оставить свѣтъ. Онъ жалѣлъ о немъ противъ воли своей, хотя говаривалъ о немъ всегда съ досадою. Досаду свою почиталъ онъ Философіею и думалъ, что очистилъ разумъ свой отъ всѣхъ предразсужденій; но въ самомъ дѣлѣ онъ обманывался. Однакожь Баронъ имѣлъ достоинства: онъ былъ чувствителенъ и нѣжно любилъ своего сына. Теофиль (такъ назывался сей ребенокъ) имѣлъ такое хорошее сердце и такой разумъ, что Баронъ надѣялся быть совершенно щасливымъ въ сынѣ своемъ. Близъ Баронова замка жила одна вдова, именемъ Эфразія, которая была искренная его пріятельница. Теофиль, видѣвшій почти всякой день молодую Олимпію, племянницу Эфразіину, почувствовалъ въ сердцѣ своемъ сильную къ ней склонность, которую отецъ его примѣчалъ съ удовольствіемъ. Олимпія была бѣдная сирота; но Баронъ зналъ, что

Эфразія, не имѣвшая ближнихъ родственниковъ, хотѣла отдать ей все свое имѣніе. Олимпія была двумя годами моложе Теофиля. Когда ей минуло шестнадцать лѣтъ, Баронъ со всею искренностію изъяснился съ Эфразіею; и въ тотъ же день Олимпія и Теофиль узнали, что они соединяются бракомъ. Черезъ двѣ недѣли написали свадебной контрактъ. Эфразія обязывалась отдать все свое имѣніе племянницѣ, которую она воспитала и любила какъ дочь свою.

Теофиль, будучи внѣ себя отъ радости, съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ дня, назначеннаго для его брака. Щастіе его было совершенно. Онъ любилъ, и зналъ, что былъ любимъ: въ присутствіи его отца и Эфразіи призналась Олимпія, что его любитъ.

На канунъ того счастливаго дня, въ которой Теофилю и Олимпіи надлежало навсегда соединиться, занемогла Эфразія; а черезъ четыре дни послѣ того Баронъ получилъ изъ Парижа письмо, въ которомъ уведомляли его, что умеръ свойственникъ его, хотя весьма дальній, однакожь его однофамилецъ, и въ духовной своей ошказалъ ему все свое имѣніе.

ніе. Сіе приключеніе, доставившее Барону великое имѣніе, принудило его немедленно ѣхать въ Парижъ. Не лзя было совершився браку сына его прежде его отъѣзда. Эфразія была безъ памяти, и пошэму не могла подписать конпракта. Теофиль, принужденной ѣхать съ отцемъ, былъ шакъ печаленъ, что Баронъ для его утѣшенія неосступно просилъ нѣжную Олимпію писать письма къ Теофилю. Отецъ, говорилъ онъ, проситъ васъ о томъ; а писать вы будете къ такому челоуѣку, которой будетъ вашимъ супругомъ. Олимпія, проливая слезы, обѣщала увѣдомлять Теофиля о соспоянніи своей тетки. Баронъ обѣщаль съ своей стороны побыть въ Парижъ не болѣе шести недѣль, и въ тотъ же день съ Теофілемъ поѣхаль.

Пріѣхавъ въ Парижъ, Баронъ получилъ во владѣніе великолѣпной домъ и богатое наслѣдство. Домъ его тотчасъ напсанился множесствомъ *искреннихъ пріятелей*, которые въ двѣнашцать лѣтъ совсѣмъ было забыли его. Сперва Баронъ думаль такъ: *одно богатство мое, одни мои обѣды и ужины привлскають ко мнѣ сихъ гнусныхъ льстецовъ*. Однакожь самолюбіе скоро его ослѣпило и увѣрило, что одиъ

доспо-

достоинства его причиною той привязанности, которую имѣють къ нему всѣ сіи люди. Теофиль, переселившись вдругъ совсѣмъ въ новой для него свѣтѣ, не наслаждался никакими удовольствіями, которыя всячески старались доставлять ему. Занимаясь одною Олимпією, съ великимъ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ общаго отъ нее письма; но ожиданіе его было тщетно. Наконецъ Баронъ получилъ изъ Димузеня письмо, въ которомъ увѣдомляли его, что Эфразіи вѣтъ уже на свѣтѣ, и что, не приходя въ память во всю свою болѣзнь, не сдѣлала она духовной; что несчастная Олимпія, не могшая быть по закону ея наслѣдницею, не получила ничего изъ имѣнія тещки своей, кромѣ небольшой пенсіи, которую опредѣлили ей наслѣдники, и которою едва ли можетъ она прокормиться; и что она рѣшилась жить въ монастырѣ, въ городѣ Тюль (*). Теофиль, получивъ такое извѣстіе, закли-

налъ

(*) Большой городъ въ нижнемъ Димузенѣ, гдѣ сливается рѣка Салансъ съ Корезою, окруженной со всѣхъ сторонъ горами и пропащами; онъ во 114 миляхъ отъ Парижа,

наалѣ отца своего поскорѣе окончатъ дѣла свои и ѣхашъ въ Лимузень, говоря, что Олимпіино несчастіе умножаетъ его къ ней любовь. Баронѣ, казалось, одобрялъ его чувства и общалъ ему скоро выѣхашъ изъ Парижа. Теофиль потчасѣ написалъ къ Олимпіи самое прогашельное и нѣжное письмо, увѣряя ее, что прежде прошествія мѣсяца бросится онѣ къ ногамъ ея. Онѣ не удивлялся, что Олимпія въ первыхъ минутахъ своей горести не писала къ нему; но по прошествіи двухъ недѣль послѣ сего приключенія, не получая отъ Олимпіи никакого увѣдомленія, пришелъ въ великое безпокойство. Баронѣ утѣшалъ его, увѣряя, что скоро окончатъ есѣ дѣла свои. Въ одинѣ день, когда Теофиль былъ отменно печаленъ и сидѣлъ одинѣ въ своей комнатѣ, Баронѣ пришелъ къ нему, и, сѣвъ противъ него, сказалъ ему съ важнымъ видомъ: я получилъ извѣстіе обѣ Олимпіи. Теофиль, приведенной въ восхищеніе сими словами, хотѣлъ схватить письмо, которое Баронѣ держалъ въ рукѣ. Умѣръ свою нетерпѣливость, сказалъ Баронѣ: ты узнаешь не радость. — „Боже мой! не уже ли Олимпія больна?„ — Нѣтъ, она въ совершеніи здоровѣ; однакожь она себя недо-

недостойна. — „Недостойна? . . . Кто! Олимпія? Нѣтъ, этому быть не лзя., — Послушай, что пишетъ ко мнѣ извѣстной тебѣ человекъ, человекъ честной и правдивой. — Сказавъ сіе, Баронъ показалъ сыну своему руку и подпись одного Лимузенскаго дворянина, котораго свидѣтельство въ самомъ дѣлѣ не могло быть подозрительно. По томъ прочиталъ онъ ту часть письма, которая касалась до Олимпіи, и была такого содержанія:

„Вы принуждаете меня быть совершенно искреннимъ. И такъ признаюсь вамъ, что извѣстная молодая особа ведетъ себя не весьма благоразумно и осужденно. Послѣ смерти тетки своей весьма хорошо вздумала она удалиться въ монастырь; но черезъ пятнадцать дней уѣхала опшуда къ своей пріятельницѣ, съ которою прежде познакомилась въ Юзершѣ, и которая, вышедъ за мужъ, живетъ въ маленькой деревенькѣ близъ Тюля. Сей пріятельницѣ нѣтъ еще двадцати лѣтъ, и по несчастію разсѣялись о ней весьма худые слухи, такъ что всѣ ее чуждаются. У нее есть братъ, молодой надмѣнной человекъ, котораго обществу надлежало бы убѣ-

„гашъ

„гать всякой дѣвицѣ, не хотящей по-
 „дать людямъ повода говорить о себѣ
 „дурно. Однакожь все сіе не можетъ еще
 „безчестить ее. Всѣ увѣрены, что пле-
 „мянница добродѣтельной Эфразіи имѣ-
 „етъ честныя и твердыя правила. Не-
 „осторожной поступокъ ея приписыва-
 „ютъ только ея невинности, неопыт-
 „ности, и неизвинительному равноду-
 „шію опекуна ея, которой даетъ ей пол-
 „ную волю въ разсужденіи ея поступ-
 „ковъ. Между тѣмъ, милосливый госу-
 „дарь мой, я увѣренъ, что вашъ совѣтъ
 „въ семъ дѣлѣ уважится, и все будетъ
 „хорошо; вы же, готовясь вступить съ
 „сею дѣвицею въ такую связь, имѣете
 „право подавать ей совѣты. Все будетъ
 „хорошо, говорю, еслили она какъ можно
 „скорѣе возвратится въ монастырь; по-
 „тому что до сего времени ничего дур-
 „наго не примѣтили въ поведеніи ея,
 „кромя нѣкотораго легкомыслія и не-
 „осторожности, что все свойственно мо-
 „лодымъ людямъ, и что весьма прости-
 „тельно, и проч.

Сердце Теофилево терзалось, когда
 онъ слушалъ сіе увѣдомленіе. Онъ чув-
 ствовалъ раждающуюся въ себѣ ревность,
 и брата Олимпіиной пріятельницы почи-
 талъ

сталъ за опаснѣйшаго совмѣстника своего. Однакожь скрылъ онъ безпокойство, его терзавшее, и показывалъ, что не сомнѣвается въ вѣрности своей Олимпіи. Это еще не все, сказалъ ему Баронъ: письмо, которое я чиналъ тебѣ, писано человѣкомъ оспороженнымъ, которой не все то сказываетъ, что думаетъ. Вотъ другое письмо отъ моего прикащика, которой пишетъ прямо, что у тебя есть совмѣстникъ; что Олимпіи не лзя не знать такой страсти, которая всѣмъ постороннимъ извѣстна; что она по видимому пишетъ эту любовь, живя въ домѣ у своей пріятельницы; и что этотъ молодой человѣкъ публично хвалился, будто Олимпія отдала ему всѣ свои письма. — Онъ лжецъ! закричалъ Теофиль: я никогда не повѣрю, чтобы Олимпія была такъ вѣроломна. Она непостоянна, съ холодностію сказалъ Баронъ: а вѣроломною назвать ее не лзя. Она не хочетъ тебя обманывать; она не отвѣчала ни на свои, ни на мои письма, давая имъ знать, что чувства ея переменились. — Нѣтъ, перервалъ съ жаромъ Теофиль: я не дамъ въ обманъ. Олимпія невинна. Извергъ поноситъ честь ея, и мнѣ надобно за нее опомститься. Позвольте мнѣ ѣхать.

Я не могу здѣсь жить. Позвольте мнѣ изъясниться съ нею. Я хочу знать, что она скажетъ; хочу наказать дерзкаго, это чудовище, поносящее честь ея.

Говоря сіи слова, несчастной Теофиль проливалъ слезы. Чрезмѣрная горестъ его ясно показывала его ревностъ. Баронъ, которому не трудно было видѣть производившее въ сердцѣ его, казался сожалѣющимъ о несчастной участи его. Пошлемъ нарочнаго въ Тюль, сказалъ онъ: напиши съ нимъ письмо къ Олимпіи, а онъ привезетъ тебѣ отъ нее отвѣтъ. Еслили отъ отвѣта тебѣ не удовольствуешь, то позволяю тебѣ самому ѣхать. Теперь же прошу тебя подождать. — Теофиль согласился на сіе, хотя съ великимъ прискорбіемъ. Тотъ же часъ написалъ онъ пространное письмо, въ которомъ уведомлялъ Олимпію о всемъ томъ, что о ней говорили. „Одно слово, писалъ онъ, можетъ тебя оправдать. Живи у своей пріятельницы, еслили тебѣ угодно; только скажи мнѣ, что ты готова вступить со мною въ священной союзъ, и я почию себя щасливѣйшимъ человекомъ.“

Баронъ одобрилъ сіе письмо и тотчасъ отправилъ его. Черезъ восемь дней возвратился сей посланней, котораго Те-
 Часть. XIII. Но. 10. I офиль

офиль ожидалъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ, и которой рѣшилъ судьбу его. Теофиль хотѣлъ ложиться спать. Вдругъ слышитъ на дворѣ голосъ посланнаго человѣка — шепещетъ и бѣжитъ къ своему отцу. Черезъ минуту входитъ посланной. Привезъ ли отвѣтъ? спросилъ у него Теофиль съ великимъ движеніемъ. — „Привезъ, сударь.“ — „Подай скорѣе.“ — „Письмо не къ вамъ.“ — „Къ кому же?“ — „Къ бабюшкѣ.“ — „Сказавъ сіе, посланной подалъ Барону ящикъ и письмо, и вышелъ вонъ. Что это значитъ? сказалъ Баронъ съ видомъ удивленія: чѣмъ бы въ этомъ ящикѣ?“ — Теофиль ничего не отвѣчалъ. Онъ шепеталъ и не смѣлъ понуждать отца скорѣе распечатать письмо. Помолчавъ около минуты, Баронъ распечаталъ письмо и тихонько читалъ его. Теофиль, смотрѣвшій пристально на лице отца своего, ужаснулся, видя на немъ изображеніе изумленія и неудовольствія. Боже мой! воскликнулъ онъ: что она къ вамъ пишетъ? — Любезной сынъ! отвѣчалъ Баронъ: вооружись твердостью. Но что я говорю! можешь ли ты сожалѣть о такомъ предметѣ, которой достоинъ всего твоего презрѣнія? — Теофиль

филь поблѣднѣлъ и упалъ въ креслы. Отецъ подалъ ему письмо. Увидя Олимпіину руку, залился онъ слезами. Но что чувствовалъ онъ, читая слѣдующее!

„Нынѣ могу я по своей волѣ разпо-
 „лагать жизнь мою; и такъ искренно
 „скажу вамъ, милостивой государь, что
 „только изъ одного повиновенія хотѣла
 „я вступить въ такой союзъ, которой
 „бы никогда не сдѣлалъ меня щасливою.
 „Сіе признаніе дѣлаетъ насъ обоихъ сво-
 „бодными. При семъ имѣю честь возвра-
 „щать вамъ тѣ подарки, которые при-
 „нудила меня принять покойная моя
 „тешка. Впрочемъ будьте увѣрены, что
 „я во всю мою жизнь буду васъ почи-
 „тать, и остаюсь навсегда, и проч.

Олимпія.

Прочитавъ сіе письмо, Теофиль съ минушу молчалъ. Въ глазахъ его видна была свирѣпость. По томъ сказалъ онъ: я опмшу за себя! опмшу! — „Какимъ же образомъ?„ — „Какимъ образомъ? У меня есть совмѣстникъ: онъ долженъ умереть. — „Правда, что у тебя есть щасливой совмѣстникъ; да какая тебѣ до него нужда? Не надлежитъ ли тебѣ презрѣть и навсегда забыть та-

кую женщину, которая совсѣмъ не-
стойна быть своею супругою? — Да,
я презираю, ненавижу ее; мнѣ легко ее
забыть. Меня бы самого презирать над-
лежало, если бы я могъ еще любить
ее. Вѣроломная! подѣ такими прекра-
сными чертами, подѣ видомъ невинно-
сти и чистосердечія, скрывать такую злую
душу! — „Еще повторяю тебѣ, что
она тебя не обманывала; она чистосер-
дечно признается, что тебя не лю-
била. — Она меня любила, и сама въ
томъ меня увѣряла. Я увѣренъ, что
она меня любила. Ее вѣрно обманули.
Можетъ быть она въ заблужденіи
Ахъ! если бы я могъ съ нею видѣться,
могъ поговорить съ нею! Позвольте
мнѣ ѣхать; позвольте мнѣ видѣть ее,
говорить съ нею! — „Безразсудной!
возьми опять это письмо, прочитай его
въ другой разъ и посмѣйся такой спра-
ски, которая тебя безчеститъ. — Ахъ,
бабушка! я не знаю самого себя
Сожалѣйте обо мнѣ, управляйте мною!
Предаюся совершенно въ вашу волю.

Баронъ и несчастной Теофиль всю
ночь пробыли вмѣстѣ. Теофиль легъ на
постелю уже въ день; но сонъ и успокое-
ніе не приближались къ постелѣ его. Вве-
черу

черу заперся онъ въ своей комнатѣ и не выходилъ къ отцу своему; для того что у него ужинало множество гостей. На другой день Теофиль былъ наединѣ съ Барономъ. Общаая ему позабыть Олимпію, говорилъ только о ней одной. Изображалъ ее чудовищемъ, достойнымъ всей ненависти его; а черезъ минушу спарался извинить ее и хотѣлъ по крайней мѣрѣ сохранять къ ней нѣкоторое почтеніе. —

Въ самомъ дѣлѣ, бабушка, прервала Елисавета, я не нахожу, чтобы Олимпія заслуживала презрѣніе. Если въ самомъ дѣлѣ она никогда не любила Теофіля, то не лзя называть ее непостоянною. Сверхъ того Олимпія была бѣдна, а Теофиль былъ очень богатъ; она не хотѣла выйти за мужъ за такого человѣка, котораго, по ея мнѣнію, не могла сдѣлать щастливымъ. Мнѣ кажется, что она очень хорошо сдѣлала. — „Положимъ, что Олимпія подлинно никогда не любила Теофіля (что еще также не доказано), однакожь она сказала ему, что его любитъ: развѣ не приняла она его предложенія и не общала навсегда съ нимъ соединиться?„ — Это правда; однакожь Олимпія сказала, что тетка принудила ее дать такое общаніе.

щаніе. — „Естьли она уже рѣшилась изъ повиновенія вышпи за мужъ за Теофіля, то и послѣ тешкиной смерти не надлежало бы ей перемѣнять своего рѣшенія, помня, что честной человѣкъ не можетъ отступитъ отъ слова своего. Естьли же она имѣла непреодолимое отвращеніе отъ Теофіля, то для чего же не сказала она того тешкѣ своей? Для чего не попросила она отсрочки, или прямо не сказала, что не можетъ согласиться на такой союзъ? Къ тому же тешка не мать; власть, которую имѣла тешка ея надъ нею, не была та неограниченная власть, которую имѣетъ мать надъ своею дочерью. — Теперь — теперь я понимаю, что она была виновата. — „Помни, что ничто не можетъ насъ освободитъ отъ исполненія даннаго обѣщанія. Извиненіе: *я далъ это обѣщаніе противъ воли моея*, есть самое худое извиненіе, противное совѣсти, противное всѣмъ правиламъ честности. Коротко сказать, мы должны держать свое слово, хотя бы то стоило намъ и самой жизни. — Возвратимся къ нашей повѣсти.

Баронъ всячески старался разсѣять Теофілеву горестъ. Часто возилъ онъ его къ Виконтесѣ Лизбе, въ домъ зна-
тной

пной и пышной, въ которомъ собирались лучшія люди. У Виконтесы была семнадцатилѣтняя дочь, которой красоту хвалилъ Баронъ съ великимъ восхищеніемъ. Но въ самомъ дѣлѣ не лзя было назвать ее красавицею, хотя нарядъ ея показывалъ, что она почитала себя такою. Она много говорила, часто смѣялась, хорошо танцевала. Извѣстно было, что ее многому учили; и такъ гости, всякой день посѣщавшіе мать ея, имѣли уже причину говорить, что она разумна, учена какъ Невтонъ, и съ Лейбницемъ можетъ поспорить о преимуществѣ въ знаніяхъ. А красота ваша, говорили они ей, красота ваша несравненна. Но Теофиль не приписывалъ ей такихъ похвалъ. Онъ находилъ ее несвѣдущею, притворною, манерною. Ему несносны были принужденной смѣхъ и кокетство ея; особливо же тогда казалась она ему противна, когда онъ противъ воли своей воспоминалъ умные и пріятные Олимпіины разговоры, въ которыхъ не примѣтно было никакого принужденія, никакого желанія нравиться.

Въ концѣ зимы Теофиль пошелъ въ службу и записался въ полкъ брата дѣвицы Лизбе; въ началѣ же весны поѣхалъ

сѣ своимъ Полковникомъ вѣ гарнизонѣ. Черезъ пять мѣсяцевъ возвратился онъ вѣ Парижѣ, и былъ также унылъ, какъ и прежде. Однакожь Баронъ сѣ удовольствіемъ примѣтилъ, что онъ не говоритъ уже объ Олимпіи. Прошелъ цѣлой годъ послѣ того, какъ Теофиль выѣхалъ изъ Лимузеня. Черезъ восемь дней послѣ пріѣзда его изъ полку, Баронъ призвалъ его къ себѣ вѣ кабинетѣ и открылъ ему свое намѣреніе женить его на дѣвицѣ Лизбе. Теофиль прямо сказалъ ему, что имѣетъ непреодолимое отвращеніе отъ женидбы, особливо же не можетъ терпѣть дѣвицы Лизбе. Баронъ со всевозможнымъ краснорѣчіемъ описывалъ выгоды союза, ему предлагаемаго. Теофиль слушалъ все сѣ холодностію и опвѣчалъ, что не можетъ изъ одного честолюбія вступить вѣ такую связь, отъ которой отвращается сердце его. Тогда Баронъ разсердился и сказалъ, что онъ далъ уже Виконшесѣ слово женить его на ея дочери. Теофиль, пришедши вѣ изумленіе и ужасъ, просилъ времени на размышленіе, чтобы приготоовиться къ союзу, столь противному его склонности. Не болѣе осьми дней дано было ему на размышленіе. Запершись вѣ своей горницѣ, Теофиль про-

всѣ

велъ часѣхъ ночи въ размышленіи о своихъ обстоятельствехъ. Онъ привелъ себѣ на память всѣ шѣ похвалы, которыми Баронъ изъ давняго уже времени осыпалъ дѣвицу Лизбе; шѣсную связь его съ ея фамиліею, основанную прежде того времени, въ которое получено Олимпіино письмо. Множество другихъ обстоятельствъ приходило ему на мысль, которыя увѣрили его, что въ Бароновыхъ поступкахъ кроется хитрость, и что онъ и тогда намѣренъ былъ женить его на дѣвицѣ Лизбе, когда по видимому хотѣлъ совершить бракъ его съ Олимпіею. Онъ находилъ тысячу причинъ къ подозрѣнію. Можетъ быть, думалъ онъ, перехватили и мои и ея письма; можетъ быть насаждали ей что нибудь на меня, такъ же какъ мнѣ на нее насаждали.

Долго боялся онъ писать въ сердцѣ своемъ такія подозрѣнія, которыя столь безчестили отца его; но чѣмъ болѣе размышлялъ, тѣмъ болѣе въ нихъ утверждался. И не могши сносить такой мучительной неизвѣстности, рѣшился онъ въ слѣдующую ночь тихонько оставить домъ отца своего и ѣхать въ Лимузенъ, чтобы самолично объясниться съ Олимпіею. Онъ совсѣмъ не зналъ Олимпіиныхъ

обстоятельствѣ, и около шести мѣсяцевъ не смѣлъ даже произносить и имени ея. Онъ шепталъ, воображая, что можетъ найти ее за мужемъ. Но сей страхъ не могъ переменить его рѣшенія. На другой день умѣлъ онъ скрыть отъ отца волненіе сердца своего. Онъ открылся въ предпріятіи своемъ одному пріятелю, который отпустилъ съ нимъ своего слугу. Въ два часа по полуночи ушелъ онъ тихонько изъ дому, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ по Лимузенской дорогѣ.

Онъ поѣхалъ прямо въ Тюль, куда и пріѣхалъ прежде еще захожденія солнечнаго. Остановясь въ трактирѣ, съ великимъ страхомъ спрашивалъ онъ хозяйку объ Олимпіи и къ несказанной радости услышалъ, что она не за мужемъ. Но сія радость гораздо уменьшилась, когда хозяйка сказала ему, что никто не сомнѣвается въ Олимпіиной любви къ брату ея пріятельницы; что она восемь мѣсяцевъ жила у нее; что сей молодой человѣкъ, которому пожертвовала она самымъ выгоднымъ замужствомъ, не захотѣлъ на ней жениться; что Олимпія отъ отчаянія рѣшилась возвратиться въ монастырь; что монахини не захотѣли принять ее, и она уѣхала въ Юзершъ къ своему

своему опекуну, у котораго близъ сего города есть замокъ; что сей послѣдній поступокъ ея заставилъ всѣхъ людей думать о ней дурно: для того что опекунъ ея человекъ неженатой, ведетъ разпутную жизнь и держитъ у себя въ домѣ одну безчестную женщину, съ которою Олимпія весьма подружилась. — Не смотря на сіе ужасное извѣстіе, Теофиль хотѣлъ непременно видѣться съ Олимпією, и немедленно поѣхалъ въ Юзершъ.

Ему указали дорогу къ замку Олимпіина опекуна. Человека съ лошадьми оставилъ онъ на постояломъ дворѣ, надѣлъ на себя епанчу, а на голову большую разпущенную шляпу и съ несказаннымъ страхомъ пошелъ къ Олимпіину жилищу. У воротъ сказали ему, что хозяинъ уже болѣе шести недѣль въ отсутствіи, и что въ замкѣ была одна Госпожа дю Рошеръ (та женщина, о которой говорила ему практирщица), да дѣвица Олимпія. Тогда было восемь часовъ по полудни. Теофиль прошелъ черезъ большой темной дворъ. Ему встрѣтилась служанка, которая проводила его въ Олимпіину комнату. Волненіе сердца его было такъ велико, что онъ насилу могъ стоять

япъ на ногахъ; и хопя весьма желалъ видѣть Олимпію, однакожь доволенъ былъ тѣмъ, что не нашелъ ее въ своей горницѣ, желая сколько нибудь успокоиться и прилечь въ себя. Служанка, которой Теофиль не сказалъ своего имени, пошла за Олимпією, а онъ оспался одинъ. Съ великимъ движеніемъ разсматривалъ онъ всѣ окружавшіе его предметы: Олимпіинъ клавесинъ, ея чернилицу, уборной столикъ, а особливо чижику, въ клѣпкѣ сидѣвшаго. Онъ потчасъ узналъ сію ппичку, которую подарилъ онъ Олимпіи передъ отъѣздомъ своимъ. Бѣдная ппичка! сказалъ онъ: ты шла изъ моихъ рукъ, и Олимпія все еще тебя держитъ! . . . Сказавъ сіе, залился онъ слезами, отворилъ клѣпку, взялъ ппичку и прижалъ ее къ своему сердцу. Чижику бился на трепещущемъ сердцѣ его и ясно произнесъ слова: *я люблю Теофиля . . .* Сіи слова опозвались во внутренности Теофилева сердца. Пришедши въ изумленіе, не смѣлъ онъ повѣрить, чтобы ппичка подлинно произнесла его имя; но она еще два раза повторила: *я люблю Теофиля . . .* Теперь не могу уже сомнѣваться! воскликнулъ Теофиль: сама, сама Олимпія учила ппичку произносить сіи драгоцѣнныя слова!

Сколь-

Сколько разъ надлежало ей повторять ихъ! и при томъ не могла она думать, что я ихъ услышу! . . . Олимпія! дражайшая Олимпія! ты мнѣ никогда не измѣняла! Ты невинна! . . . Ты безъ сомнѣнія считаешь меня виновнымъ, и еще можешь любить меня — держишь эту ппичку, слушаешь ее Сказавъ сіе, Теофиль съ восхищеніемъ цаловалъ чижику и омочалъ его слезами, а ппичка, выученная произноситъ только при слова, билась у него въ рукахъ и швердила: *я люблю Теофиля.*

Вдругъ Теофиль затрепеталъ. Онъ слышалъ, что кто-то шелъ, и скоро узналъ легкую Олимпіину походку. Онъ бросается къ дверямъ — двери отворяются — входитъ Олимпія — Теофиль упадаетъ на колѣни. Чижику вырывается у него изъ рукъ, лепитъ на грудь къ своей Госпожѣ и произноситъ Теофилево имя. Олимпія закричала, хотѣла бѣжать; но Теофиль удержалъ ее. Блѣдная и шрепещущая, падаетъ Олимпія на стулъ; силы оставили ее, и она не можетъ произнести ни одного слова. Теофиль, лежа у ногъ ея, изъясняется одними слезами. Одна ппичка не лишается способности говорить и тысячу разъ швердитъ:

дитѣ: я люблю Теофіля. Олимпія, бывшая вѣ замѣшательствѣ, вѣ безпокойствѣ, вѣ неудовольствіи, перервала наконецъ молчаніе и сказала слабымъ голосомъ: вѣрыте мнѣ одной: я должна васѣ ненавидѣть, презиратьъ; мнѣ надлежало забыть васѣ — „Олимпія! не осуждай меня! выслушай меня!.. Я не жена тѣ, я вѣренѣ: и меня и себя обманули. Эта драгоценная пшичка открыла мнѣ мое заблужденіе. Выслушай же мое оправданіе!.. — Чѣмъ же вы оправдаетесь вѣ томъ, что не отвѣчали на мои письма? — На твои письма? Я не получалъ отъ себя ни одного письма, а болѣе двадцати писемъ писалъ къ тебѣ! —

Сіи слова совершенно разсѣяли Олимпіины сомнѣнія. Она была столь невинна, столь чистосердечна, что ее легко было увѣрить. Она залилась слезами, подняла глаза къ небу и сказала: Ахъ, Теофіль! естли ты не перемѣнился, естли ты любишь меня, то не спану ни на что жаловаться; забуду все, что я претерпѣла! — Сіи слова оживили Теофіля. Изъявивъ ей радость и благодарность свою, подробно разсказалъ онъ ей все свое приключеніе. Олимпія слушала его съ изумленіемъ. По томъ сказала

ему,

ему, что не имѣя ни друзей, ни родственниковъ, не у кого было ей требовать совѣтовъ, и что она всячески старалась поступать во всемъ пакъ, чтобы не подать ни малѣйшаго повода къ злословію; что она никакъ не почиала за неблагопрістойное ѣхать въ деревню къ своей пріятельницѣ, которая неостступно ее просила жить у себя; что не имѣла никакой причины сомнѣваться въ честности своей пріятельницы; что живъ у нее въ деревнѣ, сидѣла всегда одна съ чижикомъ въ своей горницѣ, и не принимала никого, кромѣ одного родственника своей пріятельницы, которой подъ видомъ дружбы скрывалъ самое злобное намѣреніе; что она имѣла довѣренность къ сему человѣку и открывала ему свое безпокойство, не получая писемъ отъ Теофиля; и что наконецъ сказалъ онъ ей, будто Теофиль уже не любитъ ее, влюбясь въ дѣвицу Лизбе. Онъ показалъ мнѣ, продолжала Олимпія, многія Бароновы письма, которыя увѣрили меня, что только одна честь можетъ еще заставить тебя жениться на мнѣ. Тогда рѣшилась я разстаться съ тобою навсегда; и не хотѣвъ по гордости своей открыть тебѣ истинныхъ моихъ чувствъ, написала по письму,

кошк-

которое ты читалъ. Угнѣшенная горестію, и думая, что тебя ненавижу, возненавидѣла я и эту невинную ппичку. Я не могла безъ досады слушать того, чему прежде учила ее съ великимъ удовольствіемъ. Въ одинъ вечеръ открыла я окно и выпустила ее. Въ самую сію минуту, противъ моей воли, спало мнѣ ее жаль. Я покраснѣлась; но спараясь увѣрить себя, что люблю эту ппичку только для нее самой, вспала я въ полночь съ постели и открыла окно, надѣясь, что она опять прилепишъ ко мнѣ. Однакожь тщетно ждала ее, и всю ночь о ней проплакала. На другой день поушру пошла я въ садъ, сѣла на траву и спала плакать. Вдругъ услышала тихимъ и жалкимъ голосомъ произнесенное имя Теофилево . . . Вообрази мое чувство! . . . Вотъ, Теофиль, одно радостное движеніе, которое почувствовала я въ твое отсутствіе! . . . Я нашла бѣднаго моего чирика на розовомъ кустѣ; онъ былъ въ жалкомъ состояніи, весь дрожалъ, и кустъ покрытъ былъ его перьями. Я взяла его, и рѣшилась держать его до того времени, какъ услышу о твоей женитьбѣ. Никогда не хотѣла я съ тобою видѣться; но не смотря на то,

опш-

отказывала я всѣмъ свадавшимся за меня женихамъ, и не могла увѣриться въ сердце своемъ, чтобы ты могъ на комънибудь жениться. Я такъ думала: онъ будетъ мучиться совѣстью; онъ не рѣшится жениться на той, которую мнѣ предпочитаетъ. Я никогда не прощу его; я буду неупросима — Но для чего же мнѣ не держать у себя чирика моего? Теофиль эпова не узнаетъ. Никто не увидитъ моей птички; одна я стану слушать ее говорящую. — Такимъ образомъ старалась я доказать себѣ, что могу никогда не разставаться съ любезнымъ моимъ чирикомъ.

Шесть мѣсяцевъ прожила я у моей пріятельницы. Въ сіе время недостойной мой повѣренной открылся мнѣ, что меня любитъ и хочетъ на мнѣ жениться. Вдругъ почувствовала я отъ него отвращеніе, и сказала ему, чтобы онъ никогда не казался мнѣ на глаза. Въ опущеніе свое сказалъ онъ мнѣ, что всѣ говорятъ обо мнѣ дурно, что пріятельницу мою почитаютъ разпутною женщиною, и думаютъ, что я влюблена въ брата ея. Я презрѣла такое увѣдомленіе, почитая его злословіемъ. Между тѣмъ спала я строго разсматривать поступки моей пріятель-

жицы, и скоро глаза мои открылись. Я рѣшилась возвратиться въ монастырь, которой прежде по неблагоразумію своему оставила; но монахини, предубѣжденные прошивъ меня, не захотѣли меня принять. Усмиренная, обманутая, оставленная и утѣшаемая одною моею невинностію, пріѣхала я въ эту деревню къ моему опекуну, чѣобы посовѣтоваться съ нимъ въ разсужденіи разположенія моей жизни. Намѣреніе мое было единственно такое, чѣобы попросить его пріискашь для меня мѣсто, гдѣ бы я въ тишинѣ могла провести жизнь мою; по тому что благоприспособность не позволяла мнѣ жить у холостяго человѣка. Однакожь въ семъ случаѣ была я щасливѣе, нежели думала. Пріѣхавъ сюда, нашла я опекуна моего собирающагося въ дорогу. Онъ представилъ меня родственницѣ своей, которая претерпѣла великія несчастія и за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ переѣхала жить къ нему въ замокъ. Онъ скоро уѣхалъ, обѣщавъ возвратиться по прошествіи двухъ мѣсяцевъ. Госпожа Дю Рошеръ (такъ называется родственница его) кажется мнѣ любезною и добродѣтельною женщиною. Она разсказала мнѣ свою исторію, которая могла бы составить

прі-

пріятнѣйшій романъ; и я думаю прожить здѣсь все то время, которое она здѣсь пробудетъ. —

Олимпія перестала говорить. Разпроганной Теофиль нѣсколько времени молчалъ; по томъ вздохнулъ и сказалъ: ахъ, Олимпія! все наше несчастіе надобно намъ приписывать твоей невинности, твоему прѣспосердечію! . . Самыя добродѣтели твои подали поводъ къ злословію, къ поношенію твоей чести; онѣ и себя ослабляютъ. . . На примѣръ, ты думаешь, что этотъ домъ честной, и нѣтъ никакой опасности жить въ немъ? — „Что же?“, — Любимая твоя пріятельница есть женщина негодная. — „Боже мой!“, — То, что я слышала о ней въ Тюль, подтверждено дѣшними жителями.

Дражайшая тетка! воскликнула Олимпія, проливая слезы: я оплакивала смерть твою, смерть матери и благодѣтельницы моей; но тогда не знала я всего несчастія моего . . . По безразсудности своей не знала я, какъ нуженъ мнѣ пуповодитель . . . Можно ли думать, что при самомъ непорочномъ намѣреніи потеряешь доброе свое имя и честь? . . И такъ нельзя, чтобы любовь къ добро-

дѣтели замѣнила спышность. — Ради Бога успокойся, перервалъ Теофиль: вспомни, что всѣ наши несчастія окончились, что мы другъ другу вѣрны. Священнѣйшій союзъ насъ соединяетъ

„Твой родитель хочетъ разорвать его; онъ не хотѣлъ, чтобы твои письма доходили до меня, а мои до тебя, и въ то время, когда я не лишилась еще добраго моего имени.“ — Не думай эпова, любезная Олимпія. Сперва хотѣлъ онъ только испытать любовь нашу, а по томъ повѣрилъ ложнымъ извѣстіямъ, и по тому былъ въ заблужденіи; но когда узнаетъ все то, что ты мнѣ сказала — когда услышитъ, какъ тебѣ дорогъ былъ и самой чижикъ мой, твердившій мое имя — тогда вѣрно онъ самъ будетъ просить тебя о исполненіи обѣщанія — обѣщанія соединиться со мною навсегда неразрывнымъ союзомъ, котораго нестерпливо желаю по любви, благодарности и чести.

Легко вѣрятъ тому, чего желаютъ; особливо же въ такихъ случаяхъ бываетъ легковѣренъ молодой человекъ. Олимпія была увѣрена, что Баронъ, узнавъ свое заблужденіе, всячески постарается загладить проступокъ свой. Будучи спокойна въ разсужденіи будущаго, занималась

шоль-

только настоящимъ. Она не хотѣла остаться у своего опекуна; но гдѣ же могла она прожить до того времени, какъ Теофиль изъяснится съ опцомъ своимъ? Она знала только двухъ или трехъ пріятельницъ покойной тетки ея, съ которыми не видалась уже послѣ смерти ея, и которыя, вѣроятно, не приняли бы ее къ себѣ въ домъ, будучи предубѣждены противъ нее. Въ Юзершѣ не было монастыря. Наконецъ рѣшилась она ѣхать на другой день въ Бривъ (*), жить въ тамошнемъ монастырѣ и ожидать извѣстія отъ Теофіля, которой въ тотъ же день хотѣлъ ѣхать въ Парижъ. Теофиль выпросилъ у нее позволеніе прийти къ ней еще на другой день и уговориться съ нею напередъ обо всемъ. Возвратившись къ своему человѣку, услышалъ отъ него весьма непріятное извѣстіе. Онъ сказалъ ему, что пять или шесть человѣкъ, закрывающихъ лица свои епанчами, ходили вокругъ постоялаго двора и разспрашивали пошхоньку хозяина.

К 3

Лишь

(*) Названной La Gaillarde, по причинѣ пріятности его положенія; отъ Парижа до него 118 миль.

Лишь только успѣлъ онъ разсказать сіе, Теофиль услышалъ шумъ. Вѣрно хотящъ меня взять и везти въ Парижъ, сказалъ онъ; схватилъ заряженные пистолеты и пошелъ къ дверямъ. Двери отворились, и Теофиль увидѣлъ Баронова управителя, котораго оставилъ онъ въ Парижѣ. А! господинъ Дюмондъ! сказалъ Теофиль: ты вѣрно посланъ отъ батюшки за мною? Такъ, сударь, отвѣчалъ управитель, которой, увидя пистолеты, пришелъ въ нѣкоторое замѣшательство. Не силою ли намѣренъ ты взять меня съ собою? спросилъ Теофиль. — „Милостивой государь . . . я надѣюсь . . . что вы послушаетесь своего родителя . . . Впрочемъ . . . я не хочу шайть отъ васъ . . . я присланъ съ Королевскимъ повелѣніемъ.„ — Я послушался бы и повелѣнія отца моего. Онъ приказываетъ мнѣ съ тобою ѣхать: хорошо, я поѣду; только напередъ надобно мнѣ видѣться съ тою особою, для которой я сюда пріѣхалъ. --- „Милостивой государь,„ — Тщетно будетъ всякое возраженіе. — „Мнѣ велѣно потчасъ васъ взять.„ — Я шебѣ сказываю, что мнѣ необходимо надобно побыть здѣсь нѣсколько часовъ; мнѣ надобно лобывать въ замкѣ. Теперь одиннадцать часовъ;

часовѣ; вороты въ замкѣ заперты, и всѣ спятъ: я не хочу надѣлать шуму, всѣхъ разбудить и привести людей въ страхъ. И такъ ночь пробуду я здѣсь, въ такомъ положеніи, въ какомъ теперь меня видишь. Поутру, пойду въ замокъ, гдѣ пробуду около часа, и по томъ поѣду съ тобою. — Батюшка вашъ будетъ очень недоволенъ., --- Онъ конечно меня извинитъ. Я все беру на себя. Если тебѣ угодно, можешь дожидаться меня здѣсь. Я не хочу бѣжать отъ тебя, и даю тебѣ въ томъ честное слово.

Дюмондѣ, видя, что Теофиль твердо рѣшился не ѣхать въ томъ день и не оставлялъ своихъ пистолетовъ, согласился ждать его. Онъ легъ спать въ той же комнатѣ за перегородкою; а Теофиль всю ночь проходилъ по горницѣ, размышляя о своемъ разговорѣ съ Олимпією. Какъ скоро стало разсвѣтать, Теофиль разбудилъ Дюмонда и сказалъ ему, чтобы онъ проводилъ его до воротъ замка, если не хочетъ отпустить его одного. Дюмондѣ вздумалъ еще уговаривать его; но Теофиль былъ такъ твердъ въ своемъ рѣшеніи, что Дюмонду надлежало уступить. Взявъ съ собою двухъ человекъ,

пошелъ онѣ издали за Теофілемъ, которой обѣщалъ пробыть у Олимпіи не болѣе часа. Пришедши въ замокъ, Теофиль услышалъ, что Олимпія вышла изъ дому. Отъ замка было не болѣе четверти мили до той церкви, гдѣ погребли Эфразію. Олимпія уговорила сѣ Теофілемъ, чптобы онѣ пришелъ къ ней въ десять часовъ; а распавшись сѣ нимъ, хотѣла она немедленно ѣхать въ Бривъ. И такъ, удаляясь отъ окрестностей Юзершскихъ, хотѣла она принести послѣднюю жертву памяти пещки своей.

Не смотря на Дюмондовы возраженія, Теофиль пошелъ туда, гдѣ была Олимпія. Вошедши въ церковь, остановился онѣ въ дверяхъ и разсматривалъ Олимпію, которая была одна въ церкви и стояла на колѣняхъ подлѣ Эфразіина гроба, положивъ на него свою голову. Сіе трогательное зрѣлище, святость мѣста, видѣ церкви, въ которой, естли бы не умерла Эфразія, Теофиль соединился бы навсегда сѣ Олимпіею — все сіе сдѣлало въ сердцѣ Теофілемомъ глубокое впечатлѣніе. Онѣ приблизился къ Олимпіи. Олимпія, услыша, что идетъ къ ней человекъ, подняла голову и обернулась къ дверямъ. Теофиль увидѣлъ, что

что лице ея было омочено слезами. Онъ подошелъ къ ней и упалъ подлѣ нее на колѣни. Олимпія, удивленная его приходомъ, а особливо переменною, примѣченною ею въ лицѣ его, смотрѣла на него съ изумленіемъ и ужасомъ. Теофиль схватилъ Олимпіину руку, и сжавъ ее крѣпко, воскликнулъ печальнымъ голосомъ: о Эфразія! естли бы ты была жива, то здѣсь бы получилъ я эту руку, которую ты мнѣ обѣщала! здѣсь бы священной обѣтѣ навсегда соединилъ судьбу Олимпіину съ Теофилезою! . . . По крайней мѣрѣ будешь онъ произнесенъ подъ сими сводами! . . . Такъ, Олимпія, я клянусь, что никто, кромѣ тебя, не будетъ моею супругою; клянусь и призываю во свидѣтели вышнее Существо, всегда слышащее наши слова и читающее въ моемъ сердцѣ! . . . Теофиль! Теофиль! воскликнула препещущая Олимпія: что ты осмѣливаешься произносить? . . . Спрашись, спрашись бышь клятвопреступникомъ! — „Я увѣренъ, что никогда не преступлю клятвы моей; и для того произношу ее съ восхищеніемъ.„ — Но естли родитель твой не захочетъ, чтобы я была твоею супругою? — „Нѣтъ, онъ не можетъ разорвать того союза, которой

якогда былъ имъ благословенъ... Олимпія! есѣли ты подлинно меня любишь, то докажи мнѣ опытомъ любовь свою. Въ сей церкви, въ которой насъ соединишь общали; передъ симъ жертвенникомъ, передъ которымъ надлежало мнѣ получить руку и сердце твое; надъ гробомъ твоемъ, которая заступала мѣсто матери твоей, и которая избрала меня тебѣ въ супруги — Олимпія! клянись здѣсь быть навсегда моею!,, — Чего ты требуешь? Ахъ! можемъ ли мы сами располагать судьбу нашу? — Сказавъ сіе, Олимпія хотѣла вырвать препенущую руку свою, которую Теофиль держалъ въ своихъ рукахъ. — Олимпія! воскликнулъ Теофиль: уже ли хочешь ты оставить меня? уже ли хочешь отъ меня отказать?... Спрашисъ моего опчаянія! — Голосъ, которымъ онъ произнесъ сіи слова, потрясъ Олимпиино сердце. Она поблѣднѣла, и устремивъ на Теофиля глаза свои, въ которыхъ изображались томность и болезненность, сказала слабымъ голосомъ: хорошо, я клянусь быть твоею.... Теофиль поднялъ вверхъ руки и со слезами благодарилъ Небо и Олимпию, которая, будучи все еще блѣдна, безмолвна и щерзаема печальнымъ предчув-

сшві-

ствіемъ, устремила глаза на гробъ; вмѣстѣ съ Теофілемъ проливала слезы; но не могла вкушать той радости, которую онъ чувствовалъ.

Въ сію минушу вошелъ въ церковь пономарь. Теофилъ просилъ Олимпію, чтобы она зашла съ нимъ къ священнику, котораго домъ былъ подлѣ самой церкви; тамъ, сказалъ онъ, можемъ мы обо всемъ переговорить. Олимпія согласилась съ нимъ туда идти. Тамъ сказалъ ей Теофилъ, что Баронъ прислалъ за нимъ управителя своего. Сіе извѣстіе успрашило Олимпію. Ахъ, Теофилъ! сказала она, проливая слезы: въ чемъ заставилъ ты меня клясться! и въ какую минушу! въ самое то время, когда раздраженной родитель твоей призываетъ тебя за тѣмъ, чтобы приказать тебѣ забыть меня!... Забыть тебя! перервалъ Теофилъ: нѣтъ, ты моя; одна смерть можетъ разлучить насъ. Изтреби страхъ свой, и такими мыслями не безчести отца моего. Когда онъ тебя узнаетъ; когда любовь, честь и истина оправдаютъ тебя посредствомъ твоего Теофиля: тогда онъ одобритъ мою любовь. Онъ меня любитъ. Сердце его не жестоко. — „Однакожь онъ честолюбивъ.“ — Уже ли честолюбіе побѣдитъ

дипъ въ немъ любовь къ сыну его, любовь къ справедливости? Я увѣренъ въ его согласіи; а боюсь только опсрочки, замедленія.... Ты можешь изшребить весь страхъ мой. — „Какъ?„ — Осмѣлясь ѣхать со мною въ Парижъ. — „Что ты говоришь?„ — Это не будетъ противъ благоприспѣйности, и нѣжность своя ни чѣмъ не оскорбится: мы не вмѣстѣ поѣдемъ. — „Гдѣ же буду я жить въ Парижъ?„ — Ты можешь жить въ домѣ друга моего. — „Какъ! жить въ домѣ у мушины, и, безъ сомнѣнія, у чело-вѣка въ твои лѣта?„ — — Теофиль, чтобы уговорить Олимпію, прибѣгнулъ къ неправдѣ. Онъ описалъ ей Дерваля чело-вѣкомъ важнымъ и пожилымъ; увѣрялъ ее, что онъ достоинъ великаго по-чтенія и по опытности своей и по своему характеру. Сверхъ того, говорилъ онъ, ты его не увидишь; его не будетъ дома, и ты пробудешь у него не болѣе сутокъ. Въ это время сыщу я для тебя комнаты въ какомъ нибудь монастырѣ. Коротко сказать, я не могу рѣшиться оставить тебя, испытавъ, какъ мучительно мнѣ жить съ тобою въ разлукѣ. Отецъ мой не можетъ опровергнуть того, что я скажу ему; однакожь намъ надо-бно

бно осперечья, чѣобы не быть жертвою новыхъ обмановъ. Прошу тебя, Олимпія, какъ будущій супругъ твой прошу тебя не разлучаться со мною, чѣобы въ самую ту мину, какъ отецъ мой согласился на бракъ нашъ, могъ я тебя представить ему, и чѣобы не возможно было насъ обмануть или найти причину опсрочить наше бракосочетаніе. — И такъ, сказала Олимпія, намѣреніе мое остается безъ исполненія! Въ нынѣшнюю ночь думая о тебѣ, досадовала я, что нескромной чижикъ мой открылъ мои чувства, копорыя надлежало бы мнѣ скрывать. Я укоряла себя тѣмъ, что долго тебя слушала, и рѣшилась не видаться съ тобою и уѣхать отсюда прежде того часа, въ которой ты хотѣлъ приходи ко мнѣ. Ахъ! въ самой той церкви, гдѣ ты нашелъ меня — передъ тѣмъ олшаремъ, гдѣ я обѣщалась пожертвовать нещасною моею любовію, естли то надобно будетъ — тамъ произнесла я безразсудную клятву, исполняя твою убѣдительную прозьбу... А теперь пребуешь ты, чѣобы я ѣхала съ тобою въ Парижъ, чѣобы подвергнулась презрѣнію отца твоего, чѣобы... „Ты забываешь, что онъ въ заблужденіи, изъ котораго можно

жно его вывести. Олимпія! ты не спра-
ведливо о немъ думаешь. Ты увидишь
его упавшаго къ ногамъ твоимъ, какъ
скоро откроется истина. Сверхъ того
вспомни, что мы соединены уже такимъ
союзомъ, котораго никакая человѣческая
власть разорвать не можетъ. Какъ намъ
разлучиться!... Олимпія!... минуты для
насъ дороги... меня дожидаются... мнѣ
надобно тебя оставить... я съ опчаяні-
емъ поѣду, если ты не дашь слова
ѣхать за мною. — Ахъ, Теофиль! ска-
зала Олимпія: ты не даешь мнѣ времени
и подумать о слѣдствіяхъ такого дерзо-
стнаго поступка!... Ты во зло употре-
бляешь ту власть, которую надо мною
имѣешь!...

Она не могла сказать болѣе ничего;
слезы перервали слова ея. Теофиль неоп-
супно просилъ ее рѣшиться въ его
пользу, и наконецъ Олимпія, согласилась
ѣхать въ Парижъ. Теофиль далъ ей за-
писку, гдѣ сыскалъ въ Парижъ тотъ
домъ, въ которой надлежало ей пріѣхать
подъ чужимъ именемъ. Заливаясь слезами,
обѣщалась она на другой день выѣхать.
По томъ Теофиль, восхищенной такимъ
обѣщаніемъ, пошелъ къ Г. Дюмонду,
сѣлъ съ нимъ въ почтовую коляску, ихъ

ожи-

ожидавшую, поѣхалъ по Парижской дорогѣ и занимался однѣми пріятными мыслями, не думая, чѣмъ Баронъ могъ опорочить его чувствуя, выслушавъ все то, что онъ ему сказать хотѣлъ. Но приближаясь къ Парижу, чувствовалъ Теофиль, что надежда его ослабѣваетъ — пріятныя мысли разсѣялись. Онъ съ ужасомъ помышлялъ о чesполубіи отца своего и о коварныхъ его поступкахъ. Сомнѣніе, страхъ, безпокойство, поспешенно въ немъ умножались; вѣзжая въ Парижъ, терзался онъ такою горестію, копорая малымъ чѣмъ опличалась отъ опчаянія. Въ девять часовъ вечера вошелъ онъ въ домъ отца своего.

Видъ, съ какимъ приняли его слуги, показалъ уже ему, что Баронъ на него въ великомъ гнѣвѣ. Вездѣ встрѣчали его важныя и печальныя лица. Одни смотрѣли на него съ злобнымъ любопытствомъ; другіе пожимали плечами; иные, когда онъ шелъ мимо ихъ, останавливались, пошупляли глаза въ землю и похожи были на людей къ смерти приговоренныхъ. Никто съ нимъ не говорилъ. Когда онъ вошелъ на лѣспницу, встрѣтилъ его старой Бароновъ камердинеръ и опдалъ ему письмо, Теофиль хотѣлъ

ишии въ комнапы къ Барону; но камердинеръ грубымъ голосомъ сказалъ ему: нѣшѣ, сударь, не ходите; нынѣ не изволишѣ онѣ сѣ вами видѣться. — „Какѣ! батюшка не хочешѣ меня выслушать?“, — Онѣ пишешѣ къ вамѣ. — Несчастной! воскликнулъ Теофиль, и пошелъ въ свою комнапу, гдѣ сѣ шрепетомъ распечаталъ письмо, которое было такого содержания:

„Неблагодарной и непослушной не естѣ
„уже сынѣ мой; шеперь почитаю тебѣ
„пойманнымъ бѣглецомъ. Ты увидишѣ
„меня шолько шогда, когда черезѣ письмо
„дашѣ обѣщаніе непрекословно мнѣ во
„всемъ повиноватѣся.„

Теофиль, прочитавъ сіе ужасное осужденіе, нѣсколько минушѣ стоялъ неподвижно; по шомѣ, собравъ всѣ свои силы, сказалъ: хорошо, я шерпѣливо буду шносить заключеніе мое. Но печальныя мысли скоро ослабили Теофилеву швердосшѣ. Черезѣ два дни надлежало Олимпіи пріѣхатѣ въ Парижѣ: что бы она вообразила, естѣли бы не увидѣла Теофиля? Подумавъ, что, можешѣ бышѣ, не лѣзя будетѣ ему скоро выпши изѣ дому ошца своего и предувѣдомишѣ обо всемъ Дерваля, у котораго Олимпіи жить надлежало,

жало, написалъ онѢ къ нему письмо, прежде еще прїѣзда своего въ ПарижѢ, и отдалъ его тому человѣку, которой съ нимѢ ѣздилъ. Въ семѢ письмѢ Теофиль подробно описывалъ услугу, требуемую имѢ отъ Дерваля. Не именуя Олимпіи, Теофиль увѣдомлялъ Дерваля, что одна молодая женщина, подѢ именемѢ Госпожи ФорлисѢ, прїѣдетъ къ нему черезъ два дни, и что она пробудетъ у него не болѣе сутокъ. Слуга, взявъ письмо, общалъ шопчасъ опнести его, какъ скоро вышли они изъ почтовой коляски. И такъ, будучи увѣренъ, что Олимпія найдетъ для себя домъ, естли сверхъ чаянія прїѣдетъ и на другой день, Теофиль рѣшилъ два дни не отвѣчать отцу своему, надѣясь, что такимъ постоянствомъ побудитъ Барона поступать съ нимѢ съ меньшею жестокостію и пустить его къ себѢ безъ всякихъ условій.

Теофиль просидѢлъ сіи два мучительные дни въ своей комнатѢ, безпрестанно надѣясь, что Баронъ пришлетъ звать его къ себѢ. Всякой разъ, когда слуга шелъ къ нему, когда отворялись двери, Теофиль съ препеномъ вставалъ и подходилъ къ дверямъ. Ему казалось, что онѢ слышитъ голосъ отца своего, или думалъ,

что идетъ посланной звать его къ Барону. На другой день около обѣда безпокойство его умножилось. Мысль, что Олимпія конечно пріѣдетъ въ этотъ вечеръ, а онъ съ нею не увидится, неснсно его терзала. Во время сего великаго безпокойства дошла до него вѣдомость, разстроившая все его разположеніе. Человѣкъ, ксторой былъ данъ ему для услугъ, будучи не доволенъ шѣмъ, что Теофиль имѣлъ довѣренность къ наемному слугѣ, весьма грубо обходился съ нимъ по пріѣздѣ его. Съ великою радостію узналъ онъ, что Баронъ приказалъ посадить въ смиригелькой домъ того человека, кторой съ нимъ ѣздилъ; узнавъ же сіе, спѣшилъ онъ сообщить такое извѣстіе Теофілю. — Когда же взяли его? спросилъ устращенной Теофиль. — „О! тотчасъ, лишь вы только пріѣхали. Бѣднякъ не успѣлъ опступить и пяти шаговъ опѣ коляски, какъ его схватили и отвели въ Бисетръ. „

Сіе извѣстіе привело Теофіля въ ужасное состояніе. Есѣли Олимпія пріѣхала, то Дерваль, не будучи ни о чемъ предувѣдомленъ, конечно не принялъ ее въ свой домъ: что же она подумала? Что же сдѣлалось съ нею? Сверхъ того,
есѣли

если бы обыскали слугу, то конечно нашли и письмо его къ Дервалю, и Баронъ все узналъ. Сии мысли приводили его въ отчаяніе. Наконецъ, желая узнать судьбу свою, прибѣгнувъ онъ къ одному средству, которое оставалось ему выйти на волю и пріискать для Олимпіи домъ, или если бы она уже пріѣхала, вывести ее изъ мучительнаго замѣшательства. Онъ рѣшился писать къ своему отцу, и трепещущая рука его начертила сии слова: *Объщаясь безпрекословно вамъ повиноваться; только выслушайте меня.* О пославъ сію записку, черезъ минушу увидѣлъ вошедшаго къ нему Баронова камердинера, которой позвалъ его къ отцу.

Теофиль блѣднѣлъ, трепеталъ и былъ вѣ себя, но рѣшившись все скрыть во внутренности своего сердца, пошелъ онъ къ Барону, которой вышелъ къ нему на встрѣчу, обнялъ его, взялъ его съ нѣжностію за руку и посадилъ подлѣ себя. Взаимное замѣшательство причинило минутное молчаніе. Наконецъ Баронъ, стараясь показаться чистосердечнымъ и довольнымъ, сказалъ: забудемъ, любезной сынъ, прошедшее. Ты общаешься безпрекословно мнѣ повиноваться: я по-

лагаюсь на твое обѣщаніе, и люблю тебя теперь такъ же нѣжно, какъ и прежде. Я увѣренъ, что женщина, которую ты видѣлъ въ Лимузенѣ, всячески старалась тебя ослабить и раздражить противъ меня. Вѣрно она сказала тебѣ, что ея и твои письма были перехвачены. Вотъ одна хитрость, которую употребилъ я. Собственная твоя польза и любовь моя къ тебѣ извиняютъ мой поступокъ. Впрочемъ я не сказалъ тебѣ ничего лишняго объ этой женщинѣ, которая сдѣлалась недостойною любви твоей. Знаю, что она умѣла увѣрить тебя въ своей невинности; однакожь вѣрно не могла закрыть того, что всѣ думаютъ о ней дурно. Последнее мѣсто ея пребыванія и тѣсная связь ея съ разпущеною женщиною, совершенно обезчестили ее. Нѣтъ нужды разбирать, чему надлежитъ приписывать худое поведеніе ея: неосторожности ли, или разпущству. Довольно того, что она лишилась чести. Женись на ней, подвергнешься ты всеобщему презрѣнію. Сверхъ того, я хотѣлъ женить тебя на ней только съ тѣмъ условіемъ, чтобы Эфразія сдѣлала ее своею наслѣдницею. Эфразія умерла, не сдѣлавъ завѣщанія и не оставя ей ничего: и такъ

по

по всѣмъ правамъ увольняюсь я отъ исполненія даннаго мною слова.

На сіи слова, внушенныя любочестіемъ и корыстполюбіемъ, Теофиль могъ бы отвѣчать, что Баронъ увеличивалъ проступки Олимпіины; что честь ея была оскорблена, но не совсѣмъ потеряна; что ея лѣша и несчастная независимость, въ которой она жила, извиняли ее въ глазахъ всѣхъ разсудительныхъ людей; что всего несправедливѣе было осуждать ее, не слушая никакого оправданія; что весьма странная причина заставила Барона перехватывать ее первыя письма, въ то время, когда еще не лзя было ничѣмъ обвинять ее; что Олимпіина бѣдность не есть достаточная причина къ разрыву такого торжественнаго союза и къ уничтоженію священныхъ обѣтовъ; что Баронъ и самъ не упоминалъ о сей причинѣ не сдержавъ своего слова, когда умерла Эфразія, и когда уже извѣстна была Олимпіина бѣдность; что сія причина могла бы быть уважена гражданскими законами, но осуждается добродѣтелію и честію, которыя въ семъ случаѣ строже всѣхъ законовъ; что хотя бы Олимпія и получила послѣ Эфразіи наслѣдство, однакожь ея имѣніе ни-

чего бы не значило въ разсужденіи имѣнія Баронова. Теофиль все сіе думалъ; однакожь видя, что Баронъ не хочетъ перемѣнить своего рѣшенія, и нетерпѣливо желая получить свободу и скакатьъ къ Дервалю, не отвѣчалъ онъ ничего и старался только свѣдать, зналъ ли Баронъ о его письмѣ къ Дервалю, посланномъ къ нему съ его слугою. Скоро къ успокоенію своему узналъ онъ, что Барону сіе не извѣстно.

Скрывъ горесѣнь свою подѣ видомъ смиренія и покорности, Теофиль тихимъ голосомъ увѣрялъ отца своего, что онъ готовъ во всемъ исполнить его волю. Баронъ объялъ его. Въ сію минушу мучительное угрызеніе совѣсти дало почувствовать Теофилю, сколь ужасно обманывать, особливо своего отца, хотя Баронъ и подалъ къ тому причину своими коварными поступками. Ты знаешь, любезной Теофиль, сказалъ Баронъ, что я далъ слово женишь тебя на дѣвицѣ Лизбѣ: надобно немедленно исполнить это обѣщаніе. Сіи слова привели въ трепетъ Теофиля. Баронъ, не показывая, что примѣчаетъ его ужасъ, продолжалъ: Госножа Лизбе теперь въ Версаліи; послѣ завтра она возвратится, и ты въ самой

пошлѣ

потѣ же вечерѣ будешь представленъ ея дочери, какъ женихъ ея. На другой день послѣ того подпишемъ свадебной контрактъ. Повторяю, отвѣчалъ несчастной Теофиль, что я готовъ вамъ повиноваться. Послѣ сего новаго увѣренія Баронъ осыпалъ Теофиля похвалами, которыя шерзали сердце его. Наконецъ, будучи совершенно увѣренъ, что Баронъ не знаетъ ничего о пріѣздѣ Олимпіиномъ въ Парижъ, сказалъ онъ ему: позволите ли мнѣ въ нынѣшній вечеръ выѣхать со двора? Мнѣ весьма нужно нѣкоторое разсѣяніе: позволите ли мнѣ ѣхать къ моимъ пріятелямъ? Ты свободенъ, отвѣчалъ Баронъ: не шаю опъ тебя, что до дня твоей женитьбы будешь за побою присматривать; однакожь ты можешь ѣхать, куда тебѣ угодно. Только пребую того, чтобы ты ѣздилъ въ моей каретѣ и бралъ съ собою слугъ моихъ.

Теофиль спѣшилъ воспользоваться Бароновымъ позволеніемъ, котораго ожидалъ онъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Между тѣмъ, какъ закладывали для Теофиля карету, посмотримъ, что происходило въ домѣ у пріятеля его, Дерваля. Въ тотъ день былъ онъ на ловлѣ. Воз-

вращившись, угощалъ онъ у себя шесть или семь своихъ пріятелей. Сіи шумные и вѣтренные пріятели общались пробытъ у него весь шопъ день. При концѣ обѣда, въ то время, когда Шампанское вино начало разгорячать головы ихъ, вошелъ слуга и сказалъ Дервалю, что одна пріѣхавшая въ каретѣ Госпожа хочетъ вѣѣхать на дворъ. Какъ она называется? спросилъ Дерваль. — „Госпожа Форлисъ“, — Ахъ! перервала Катерина: это было конечно принятое Олимпіею имя! Точно такъ, сказала Гжа. Правосудова: это была сама Олимпія, которая думала, что Дерваль уже о ней предувѣдомленъ; и ожидала, что ее выдутъ встрѣтить и проводящъ въ нѣкоторыя комнаты, въ которыхъ ей жить надлежало, надѣясь, что важной и почтенной Дерваль (ибо таковымъ Теофиль описалъ его) на сіе время изъ дому выѣдетъ. Госпожа Форлисъ? сказалъ Дерваль засмѣявшись: это комедіальное имя. Да какова эта Госпожа Форлисъ? — „Она очень молода и очень хороша собою.“ — Пуси, пуси ее! закричали всѣ гости. Пуси, пуси ее! повторилъ хозяинъ. Тотчасъ, отвѣчалъ слуга: я увѣренъ, что ее точно видѣлъ я на шеапрѣ; она въ бале-
тахъ

тахъ танцовала. Сказавъ сіе, лакей вышелъ.

Олимпія, сидѣвшая въ каретѣ съ своею служанкою, дожидалась отвѣта. Вороты отворились; карета вѣхала на дворъ; лакей принялъ ее и провелъ по маленькому потаенному крыльцу. Олимпія, пренесящая отъ безпокойства и утомившаяся отъ дороги, насилу могла итти, будучи поддерживаема служанкою, толстою и большою дѣвкою, дочерью Лимузенскаго крестьянина, которая въ своихъ рѣчахъ и во всѣхъ ухваткахъ показывала сельскую простоту. Въ одной рукѣ несла она подушки, завязанныя въ большомъ узлѣ, а другою рукою вела ослабѣвшую Олимпию. Пройдя черезъ длинной коридоръ, лакей отворилъ двери и ушелъ. Олимпія и служанка ея вошли въ двери, которыя сами собою опять затворились. Какъ ужаснулась Олимпія, увидя себя окруженную молодыми людьми, которые всѣ почти были пьяны, и изъ которыхъ самому старшему не было еще двадцати пяти лѣтъ! Она закричала и хотѣла бѣжать; но ее остановили. Гдѣ я, гдѣ? воскликнула Олимпія: государи мои! мой кучеръ ошибся; мнѣ надобно было ѣхать къ одному почтенному чело-

А 5

вѣку,

вѣку, Господину Дервалю. — Названіе почтенной заспавило всѣхъ смѣясья.

Дерваль подошелъ къ ней и сказалъ прищворнымъ важнымъ голосомъ: васъ не обманули, сударыня; я Дерваль. Олимпія пришла еще въ большій ужасъ; она не могла споятъ на ногахъ и упала на креслы. Она въ самомъ дѣлѣ прекрасна, продолжалъ Дерваль. *Tis a Romantick girl indeed* (*), сказалъ другой, котрой оставался одинъ за столомъ и пилъ. Клянись честію, сказалъ третій, что ея застѣнчивость, прищворная или нащуральная, къ ней очень пристала. — Ахъ, Катерина! сказала Олимпія слабымъ голосомъ: выведи меня отсюда! — Жаль, закричалъ сидѣвшій за столомъ, что служанка ея называется Катериною; это имя не *Romantick*. Пойдемъ, барышня, сказала служанка: подайте руку; уйдемъ отъ эшихъ нахаловъ. Тутъ начались опять насмѣшки. Замѣтили, что служанка называла госпожу Форлисъ *барышней*. Олимпія, бывъ внѣ себя отъ ужаса,

вско-

(*) Это точно Романическая дѣвушка: выраженіе, часто упошребляемое въ Англійскихъ романахъ.

вскочила и хотѣла бѣжать. Дерваль схватилъ ее за платье. Полно прищиваться устрашенной, сказалъ онъ: останься, сударыня, съ нами и будьте веселы. Олимпія отъ слабости опять упала на креслы. Въ сію минушу вошелъ слуга и съ усмѣшкою сказалъ Дервалю: лакей Госпожи Форлисъ принесъ большой чемоданъ и спрашиваетъ, которая комната будетъ спальнею Госпожи его; потому что она намѣрена здѣсь жить. Тутъ вѣ засмѣялись. Это самой забавной поступокъ, сказалъ Дерваль. такой способъ знакомиться освобождаетъ отъ всѣхъ скучныхъ комплиментовъ и чиновъ. Потомъ одинъ изъ гостей замѣтилъ, что служанка принесла подушки: сіе замѣчаніе подало поводъ къ новымъ насмѣшкамъ, столь же глупымъ и оскорбительнымъ, какъ и прежнія. Дерваль сѣлъ подлѣ Олимпіи, взялъ у нее руку и поцаловалъ ее. Тогда Олимпія собрала всѣ свои силы — гнѣвъ изпробилъ въ ней всякое иное чувство — она вспала, вырвалась изъ рукъ Дервалевыхъ и побѣжала къ дверямъ; отворила ихъ и вбѣжала въ большую галерею. Между тѣмъ Дерваль отъ нее не отспавалъ. Олимпія бѣжала такъ прышко, что Дерваль не могъ догнать ее.

Въ

Въ концѣ галереи увидѣла Олимпія отворенной кабинетъ; вбѣжала въ него, зашлорила двери, заперла ихъ, бросилась на канапе и залилась слезами. Тщешне Дерваль стучится и кричитъ. Наконецъ грозитъ, что велитъ выломать двери. Олимпія затрепетала. Она отворила окно; но сіе окно было въ садѣ Дервалевѣ, да и весьма высоко. Однакомъ, не смотря на то, отчаянная Олимпія рѣшилась выпрыгнуть въ садъ, естли Дерваль будетъ ломать двери. Она хопѣла уже естать на балконъ; но не слыша Дервалаго голоса, оспановилась и сѣла на окно. Будучи увѣрена, что Дервала не было въ галереѣ, думала она, что онъ пошелъ звать людей и велитъ имъ выломать двери. Несчастная Олимпія! воскликнула она, проливая слезы: до чего довела себя твоя неосторожность и легковѣрность! Будучи обманута и оставлена, могу я только избранъ или смерть или вѣчное безчестіе . . . Нѣтъ, не въ чемъ мнѣ сомнѣваться! . . . О чемъ мнѣ жалѣть, когда могу я избавишься отъ поносной жизни! . . . Смерть освободитъ меня отъ ига несчастной любви, которая меня безчеститъ . . . Что я говорю! . . . Уже ли могу еще любить обманщика, которой,

обѣ-

обѣщавъ найти для меня безопасное при-
бѣжище, завелъ меня въ этакую страшную
домъ? . . . Не могу думать, чтобы онъ
имѣлъ ужасное намѣреніе подвергнуть
меня такому поношенію и лишитъ чести;
можетъ быть неизвѣстныя мнѣ причины
извинятъ его . . . Однакожь онъ обманулъ
меня, описавъ мнѣ экова негоднаго Дер-
валя человѣкомъ почтеннымъ. . . .

Олимпія, произнеся сіи послѣднія
слова, затрепешала и замолчала, услы-
ша, что по галереѣ идутъ люди. Не
сходя съ окна, спала она на колѣни и
сказала: прости преступленіе мое, ми-
лосердый Боже! Поступки мои были не-
благоразумны и неосторожны; однакожь
сердце мое чисто. Прости, что я рѣ-
шилась лишиться жизни. Я слаба; я не
могу поносную жизнь предпочесть смер-
ти. — Произнеся сіе, услышала она къ
несказанной радости голосъ своей слу-
жанки, которая кричала ей, чтобы она
отперла двери, и что нѣтъ для нее ни-
какой опасности. Олимпія нѣсколько по-
думала. Катерина сказала, что Дерваль
и пріятели его выѣхали изъ дому. Тогда
Олимпія отперла двери и увидѣла Тео-
фила бросившагося къ ногамъ ея. Она
отско-

отскочила назадъ; лилась силъ, упала въ обморокъ въ рукахъ у своей служанки.

Когда она пришла въ себя, то первый предметъ, представившійся глазамъ ея, былъ Теофиль, заливающийся слезами и стоящій передъ нею на коленяхъ. Олимпія отвернулась отъ него и сказала Каперинъ: помоги мнѣ встать; выдемъ изъ этого ужаснаго мѣста. Служанка отвѣчала, что Дерваль уѣхалъ, и возвратится только тогда, когда она уже выйдетъ изъ дому. И такъ онъ потчасъ возвратиться можетъ, сказала Олимпія: потому что я теперь же осмѣлю этотъ домъ. Ты не хочешь меня выслушать? произнесъ Теофиль тихимъ и шепечущимъ голосомъ. По томъ Олимпія стала дѣлать ему жесточайшіе упреки. Теофиль терпѣливо слушалъ ее. Когда она перестала говорить, тогда сказалъ Теофиль, что хотя онъ и обманулъ ее въ разсужденіи лѣтъ и характера своего пріятеля, однакожь не на кого было ему положиться, кромѣ Дерваля; что онъ имѣлъ многіе пороки, однакожь былъ вѣрной и надежной другъ. По томъ Теофиль просилъ Олимпию, чтобы она выслушала отъ него наединѣ все то, что случи-

случилось съ нимъ по возвращеніи его въ Парижъ.

Долго Олимпія не соглашалась на сіе; но наконецъ рѣшилась она исполнить Теофилеву прозьбу и выслала Катерину въ другую комнату. Тогда Теофиль, будучи увѣренъ, что Олимпія конечно перестанетъ на него сердиться, согласясь выслушать его оправданіе, началъ рассказывать ей все то, что онъ вытерпѣлъ. Онъ не скрылъ отъ нее ничего; не утаилъ даже и своего обѣщанія жениться на дѣвицѣ Лизбѣ. Услыша сіе, Олимпія поблѣднѣла, и глаза ея наполнились слезами противъ ея воли. Клянусь Небомъ, продолжалъ Теофиль, что еслибы бы надлежало мнѣ только жизни лишиться, то никогда бы не произнесъ я этова ужаснаго обѣщанія, опровергаемаго сердцемъ моимъ; но мнѣ надлежало или обмануть отца моего, или оставить тебя въ страшнѣйшей для меня неизвѣстности, въ сомнѣніи о честности твоего Теофиля. Я никакъ не думалъ, чтобы мое заключеніе могло подвергнуть тебя тому, что ты вытерпѣла; я лишился бы жизни отъ ужаса, еслибы бы вообразилъ такую ужасную картину! — Однакожь я воображалъ тебя пріѣхавшую въ

въ неизвѣстной для тебя городѣ и требующую пристанища въ такомъ домѣ, въ которой бы тебя не приняли; а это одно могло уже заставить меня притвориться и дать такое обѣщаніе, котораго никогда я не исполню.

Нѣтъ, нѣтъ! сказала Олимпія, проливая слезы: ты долженъ исполнить свое обѣщаніе, давъ его отцу своему. — „Я исполню то обѣщаніе, которое дало сердце мое, и припомню по воли отца моего. Онъ хотѣлъ, чтобы я былъ своимъ супругомъ: я далъ слово исполнить его волю, и никогда не откажусь отъ этого обѣщанія, которое единство должно быть ненарушимо. — „Какая же теперь твоя надежда? „ — Я надѣюсь, что ты исполнишь обѣтъ свой, шобою торжественно произнесенной. — „Могу ли я исполнить его, когда ты зависишь отъ отца; когда ты обѣщалъ ему жениться на другой, и черезъ три дни, Въ это время можемъ мы навсегда освободиться отъ несноснаго ширанства. — „Что же ты думаешь?, „ — Я думаю пожертвовать тебѣ моимъ богатствомъ, моею знатностію, моимъ опечесствомъ . . . „Что ты говоришь? . . Боже мой!, „ — Оставишь его и удалишься въ чужое государство.

дарство. — „Что ты осмѣливаешься предлагать мнѣ?„ — Если бы ты по-
 длинно меня любишь, то не спанешь ко-
 лебашься. Ты общалась быть моею; ты
 мнѣ принадлежишь. Но ты можешь быть
 моею только въ чужей Землѣ; и такъ
 поѣдемъ въ Англію. — „Въ какую бездну
 хочешь ты меня ввергнуть! Какъ! мнѣ,
 мнѣ похишишь сына у отца, и вступишь
 съ нимъ въ такой союзъ, которой за-
 конами не одобряется? Мнѣ бѣжать съ
 тобою, пожертвовать моею честію, на-
 всегда потерять ее? Нѣтъ, я лучше
 умру„ . . Хорошо, и такъ прости на-
 всегда! . . . Олимпія! я не могу жить
 безъ тебя — Отказываясь быть моею
 супругою, дѣлаешь ты для меня жизнь
 несносною. — Устрашенная Олимпія
 схватила за руку опчаяннаго Теофія,
 хотѣвшаго выйти изъ комнаты. Вы-
 слушай меня, сказала она: перестань меня
 ужасать! . . Теофіль! сжался надъ бѣ-
 дною, прибѣгающею къ своему мило-
 сердію! . . Уже ли захочешь ты, чтобы
 несчастная моя къ тебѣ любовь заставила
 меня согласиться на то, что погубитъ
 насъ обоихъ?„ — Но подумай о моемъ
 положеніи; подумай, что черезъ три дни,
 если не уѣду отсюда, надлежитъ мнѣ

навсегда отъ тебя отпазаться, жениться на той, которую презираю, или быть въ вѣчномъ заключеніи. Что же тогда будетъ съ тобою, Олимпія? Лишась послѣдняго друга, котораго въ здѣшнемъ мірѣ имѣешь; ставъ предметомъ злобнаго гоненія, ненависти, мщенія. . . . Ахъ! уйдемъ изъ Франціи; избѣжимъ всѣхъ шакихъ ужасовъ. . . Я все предвидѣлъ, все разположилъ, и разположеніе мое вѣрно и безопасно. Оставляя наше отечество, будемъ мы щасливы. Ты не будешь жить въ бѣдности. Я все придумалъ. . . Но не надобно терять времени; надобно немедленно думать объ отбѣздѣ.

Олимпія, выслушавъ всѣ сіи убѣдительныя предсказанія, подняла руки къ небу и сказала: Боже мой! научи меня, что мнѣ дѣлать. . . Ахъ! тщетно ищу средствъ выйти изъ ужаснаго моего положенія! Чувствую слабость мою, чувствую незрѣлость моего разсудка! . . Оставленная, преданная самой себѣ, вижу отверзшую бездну подъ ногами моими. . . Рука опытнаго друга могла бы удержать меня и не допустить упасть въ бездну; но нѣтъ у меня такого друга, нѣтъ ни покровителя, ни душеводителя. Погибель моя неизбежна. — Олимпія зарыдала и

не

не могла сказать болѣе ни слова. Теофиль опять упалъ къ ногамъ ея и заклиналъ ее согласиться на его предложеніе; въ противномъ случаѣ клялся себя умертвить. Олимпія, будучи виѣ себя, произнесла несчастное обѣщаніе удалиться съ нимъ въ Англію — обѣщаніе, рѣшившее навсегда судьбу ея.

Между тѣмъ (сказала Гж. Правосудова, перервавъ свою повѣсть) пора намъ спать; мы нынѣ долѣе обыкновеннаго просидѣли. Завтра услышите конецъ приключенія Теофилева и Олимпіина. На другой день пріѣхалъ въ село Уединенное Г. Чудинъ. Дѣти рассказывали ему Теофилеву Исторію, и возбудили въ немъ великое желаніе узнать развязку ея. Вечернія повѣсти никогда для него не опкладывались. Вечеру Гж. Правосудова продолжала свое повѣствованіе.

Теофиль, заспавъ наконецъ Олимпію согласиться на свое предложеніе, потчасъ отъ нее поѣхалъ, оставя ее въ жертву великой горести и горькому раскаянію.

Теофиль возвратился къ отцу своему. Онъ имѣлъ сполько власпи надъ собою, что показывалъ весьма спокойной видъ. Баронъ, разговаривая съ нимъ

ввечеру нѣсколько часовъ, совершенно увѣрился, что Теофиль чистосердечно общалъ исполнить его волю, и что честное и щеславіе побѣдили въ немъ любовь. Онъ въ семъ увѣрялся болѣе и болѣе, разсматривая собственное свое сердце; часто ошибающіяся люди въ такихъ разчетахъ. На другой день Теофиль, казалось, занимался однѣми только малостями. Отецъ его чрезвычайно обрадовался, услышавъ, что онъ призывалъ къ себѣ множество портныхъ и швцовъ, и думалъ все о нарядахъ; и что онъ никуда не ѣздитъ, а былъ только у каретника, которой отдавалъ для него кареты. Теофиль, зная, что всѣ поступки его примѣчаютъ, рѣшился не ѣздить въ домъ къ Дервалю, и легъ спать не видавъ Олимпіи. Поступая такимъ образомъ, совершенно разсѣялъ онъ безпокойства отца своего. Баронова радость была соразмѣрна великому его желанію женить Теофила на дѣвицѣ Лизбѣ; съ восхищеніемъ смотрѣлъ онъ на такую переменную Теофилева поведения. Теофиль, которой въ день пріѣзда Олимпіина успѣлъ нѣсколько минутъ поговорить съ Дервалемъ, тайно еще видѣлся съ нимъ у каретника и открылъ ему подлинное имя Госпожи Форлесъ;

но

но припомѣ сказавъ ему; что она сама уговорила его пожертвовать несчастною страстію и жениться на двѣицѣ Лизбѣ; что Олимпія рѣшилась итти въ монастырь, коимъ былъ отъ Парижа въ двѣнащати миляхъ, и въ которомъ Игуменьею была пещка ея; и что она выѣдетъ изъ Парижа ночью, на канунъ того дня, въ коимъ надлежало ему жениться.

Наконецъ насталъ день свиданія. Баронъ отвезъ сына своего къ Госпожѣ Лизбѣ. Теофиль умѣлъ такъ во всемъ притвориться, что Баронъ былъ совершенно имъ доволенъ. Согласились, чтобы на другой день подписать свадебной контрактъ. Поѣхавъ отъ Виконтесы, Теофиль сказалъ Барону, что онъ чувствуетъ въ себѣ великое волненіе, отъ котораго не лзя ему заснуть рано; и что для разсѣянія нѣкоторыхъ безпокойныхъ мыслей поѣдетъ онъ въ маскарадъ. Сіе намѣреніе не показалось Барону подозрительнымъ; напрошивъ того въ словахъ Теофилевыхъ нашелъ онъ пріятное для себя чистосердечіе, и самъ упрашивалъ его ѣхать въ маскарадъ. Теофиль примолвилъ, что онъ думаетъ ужинать у Дерваля. Въ восемь часовъ велѣлъ онъ закладывать карету, и между тѣмъ заперся въ своей

комнатѣ. Тамъ, бросившись на кресла, и не могши заглушить въ сердцѣ своемъ упрековъ совѣсти, залился онъ слезами. Тщешно старался изгонять изъ головы своей печальныя мысли; тщешно старался увѣрять себя, что онъ не преступникъ: глаза его открывались — мечта начинала исчезать, но — поздно. Несчастной Теофиль почувствовалъ силу сыновнихъ должностей, почувствовалъ прежнее свое заблужденіе; но все сіе почувствовалъ онъ только для того, чтобы съ большимъ мученіемъ низвергнуться въ ужасную бездну, изкопанную страстями его. Между тѣмъ ударило девять часовъ. Онъ запрепешалъ . . . Уже не будетъ меня здѣсь, когда ударишь десять часовъ! воскликнулъ Теофиль. . . . Какъ тихо теперь все въ этомъ домѣ! но какое волненіе будетъ въ немъ завтра! — Онъ зарыдалъ и не могъ сказать болѣе ни слова. Наконецъ, собравъ всѣ силы, отеръ онъ слезы свои, вооружился твердою рѣшимостію, и вознамѣрясь въ послѣдній разъ обнять отца своего, вскочилъ и пошелъ въ кабинетъ къ нему. Баронъ примѣтилъ, что онъ плакалъ, и ни мало тому не удивлялся. Зная его чувствительность, хотѣлъ утѣшить его нѣжными ласками. Любезной сынъ!

сынѣ! сказалѣ онѣ ему: я не благодарилѣ тебе за швое послушаніе; однакожь будѣ увѣренѣ, что я чувствую цѣну его. Дражайшій Теофиль! любовь швоя ко мнѣ будетѣ мнѣ утѣшеніемѣ вѣ моей спарости и сдѣлаетѣ меня щасливымѣ; но я увѣренѣ, что эша самая любовь будетѣ источникомѣ и швоего щаспія. Да услышитѣ Небо моленіе мое о вѣчномѣ швоемѣ благополучіи! Оно наказываетѣ дѣшей непокорныхѣ; но по тому же правосудію, по которому не можетѣ оставить порокѣ безѣ наказанія, награждаетѣ Оно такихѣ добродѣтельныхѣ дѣшей, какѣ ты. —

Послѣ сихѣ словѣ, которыя шерзали Теофилево сердце, сей несчастной молодой человекѣ, будучи внѣ себя, упалѣ на колѣни передѣ своимѣ опцемѣ. Тронушой Баронѣ обнимаетѣ и благословляетѣ его. Какѣ! воскликнулѣ Теофиль перерывающимѣ голосомѣ: вѣ сію минушу, вѣ сію минушу . . . вы меня благословляете!.. Ахѣ, родитель мой! общайше мнѣ никогда не уничтожатѣ шого благословенія, которое теперь произнесли! . . . Естли когда нибудѣ вы будете мною не довольны; естли сынѣ вашѣ когда нибудѣ прогнѣвитѣ васѣ . . . тогда жалѣйте о Теофилѣ . . . онѣ будетѣ достоинѣ сожалѣнія . . . со-

болѣзнуйте о немъ, но никогда его не проклиняйте. — Я читаю шеперь чувства сердца твоего, сказалъ Баронъ: ты боишься сдѣлать несчастною супругу свою, которую я тебѣ избираю; но знай, любезной Теофиль, что не страстная любовь, не эта скоропроходящая любовь дѣлаетъ щастливымъ такой союзъ, коимъ долженъ быть союзомъ вѣчнымъ. Я знаю доброе твое сердце, знаю твой разумъ, и увѣренъ, что супруга твоя будетъ щастлива. — По томъ Баронъ вспалъ, и обнявъ Теофиля, сказалъ ему: услышавъ отъ тебя, что ты долженъ, велѣлъ я выдать тебѣ дватцать тысячъ ливровъ; а теперь хочу дать тебѣ еще нѣсколько денегъ на твои удовольствія. Въ этомъ ящикѣ лежатъ пять сотъ ливровъ: возьми ихъ и отнеси въ свою комнату; они твои. Прими этотъ подарокъ въ знакъ моей благодарности къ послушному сыну; въ знакъ благодарности за то удовольствіе, которое онъ доставилъ мнѣ своимъ послушаніемъ. Нытъ, отвѣчалъ Теофиль, съ такимъ условіемъ не могу я принять этого подарка. Впрочемъ у меня теперь и безъ того много денегъ. — Баронъ напрасно старался принудить Теофиля взять сію сумму. На-
конецъ

конецъ Теофиль, проливая слезы и рыдая, вырвался изъ объятій отца своего. Не возможно описать того, что чувствовалъ онъ оставляя его, проходя переднія комнаты и сядя въ карету. Сердце его раздиралось, когда онъ выѣзжалъ изъ дому, воображая, что никогда уже въ немъ не будетъ. Позднее раскаяніе, мучительное и бесполезное! — Несчастной Теофиль пріѣхалъ въ домъ къ Дервалю въ самомъ жалостномъ состояніи. Однакожь, увидя Олимпію, забылъ онъ, хотя на нѣсколько минушъ, печаль свою и упреки совѣсти. Унылая Олимпія наблюдала глубокое молчаніе. На лицѣ ея изображалась ужасная горестъ, которая всѣ сіи дни безпрестанно ее терзала. Она была въ такомъ уныніи, что не могла ни жаловаться на судьбу свою, ни разсуждать о своихъ обстоятельствахъ.

Теофиль взялъ съ собою всѣ свои драгоценныя вещи и богатыя брилліаншовыя пряжки, которыя подарилъ ему Баронъ на канунъ сегодня. Все вмѣстѣ продалъ онъ Жиду. Долговъ на немъ не было: и шакъ у него было двѣнадцать тысячъ франковъ, полученные имъ отъ отца на заплату мнимыхъ долговъ. Сіи деньги, и тѣ,

которыя взялъ онъ съ Жида за проданныя ему вещи, составили сорокъ тысячъ ливровъ. Теофиль надѣялся приумножить сію сумму, думая, по приѣздѣ своемъ въ Англію, войти въ какой нибудь торгъ. Жидъ, ѣхавшій въ томъ же вечерѣ въ Англію, и бравшій себѣ паспортъ, взялъ и другой для Теофіля и Олимпіи, подъ именемъ Господина и Госпожи Андраззи. Отдавъ Теофілю сей паспортъ и деньги за купленные у него вещи, немедленно отправился онъ въ дорогу, часа за два до отъѣзда Теофілева. —

Мнѣ досадно, бабушка, перервалъ Петръ, что Теофиль для полученія денегъ обманулъ своего отца, сказавъ, что онъ долженъ; это очень дурно. — „Такой поступокъ конечно дуренъ. Однакожь Теофиль имѣлъ благородную и нѣжную душу; въ доказательство чего служишь то, что онъ не принялъ пять сотъ ливровъ, которыми дарилъ его отецъ.„ — Ахъ! я очень обрадовался, когда Теофиль, чувствуя, что онъ не достоинъ награжденія, отказался отъ такого подарка. — „Удивляешься ли ты этому поступку?„ — Нѣтъ, Теофиль поступилъ въ этомъ случаѣ очень естествен-

но.

но. — „Правда. У него было двадцать тысяч франковъ и еще много дорогихъ вещей: слѣдственно Олимпія была уже предохранена отъ бѣдности. Непростительнѣе было въ ту самую минушу, въ которую оставлялъ онъ навсегда отца своего, принявъ такое благодѣаніе, которое предложено было ему въ знакъ благодарности за его послушаніе. Такой поступокъ былъ бы самой подлой, и тогда бы не могла уже я сказать о Теофилѣ, что онъ имѣлъ благодарную и нѣжную душу. — Возвратимся къ нашей повѣсти.

Въ полночь Теофиль поѣхалъ въ маскерадъ. Тамъ онъ переодѣлся и опослалъ своихъ людей, сказавъ, что Дерваль привезетъ его домой въ своей каретѣ. Черезъ минушу вышелъ онъ въ мазкѣ, сѣлъ въ наемную карету и возвратился въ домъ къ Дервалю. Тамъ нашелъ онъ почтовую коляску, которую, по уговору, приказала сыскать Олимпія. Посадивъ несчастную Олимпию въ коляску, немедленно выѣхалъ онъ изъ Парижа. За нимъ не было погони. Онъ взялъ такую предосторожность, что Баронъ, узнавъ о его побѣгѣ, скорѣе всего могъ бы подумать, что онъ уѣхалъ въ Гишпанію;

что

что и въ самомъ дѣлѣ случилось. Онъ благополучно пріѣхалъ въ Лондонъ. Прежде всего сыскалъ онъ Каполическаго священника. Въ полночь, въ присутствіи двухъ слугъ, съ восхищеніемъ получилъ онъ руку печальной Олимпіи, которая во время всего обряда проливала слезы. Никакъ не лзя было думать, что она соединялась навсегда съ любимымъ человекомъ; смотря на нее, надлежало бы ее почестъ жертвою послушанія.

Черезъ нѣсколько дней послѣ своей женидбы, Теофиль, не думая, чтобы онъ былъ въ безопасности въ такомъ городѣ, который былъ наполненъ Французами, оставилъ Лондонъ и поѣхалъ съ Олимпіею въ Эдимбургъ. Но оставимъ Олимпію и н Теофиля внутри Шотландіи. Довольно вамъ знать и того, что самыя лучшія лѣта своей молодости проводили они въ безпокойствѣ и несчастіи.

Возвратимся къ несчастному Теофилеву отцу. Долгое время не зналъ онъ о побѣгѣ сына своего. Теофиль поѣхалъ въ такой часъ, въ которой Баронъ ложился спать. На другой день, проснувшись, услышалъ онъ, что Теофиль не возвращался домой. Сіе ни мало его не обезпокоило; ибо онъ подумалъ, что Дер-
валь

валь увезъ его изъ маскарада куда нибудь вгости. Между тѣмъ въ десять часовъ послалъ онъ человѣка въ домъ къ Дервалю, чшобы освѣдомиться о Теофилѣ. Человѣку сказали, что Дерваль изъ маскарада поѣхалъ съ пріятелями своими завтракать въ загородной свой домъ, до котораго было отъ Парижа около мили. Послѣ сего извѣстія Баронъ ждалъ сына своего только къ обѣду; но въ при часа началъ онъ беспокоиться, по тому болѣе, что Теофиль, ведя себя благоразумно, никогда не соучаствовалъ въ такихъ безпорядочныхъ веселіяхъ. Баронъ, желая непременно узнать, что дѣлалось съ Теофилемъ, велѣлъ себѣ оѣдлать верховую лошадь и самъ поѣхалъ въ загородной Дервалевъ домъ. Пріѣхавъ туда, узналъ онъ, что Теофиля тамъ не было. Онъ спалъ разспрашивать о немъ Дерваля; но Дерваль, боясь сказать что нибудь лишнее и вредное другу своему, отвѣчалъ на вопросы Баронова весьма оспорожно, и заставилъ его даже думать, что онъ всю ночь пробылъ съ Теофилемъ въ маскарадѣ.

Сіе обстоятельство отчасти успокоило Барона. Возвратясь домой, вошелъ онъ въ Теофилеву комнату. Открывъ ящики

ящики и не найдя въ нихъ ничего изъ дорогихъ вещей, и вспомя припомъ ужасное Теофилево безпокойство, съ какимъ прощался онъ съ нимъ на канунъ того дня, не могъ уже сомнѣваться въ своемъ несчастіи. Всѣ его развѣдыванія увѣряли его, что Теофиль уѣхалъ въ Гишпанію. Теофиль весьма хитро оставилъ нѣсколько записокъ, по которымъ необходимо надлежало сіе подумать. Баронъ потчасъ рѣшился самъ ѣхать за сыномъ своимъ въ Гишпанію. Онъ немедленно поѣхалъ въ сію Землю; но усталость и внутреннее огорченіе принудили его остановиться въ * * *. Въ семъ мѣстѣ онъ опасно занемогъ. Выздоровленіе его было весьма медленно. Доктора увѣряли, что однѣ Баррежскія воды могутъ совершенно его вылѣчить. И такъ онъ рѣшился ѣхать туда на три мѣсяца. Печальныя размышленія, которыми могъ онъ свободно заниматься въ семъ уединеніи, и угрызеніе совѣсти, умножали его несчастіе. Онъ потерялъ любезнаго сына своего, и потерялъ его отъ себя. Онъ былъ жертвою собственнаго своего коварства; онъ самъ себя обманывалъ. Тогда-то узналъ онъ, сколь опасно во зло употреблять права свои, и сколь гнусно жертвовать

тще-

тщеславію истинною честію и родительскою любовію, пекущеюся всегда о спокойствіи и истинномъ благополучіи предмета своего. У него было великое богатство: но могъ ли онъ имъ наслаждаться? У него не было уже сына. Онъ вспоминалъ прелести и добродѣтели Олимпіины; ему надлежало признаться себѣ, что она сдѣлала бы и Теофиля и его самого счастливымъ. Не могъ онъ охуждать въ Теофиль такой спраси, которую самъ возрождалъ въ немъ. А болѣе всего терзало его увѣреніе, что Теофиль никогда бы не оставилъ своего отца и отечества, если бы онъ не принуждалъ его всупитъ въ другой союзъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Баронъ сказалъ ему, что онъ никогда не согласится на бракъ его съ Олимпією, не угрожая ему вѣчнымъ заключеніемъ, буде онъ не женится на дѣвицѣ Лизбѣ: то Теофиль, довольствуясь жалобами на судьбу свою и несправедливость своего отца, повиновался бы его воли. И если бы Олимпія подлинно достойна была почтенія и любви Теофилевою, то со временемъ она бы сама уговорила его пожертвовать несчастною спрасію.

(Продолженіе будетъ въ слѣдующей Части.)

ОГЛАВЛЕНІЕ

ХІІІ Части.

сідран.

<i>Продолженіе.</i>	-	-	-	3
<i>Невольники, или Сила благодаренія.</i>	-	-	-	51
<i>Памела.</i>	-	-	-	82
<i>Олимпія и Теофиль.</i>	-	-	-	136

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е

Д Л Я

С Е Р Д Ц А и Р А З У М А.

Ч А С Т Ъ XIV.

М О С К В А,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова,
1788.

ДЕРЕВЕНСКІЕ ВЕЧЕРА.

Продолженіе.

Барону все сіе приходило въ голову. Онъ никогда не имѣлъ варварскаго намѣренія навсегда заключить Теофиля; сею угрозою хотѣлъ онъ только заставить его повиноваться, и поздно уже узналъ, что страхъ заставляетъ человека только притворяться, а не вселяетъ въ него послушанія.

Нещастной Баронъ прожилъ четыре мѣсяца въ Баррежѣ, и по томъ возвратился въ Парижъ, все еще надѣясь найти сына своего. Хотя прошло уже около года послѣ его побѣга, однакожь Баронъ не переставалъ развѣдывать о мѣстѣ его пребыванія. Въ Англію, Швейцарію и Голландію посылалъ онъ такого человека, къ кошорому имѣлъ полную довѣ-

ренность; но сей человекъ не могъ ничего узнать о Теофилѣ. Тогда Баронъ потерялъ всю надежду, и впалъ въ глубокую меланхолію. Многіе его пріятели совѣщивали ему жениться. Госпожа Лизбе, первой его другъ, безпрестанно ему твердила, что одна любезная супруга заставила бы его забыть неблагодарнаго сына. Сперва Баронъ не хотѣлъ было и слушать такого совѣща; но будучи всегда помимъ скукою, и тщетно употребляя всѣ средства развеселишь себя, мало помалу начиналъ онъ слушать сей совѣтъ съ удовольствіемъ. Всячески старались ласкать его самолюбію. Ты еще не старъ, говорили ему: ты любезенъ, и по опытному благоразумію своему сдѣлаешь супругу свою щасливѣйшею женщиною. И такъ все сіе, и желаніе въ другихъ дѣтяхъ найти лучшее утѣшеніе своей жизни, рѣшило его наконецъ жениться на дѣвицѣ Лизбѣ, той самой знашмой дѣвицѣ, на которой принуждалъ онъ жениться Теофиля. Баронъ надѣялся, что она своею къ нему любовію усладитъ его горестъ, которой была она невинною причиною. Но не долго продолжалась сія мечта.

Скоро

Скоро узналъ Баронъ характеръ своей супруги. Она была столь безразсудна, что не только не стыдилась своихъ пороковъ, но еще хвалилась ими, на прим. своимъ кокетствомъ; и показывала, что всякое принужденіе для нее несносно. Не имѣя никакихъ знаній и любя праздность, пустыми разговорами своими могла она скорѣе наскучить, нежели сдѣлать удовольствіе. Она имѣла всѣ пороки безразсудной кокетки, которая къ великой своей горести должна быть увѣрена, что она не красавица. Она была завистлива, злоязычна и упряма; имѣла безпорядочное воображеніе и холодное сердце. Коротко сказать: не имѣя ни разума, ни хорошаго сердца, не могла она сдѣлать счастливымъ супруга своего; она не умѣла пользоваться ни наставленіями своей матери, ни своими собственными опытами.

Имѣя свободу ѣздить всюда по своей волѣ, почти никогда не бывала дома. Она ѣздила вгости не по должности общежитія, но единственно для того, чтобы нечувствительно проводить время. Въ спектакль ѣздила по той же причинѣ. Она не любила ни Комедіи, ни музыки; но Комедія продолжается три часа, и сіи

три часа проходящѣ *нечувствительно*: и такѣ любила она посѣщать Театрѣ, и, входя въ ложу, радовалась, что избавится отѣ нѣсколькихѣ часовѣ. Она весьма любила игру; но и въ ней не находила бы она такого великаго удовольствія, естли бы не веселила ее мысль, что проиграя до трехѣ часовѣ утра, встанетѣ она съ постели въ часѣ по полудни, и по тому *избавится отѣ скучнаго утра*. Такѣ она всегда разчисляла: и такимѣ образомѣ обыкновенно многія люди сокращающѣ жизнь свою, не умѣя пользоваться временемѣ.

Печальной Баронѣ въздыхалѣ, видя безпущство своей жены, и пропивѣ воли своей воспоминалѣ, что Теофиль скрылся единственно для того, чшобы не жениться на сей несносной женщинѣ. О Теофиль! думалѣ Баронѣ: я былѣ швоимѣ тираномѣ, я пожертвовалѣ тобою моему тщеславію! Небо наказало меня за то весьма чувствительно и весьма справедливо. Ахѣ! теперь я весьма живо чувствую, сколь неблагоприятно избиралѣ я тебѣ въ супруги такую женщину, и сколь основательно было швое сопротивленіе! Честолюбіе меня ослѣпило; и какѣ же дорого заплашилѣ я за мое ослѣпленіе! Я поше-
рялѣ

ты?,, — Нѣтъ, у старшаго есть дочь
трехъ лѣтъ. — „И такъ у тебя есть
правнука?,, — Да и мать моя, благо-
даря Богу! еще жива. — „Мать швоя!
а сколько ей лѣтъ?,, — Девяносто
пять; однакожь она въ добромъ здо-
ровьѣ. — „Она съ побою живетъ?,, —
Со мною. — „Я не сомнѣваюсь, чѣмъ
ты не утѣшалъ ея старости; но скажи,
почтенной старикъ, щасливъ ли ты въ
дѣтяхъ своихъ?,, — Можетъ ли быть
несчастливъ въ дѣтяхъ своихъ хорошій
отецъ? Дѣти мои всегда меня утѣша-
ютъ. Я воспиталъ ихъ наилучшимъ
образомъ; сыновей женилъ, а дочерей вы-
далъ за мужъ по ихъ склонностямъ:
какъ же имъ меня не любить? — „И
никто изъ нихъ не былъ тебѣ непоко-
ренъ?,, — Я не требовалъ отъ нихъ
ничего такого, чѣмъ не было согласно
съ разумомъ, или чего бы законъ не пре-
бовалъ. Онѣ всегда были послушны. Если-
ли бы я былъ противъ нихъ тираномъ,
то конечно бы онѣ менѣе меня уважали.
На примѣръ, старшій сынъ мой, Имаркинъ,
много бы горя надѣлалъ жестокосердому
отцу. Когда онъ, окончивъ свое стран-
ствованіе, возвратился домой, хотѣлъ я
женишь его на дочери самаго богатаго
жи-

жишеля нашей деревни, и сказалъ ему о томъ. Хорошо, батюшка, отвѣчалъ онъ: я подумаю. Черезъ нѣсколько времени послѣ того пришелъ онъ ко мнѣ и признался, что влюбленъ въ Кенилію, племянницу нашего сосѣда. Она очень бѣдна, сказалъ я ему. Однакожь я люблю ее, отвѣчалъ онъ: всякой день смотрю на нее изъ моего окна и вижу, что она сидитъ безпрестанно за работою, все въ домѣ дѣлаетъ и покоитъ свою тетку. Когда встрѣчаюсь съ нею на рыбной ловлѣ, и хочу подѣлаться къ ней поближе, она тотчасъ отворачиваетъ свою лодку. Она убѣгаетъ всѣхъ нашихъ молодыхъ людей. Она хороша, скромна, трудолюбива. Батюшка! я люблю Кенилію. — Что было мнѣ на это отвѣчать? Поставьте себя на мое мѣсто: не уже ли бы вы пожертвовали благополучіемъ вашего сына гнусному корыстолюбію? Конечно нѣтъ. Какое каменное сердце не исполнило бы сыновней прозбы въ такомъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ счастье его жизни? Я согласился, и сынъ мой женился на Кениліи. Уже тридцать лѣтъ благословляютъ они меня, и благодарятъ меня всегда съ равнымъ жаромъ. Любезной Имаркинѣ не уступаетъ никому изъ

изъ дѣшей моихъ въ нѣжность и благо-
нравіи. А послѣ свадьбы своей элошъ лю-
безной сынъ признался мнѣ, что онъ
могъ бы надѣлать какихъ нибудь дура-
чествъ, есѣли бы я захошѣлъ женить
его по неволѣ; я могъ бы, говорилъ онъ,
сѣсть въ лодку и поплыть въ чужія зе-
мли. Вотъ что бы вышло, есѣли бы я
захошѣлъ съ нимъ поступить пирански.

Баронъ не могъ спокойно слушать
сей рѣчи, которая все его несчастіе при-
вела ему на память. По томъ старикъ
опвелъ Барона въ залу, гдѣ собралось
все семейство его. Баронъ былъ пред-
ставленъ матери хозяина, которой ми-
нуло девяносто пять лѣтъ, и которая
была предметомъ любви и почтенія цѣ-
лаго семейства. Она сидѣла на креслахъ
посреди своей многочисленной семьи. Тогда
былъ вечеръ. Имаркинъ, старшій стари-
ковъ сынъ, сидя подлѣ своей любезной
Кениліи, рассказывалъ, что случилось
съ нимъ во время его путешествія. Жен-
щины и дѣвушки пряли и со вниманіемъ
слушали повѣсть; но съ большимъ еще
вниманіемъ слушали ее тѣ молодые люди,
которымъ надлежало путешествовать.

Баронъ нѣсколько минутъ разсма-
тривалъ сію пріятную картину; по томъ
пошелъ

пошелъ въ свою комнату. Одиѣ печальныя мысли приходили ему въ голову. И шакѣ, сказалѣ онѣ, я завидую судьбѣ этова добродушнаго старика! Я не захошѣлъ наслаждаться шѣмѣ щаспиѣмѣ, копорымѣ наслаждается онѣ посреди семейства своего; я отвергнулъ его, лишился его навѣки! . . Я былѣ опцемѣ, но у меня уже нѣшѣ сына! . . Подобно этому спарику, могѣ бы я сдѣлать щаспливымѣ сына моего, ушѣшаться его благодарностію, обнимаѣ дѣшей его и видѣть ихѣ передѣ моими глазами возрастающихѣ! . . . Но я захошѣлъ лишиться любезнаго моего сына, и оспался одинѣ въ мірѣ!

Говоря сіе, Баронѣ большими шагами ходилѣ по комнатѣ и проливалѣ слезы. Въ семѣ ужасномѣ волненіи провелѣ онѣ часть ночи. То воображалѣ Теофиля умершаго, оплакивалѣ смерть его и видѣлъ его гробѣ; то представлялъ его себѣ угнѣтеннаго нещаспиѣмѣ и молящагося за жену и дѣшей своихѣ. Ему мечталось, что онѣ слышитѣ его спенаніе и вопль: тогда трепеталѣ онѣ отѣ ужаса и рыдалѣ отѣ соболѣзнованія. Онѣ проклиналѣ безразсудное свое честолобіе, которое заглушило въ сердцѣ его гласѣ родительской

ской любви и предало его по томъ въ жертву разкаянію и мучительному угрызенію совѣсти. Тѣлесное и душевное ослабленіе принудило его передъ разсвѣтомъ лечь на постелю, и черезъ нѣскольکو часовъ глаза его начинали уже закрываться, какъ вдругъ разбудили его громкія пѣсни и радостной крикъ. Шумъ былъ внѣ дома; и такъ онъ отворилъ окно, чтобы узнать причину его. Онъ увидѣлъ двѣнашцать прекрасныхъ лодокъ, украшенныхъ зеленію и наполненныхъ мущинами, женщинами и ребятами, кошорые пѣли хоромъ и были въ великой радости. Сей небольшой флотъ плылъ къ тому дому, въ кошоромъ онъ жилъ. Въ сію минушу старикъ вошелъ въ его комнату и сказалъ ему, что всѣ сіи лодки наполнены его дѣтьми и внуками. У меня шесть дочерей, продолжалъ старикъ; всѣ онъ шамъ и съ мужьями и съ дѣтьми своими. Нынѣ празднуется день рожденія моей матери. Всякой годъ бываетъ у насъ такой праздникъ. Дай Боже, чтобы до конца моей жизни былъ празднованъ этотъ день!

„Но такое множество людей не помѣстится въ твоемъ домѣ?“, — Конечно нѣтъ; для того-то мы и не вмѣстѣ жи-

живемъ. Но съ помощію моихъ сыновей понесу я нашу старушку и посажу ее на ту барку, которая украшена цвѣтами и на которой вы видите балдахинъ. Потомъ поплывемъ къ одному лугу, до котораго отсюда будетъ около мили, и на которомъ мы найдемъ разбитой шатеръ. Тамъ будемъ обѣдать вмѣстѣ за однимъ столомъ. Нынѣ мы до свѣша вспали, чтобы наловить на обѣдъ рыбы, и поимали ее множество; Богъ всегда благословляетъ ловлю нынѣшняго дня. Служанки наши и нѣкоторыя изъ моихъ внуковъ готовятъ теперь намъ въ шатрѣ обѣдъ. Если вы хотите видѣть веселіе щастливыхъ людей, то будьте нашимъ гостемъ; поѣзжайте съ нами.

Сказавъ сіе, старикъ схватилъ Барона за руку и повелъ его въ комнату своей матери. Она была окружена своими родственниками, сколько ихъ могло помѣститься въ горницѣ, и держала на колѣняхъ маленькаго ребенка, только что родившагося. Увидя сына своего, сказала ему: поди, любезный сынъ, благослови младенца, котораго далъ намъ Богъ нынѣ поутру. Любезная Веллія не можетъ въ нынѣшній годъ съ нами обѣдать. Она родила въ самой шотъ часъ,
какъ

какъ вы были на ловлѣ. Однакожь посмотрѣ, какой прекрасной подарокъ она прислала намъ! — Старикъ взялъ младенца на руки, съ нѣжностію поцаловалъ его и опдалъ опять своей матери, которая не могла съ нимъ разстаться. Она разсмаширивала его еще нѣсколько минушъ съ восхищеніемъ, и по томъ согласилась уже ѣхать. Старикъ и сыновья его взяли ее съ креслами и снесли на лодку, которая одна была съ балдахиномъ и украшена цвѣтами.

Когда почтенную старушку посадили въ лодку, начались пѣсни, крикъ и радостныя восклицанія. Сіе было знакомъ къ отбѣзду. Барона, изъ уваженія къ нему, посадили на лодку къ матери [ибо вся семья называла ее симъ именемъ] и черезъ три четверти часа сей маленькой флотъ присталъ къ берегу. Замужнія женщины и молодыя дѣвушки, которыя въ шатрѣ пригошавляли обѣдъ, бѣжали на берегъ встрѣпить свою *матушку*. Все семейство собралось вмѣстѣ. Какъ скоро старуха вышла изъ лодки, сынъ ея спалъ передъ нею на колѣни и просилъ ее благословить его и всю семью. По томъ старуха, поднявъ къ небу шрепещущія свои руки, сказала: Боже мой!

благоволи, чѣобы сынѢ мой до послѣдней минушы жизни своей наслаждался шѣмѢ благополучіемѢ, копорымѢ я по милосіи Твоей наслаждалась; чѣобы дѣпи его были противѢ него шаковы, каковѢ онѢ всегда противѢ меня былѢ. Боже мой! благослови все наше семейство, которое ушѣшаетѢ меня вѢ старости, и награди сына моего за шо щастіе, копорымѢ я пользовалась семдесятѢ два года, и которое основано было на его ко мнѢ любви и добродѣтеляхѢ его! — Произнеся сіи слова, сѢ нѣжностію обняла она сына своего. Радостныя слезы полились изѢ глазѢ ея и смѣшались сѢ слезами щаспливаго старика. ВсѢ дѣпи, заливаясь слезами, подходили кѢ матери и сыну, которые обнимали ихѢ сѢ равною нѣжностію. ПослѢ сего трогательнаго обряда пошли всѢ вѢ шаперѢ и сѣли за столѢ. Нвинная и чистая радость изображалась на лицахѢ ихѢ, и видна была во всѣхѢ ихѢ поступкахѢ. ПослѢ обѣда вынесли щаспливую старуху на прекрасной лугѢ, гдѢ начались разныя игры, которыя окончались бѣганіемѢ и плясками. По томѢ, по наступленіи вечера, сѣли на лодки и поплыли домой.

Не возможно изобразить того, что Баронъ чувствовалъ во весь тотъ день. Сердце его раздиралось, когда онъ смотрѣлъ на сіи восхищительныя картины; и видя, какимъ щастіемъ наслаждалось сіе семейство, чувствовалъ онъ въ сердцѣ своемъ раскаяніе и угрызеніе совѣсти. Однакожь, не смотря на сіе, съ нѣжною горестію расставался онъ съ своимъ почтеннымъ хозяиномъ. Онъ сѣлъ на корабль и отплылъ изъ Анж. Зунда въ великой печали. Корабль поплылъ въ Голландію, и въ концѣ Августа мѣсяца прибылъ Баронъ въ Амстердамъ. Тамъ пробылъ онъ нѣсколько дней и поѣхалъ въ Утрехтъ. Въ двухъ миляхъ отъ сего города находится жилище *Моравскихъ братій*. Такъ называется многочисленное общество мужчинъ и женщинъ, живущихъ вмѣстѣ въ просторномъ и великолѣпномъ домѣ, которой построенъ при вѣздѣ въ деревню Застъ. Баронъ хотѣлъ видѣть сіе заведеніе, заслуживающее вниманіе всякаго путешественника. Онъ пріѣхалъ въ Застъ въ три часа по полудни. Одинъ изъ начальниковъ сего общества взялся водить его и показывать ему все примѣчанія достойное. Онъ былъ старой *Моравской братъ*, которой хорошо говорилъ по

Французски и на вопросы Бароновы отвѣчалъ весьма разумно и учтиво. Осмотрѣвъ залы, въ которыхъ собираются женщины и мужчины, Баронъ спросилъ у своего провожашаго, всѣхъ ли иностранцевъ безъ разбора они къ себѣ принимаютъ. Мы принимаемъ всѣхъ Христіянъ, отвѣчалъ онъ, не смотри на то, какого они исповѣданія. — „Чего вы требуете отъ тѣхъ, которыхъ принимаете въ свой домъ?“, — Чистыхъ нравовъ, трудолюбія и миролюбія. — „Вы и женатыхъ людей принимаете? — Принимаемъ. Женатые живутъ у насъ въ другомъ домѣ; каждая семья живетъ въ отдѣленныхъ и покойныхъ комнахахъ. — „Не надобно ли знать какогонибудь ремесла тому, кого вы принимаете?“, — Надобно; по крайней мѣрѣ надлежитъ ему умѣть рисовать, рѣзать на мѣди, или быть живописцемъ. Но отъ тѣхъ людей, которыя собственными своими доходами могутъ жить, не имѣя нужды въ работѣ, не требуется никакого ремесла. — „Вы вѣрно навѣдываетесь прежде о поведеніи тѣхъ, которыхъ принимаете?“, — Конечно, еслии ктонибудь изъ начальниковъ не поручится за того, которой хочетъ войти въ наше общество. Всякой, будучи

будучи принятъ къ намъ, можетъ жить въ тишинѣ и покоѣ. Здѣсь живемъ мы по своей волѣ. Не давали мы никакихъ обѣщаній; ничто насъ не связываетъ. Мы можемъ по своей волѣ путешествовать, возвратиться въ этотъ домъ, или навсегда оставить его. Теперь покажу я вамъ примѣчанія достойнѣйшее мѣсто нашего жилища.

Сии послѣднія слова извлекли Барона изъ глубокой задумчивости. Онъ пошелъ за своимъ провожатымъ, который привелъ его къ лавкамъ. Внизу всѣхъ домовъ сего просторнаго зданія сдѣланы лавки, въ которыхъ продаются разныя вещи, сработанныя братьями и сестрами. Сии лавки видомъ весьма хороши. Тамъ найдешь всякія золотыя и серебряныя вещи, парчи, домовые приборы, фарфоръ, картины, башмаки и пр. (*). Братья и сестры живутъ надъ лавками.

Баронъ удивился великолѣпному виду, который составляло множество ла-

Б 3

вокъ,

(*) Почти всѣ женщины дѣлаютъ тамъ хорошія кружева. Въ цѣнѣ товаровъ никогда не торгуются; она бываетъ всегда одинакая и самая умѣренная.

вокъ, вмѣстѣ соединенныхъ. Вышедъ изъ
 столоярной лавки, шелъ онъ мимо картин-
 ной, и вздумалъ зайти въ нее. Осьми-
 лѣтній мальчикъ, сидѣвшій за письмен-
 нымъ столомъ, былъ одинъ въ сей лавкѣ.
 Онъ сидѣлъ наклонясь и читалъ. Въ семъ
 положеніи волосы висѣли у него по лицу
 и закрывали его почти до половины.
 Увидя Барона и его провожащаго, онъ
 всталъ, и оправя волосы, открылъ все
 свое лицо, которое было такъ прекрасно,
 что Баронъ отъ удивленія былъ нѣсколь-
 ко времени неподвиженъ. Мальчикъ съ не-
 винною улыбкою бросился обнимать Ба-
 рона проважащаго, называя его на Фран-
 цузскомъ языкѣ *другомъ своимъ*. Конечно
 онъ Французъ? спросилъ Баронъ. Нѣтъ,
 отвѣчалъ провожащій: онъ Англичанинъ;
 однакожь говоритъ уже шрема язы-
 ками. Онъ такъ тихъ, такъ любезенъ
 и ласковъ; столь прилѣженъ, поняшенъ и
 уменъ, что всѣ въ домѣ любятъ его какъ
 своего сына. Прости, любезной Полидоръ,
 что я тебя въ глаза хвалю. — „Какъ!
 его зовутъ Полидоромъ?“, — Это имя
 дано ему при крещеніи. — Это мое имя,
 сказалъ Баронъ; любезной младенецъ! дай
 Богъ, чтобы ты, будучи со мною одно-
 го имени, никогда въ жизни своей не былъ

под-

подверженъ одинакой со мною участи! — Голосъ и видъ Бароновъ пронули молодого Полидора. Онъ посмотрѣлъ на него пристально, подошелъ къ нему, обнялъ его и поднималъ голову, чтобы его поцеловать. Баронъ, до слезъ пронутой шакою нѣжностію, взялъ его на руки, и, прижимая его къ своему сердцу, воскликнулъ: какъ щасливъ родитель твой, дражайшій Полидоръ! О! нѣтъ, сказалъ Полидоръ, вздохнувши: онъ нещасливъ. Лишась любезной своей супруги, примолвилъ Бароновъ провожатой, бываетъ онъ всегда унылъ; однакожь въ любезномъ сынѣ своемъ, въ добродѣтели и чпеніи находитъ онъ нѣкоторое утѣшеніе.

Между тѣмъ Полидоръ проливалъ слезы, вспомя покойную свою мать. Разпроганной Баронъ нѣсколько разъ обнималъ его, по томъ сѣлъ и посадилъ его къ себѣ на колѣни. Провожатой, видя, что Баронъ намѣренъ нѣсколько времени пребыть въ лавкѣ, попросилъ у него позволенія оставить его на полчаса, и вышелъ вонъ. Баронъ, оставшись одинъ съ Полидоромъ, разсмаширивалъ его въ молчаніи; а Полидоръ съ своей стороны смотрѣлъ на него также съ великимъ вниманіемъ. Черезъ нѣсколько минутъ

Полидоръ схватилъ Баронову руку и цаловалъ ее съ великимъ жаромъ. И такъ тебѣ открыто сердце мое, любезной младенецъ! сказалъ Баронъ: и такъ ты видишь, что въ немъ происходитъ! --- Я васъ люблю, отвѣчалъ Полидоръ. — „Ты меня любишь?“, — Очень люблю; и вы не угадаете, для чего?“, — „Для чего же?“, — Для того, что вы похожи на моего батюшку. — Тутъ Баронъ почувствовалъ въ сердцѣ своемъ необыкновенное бѣненіе, такъ что нѣсколько минутъ не могъ онъ произнести ни одного слова. Наконецъ, поднявъ глаза къ небу, сказалъ: Боже мой! осмѣляюсь ли надѣяться... смѣю ли ласкать себя восхитительною надеждою Это чрезвычайное сходство; имя, данное младенцу; великая любовь, которую къ нему чувствую — все, кажется, увѣряетъ меня Ахъ! скажи, дражайшій Полидоръ, гдѣ твой отецъ? Проводи меня къ нему. — „Онъ пошелъ на часъ къ одному больному брату.“, — Гдѣ живешь этотъ братъ? — „Подъ нашей горницы, надъ этою лавкою.“, — Пойдемъ туда. — „Извольте.“, — Баронъ всталъ. Полидоръ, держа его за руку, вышелъ съ нимъ, заперъ лавку и про-
велъ

велѣ Барона въ маленькую комнапу, гдѣ встрѣшила ихъ старая служанка, копорую Полидорѣ послалѣ за своимѣ опщсмѣ.

Баронѣ, будучи въ великомѣ движеніи, сѣлѣ на стулѣ, пожимая сѣ нѣжноспію Полидорову руку. Чрезвычайное его смяшеніе и безпокойство произвели въ лицѣ его такую спрашную перемѣну, копорая привела въ ужасѣ Полидора. Сей ребенокѣ не смѣлѣ даже и смогрѣть на него. Оба они были въ глубокомѣ молчаніи, и черезѣ нѣсколько мивущѣ слышали, что кто-то идетѣ. Вотѣ идетѣ батюшка! сказалѣ сѣ радостію Полидорѣ. Баронѣ покраснѣлѣ, поблѣднѣлѣ; вспалѣ, сѣлѣ опять на стулѣ. Дверь отворилась. Вошелѣ человекѣ. Трепещущій Баронѣ сѣ жадноспію разсматривалѣ черты лица его. Десятилѣтнее страданіе, всѣ горести, угрызеніе совѣсти — все вдругѣ забыто. Баронѣ узнаетѣ сына своего. Теофиль лежитѣ у ногѣ его.

Теофиль, будучи внѣ себя и насилиу переводя духѣ, сѣ восхищеніемѣ видитѣ себя въ объятіяхѣ отца своего. Въ сію минушу забываетѣ онѣ глубокую печаль,

его угнѣтавшую. ОнѢ чувствуетѢ слезы отца своего, текущія по его лицу; онѢ слышитѢ рыданіе своего родителя, прежде столь немилосердаго; слышитѢ, что онѢ нѢсколько разѢ повторяетѢ имя Теофилево и Полидорово; ему кажется, что жизнь его обновляется — но скоро горестное воспоминаніе разрушаетѢ его радость и ввергаетѢ его въ печаль.

Когда БаронѢ и Теофиль пришли въ состояніе изъяснять словами чувства свои, тогда они почти одно другѢ другу говорили ИхѢ обоихѢ мучила совѣсть; оба они забыли тѢ неудовольствія, которыя другѢ на друга имѢли; оба они помнили только собственныя свои поступки. Теофиль, стоя на колѣняхѢ, просилѢ прощанія у отца своего; а БаронѢ, проливая слезы, заклиналѢ его простить ему варварскіе его поступки, которые были причиною всего ихѢ несчастія. По томѢ БаронѢ, разѢ сто обнявѢ Теофиля, взялѢ къ себѢ на руки Полидора, и весьма утѣшилѢ Теофиля, съ родительскою нѣжностію лаская сына его. Теофиль съ восхищеніемѢ смотрѢлъ на Полидора, бывшаго въ объятіяхѢ своего дѣдушки; но среди сего восхищенія нѢсколько разѢ прошивѢ воли своей про-

произносилъ онъ Олимпіино имя. Тогда вдругъ изчезало изображеніе радости на лицѣ его; вдругъ печаль на немъ являлася. Такимъ образомъ въ настоящемъ своемъ щастіи находилъ онъ новыя причины къ горести.

Когда Баронъ нѣсколько успокоился, тогда съ горестнымъ удивленіемъ примѣтилъ онъ ужасную перемену въ образѣ Теофилевомъ. Одно сердце его узнало его сына; а глазамъ его легко было ошибиться. Теофилю было еще не болѣе тринадцати лѣтъ; но чрезвычайная сухощавость и страшная блѣдность лишили лице его вида молодости, которому бы надлежало еще украшать его. Время изпреляетъ одну свѣжесть и красоту; но несчастіе перемѣняетъ весь образъ лица. Глаза Теофилевы спали совсѣмъ иные. Не было уже въ нихъ сего блистательнаго огня, которой прежде оживлялъ ихъ. Томной видъ его изображалъ ужасное уныніе и глубокую меланхолію. — Баронъ съ такою же чувствительностію разсматривалъ и всѣ окружавшіе его предметы. Комната, въ которой Теофиль прожилъ нѣсколько лѣтъ; сіи голыя стѣны; кожаные шюфяки, на которыхъ спали Теофиль и Полидоръ — все, представлявшееся взорамъ его, воз-

обно-

обновляло въ душѣ его печальное воспоминаніе. Наконецъ Баронъ, пожавъ Теофилеву руку, сказалъ ему: поѣдемъ, любезной сынъ, поѣдемъ поскорѣе; удалимся отъ этого печальнаго мѣста, гдѣ ты вздыхалъ долгое время; выдемъ изъ этой комнаы, которой видъ раздираетъ сердце мое. Возвращись въ свое отечество; возвращись съ сыномъ своимъ въ домъ твоего отца.

Когда вы, родитель мой, меня прощаете и признаете сына моего за своего внука, то я долженъ посвятить вамъ всю мою жизнь. Я конечно поѣду съ вами. Однакожь позвольте, чтобы я въ послѣдній разъ сводилъ Полидора на гробъ его несчастной матери. — Теофиль зарыдалъ и не могъ говорить. Баронъ отвѣтствовалъ ему однѣми слезами. Сія чувствительность весьма пронула Теофиля. Ахъ, родитель мой! воскликнулъ онъ: уже ли вы о ней слезы проливаете? Я раздѣляю съ тобою печаль твою, отвѣчалъ Баронъ. Теофиль съ восхищеніемъ обнималъ своего отца. Теперь вы могли бы ее любить, сказалъ онъ, могли бы признать ее своею дочерью, но — ее нѣтъ уже на свѣтѣ! — Сказавъ сіе, Теофиль вырвался изъ объ-
ятій

япій своего отца, и схвативъ Полидора за руку, поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Когда Теофиль въ послѣдній разъ омывалъ слезами гробъ Олимпіинъ, Баронъ приготоовлялся къ отбѣзду; и простившись съ начальниками Моравской колоніи, Баронъ, Теофиль и Полидоръ сѣли въ коляску и поѣхали въ Упрехтъ, куда пріѣхали уже не прежде ночи. На другой день ввечеру, когда Полидоръ легъ спать, Баронъ подробно разсказалъ сыну своему все, что случилось съ нимъ во время ихъ разлуки. И когда онъ окончалъ печальную свою повѣсть, тогда Теофиль началъ разсказывать свою исторію. Описавъ упреки своей совѣсти и горестъ свою, которая терзала его при отбѣздѣ изъ Парижа, подробно разсказывалъ онъ о своемъ пріѣздѣ въ Лондонъ, о женидбѣ и отбѣздѣ въ Шотландію. „Пріѣхавъ въ „Эдимбургъ, продолжалъ онъ, мы опять „перемѣнили имя свое. Черезъ нѣсколько „времени вошелъ я въ небольшой торгъ; „но не зная коммерціи и людей, былъ я „обманутъ, и самъ обманулся, такъ что „черезъ восемь мѣсяцевъ издержалъ я бо- „лѣе половины той суммы, которую при- „везъ съ собою изъ Франціи. Черезъ де- „сять мѣсяцевъ послъ моей женидбы же- „на

„на моя родила Полидора. Ставъ от-
 „цемъ, живѣе почувствовалъ я несчастное
 „мое положеніе. Я обливалъ слезами лю-
 „бимаго сына моего. Любовь, которую
 „къ нему я чувствовалъ, раздирала сердце
 „мое. Какова будетъ участь твоя въ
 „жизни, несчастной младенецъ! думалъ я,
 „взявъ его на руки. Цалуя его со всею
 „родительскою любовію, былъ я такъ не-
 „щасливъ, что не смѣлъ благодарить
 „Неба, его мнѣ даровавшаго. Всю свою
 „горестъ скрывалъ я у себя въ сердцѣ;
 „особливо же шепталъ ее отъ жены моей,
 „хотѣвъ, чтобы она почитала меня до-
 „вольнымъ судьбою своею. Такимъ обра-
 „зомъ лишился я и послѣдняго утѣшенія
 „открывать ей сердце мое. Исчезли всѣ
 „мечты, меня обольщавшія. Олимпія бы-
 „ла въ глазахъ моихъ однимъ драгоцен-
 „нымъ другомъ. Любовь перестала ослѣ-
 „плять разсудокъ мой. Вѣрная и нѣжная
 „дружба могла бы для насъ быть источ-
 „никомъ удовольствій и утѣшенія, если-
 „ли бы мы открывали другъ другу каж-
 „дую свою мысль, каждое сердечное дви-
 „женіе. Для Олимпіинаго спокойствія над-
 „лежало мнѣ скрывать мои чувства и
 „безпокойныя мысли; а такое мучитель-
 „ное принужденіе становилось мнѣ день
 „отъ

„отъ дня неноснѣ. Часто думалъ я, что и Олимпія втайнѣ чувствуетъ такое же безпокойство, какое меня терзаетъ; и сія мысль умножала мою горечь.

„Однакожь нѣжная Олимпія казалась спокойною. Съ самой той минуты, въ которую получилъ я руку ея, до послѣднихъ минутъ ея жизни, ни однимъ словомъ не жаловалась она на судьбу свою. Никогда не оскорбляла она сердца моего печальными разсужденіями или укоризнами. Часто говорила она мнѣ о своемъ щастіи; казалось также, что и меня щастливымъ почитала. Но припворяющемуся чело-вѣку естественно предполагать притворство и въ другихъ. Къ тому же нѣсколько разъ я заставлялъ ее плачущую. Тогда съ трепетомъ спрашивалъ я о причинѣ ея печали, и слушалъ ее обыкновенно съ недовѣренностію. Всегда приписывала она втайнѣ лившіяся слезы свои чрезмѣрной своей чувствительности и такимъ причинамъ, ко-торыхъ не имѣли никакой связи съ настоящимъ положеніемъ. Надобно было показывать, что я вѣрилъ словамъ ея; но такое притворство умножало мою горечь. Такимъ образомъ прожили мы

„при

„при года въ Шотландіи. Послѣ сего
 „времени, видя, что денегъ оставалось
 „у меня весьма уже немного, рѣшился
 „я отдать пятнадцать тысячъ ливровъ,
 „которые у меня тогда были, въ вѣр-
 „ныя руки, съ тѣмъ, чтобы женѣ и сыну
 „моему по смерти ихъ платили процен-
 „ты. Олимпія желала возвратиться въ
 „Англію: я на то согласился, и мы не-
 „медленно поѣхали. Пріѣхавъ въ Лон-
 „донъ, прежде всего спарался я съ выго-
 „дою отдать еѣ проценты ту неболь-
 „шую сумму, которая у меня осталась,
 „хотѣвъ по крайней мѣрѣ доставить
 „тѣмъ женѣ и сыну пропитаніе по смерти
 „ихъ. Когда сіе дѣло счастливо оконча-
 „лось, мы поѣхали жить въ деревню, до
 „которой было отъ Лондона нѣсколько
 „миль. Тамъ могъ бы я наслаждаться
 „счастіемъ, если бы печальное воспо-
 „минаніе не лишало меня покоя, сего
 „великаго сокровища, которое всего легче
 „найти въ уединенной жизни. Я не шу-
 „жилъ ни о богатствѣ, ни о пышности;
 „однакожь воздыхалъ, воображая себя въ
 „двадцать два года удаленнаго отъ
 „отечества своего, и, такъ сказать, по-
 „гребшагося въ маленькой деревенкѣ, съ
 „несчастною жертвою безумія моего и

„бѣднымъ младенцемъ, которому всю
 „свою жизнь надлежало провести въ низ-
 „комъ состояніи. Не могъ я изгнать изъ
 „воображенія моего мучительной мысли о
 „великомъ безпокойствѣ родителя моего,
 „причиненнаго моимъ побѣгомъ. Бывъ
 „отъ васъ удаленъ, не переставалъ я
 „васъ нѣжно любить. Я представлялъ
 „васъ, родитель мой, угнѣтеннаго горе-
 „стію, наконецъ умирающаго отъ печали
 „и проклинающаго виновнаго сына,
 „васъ оставившаго. Сей страшный об-
 „разъ всегда мнѣ представлялся. Цѣлые
 „дни занимался я печальными мыслями;
 „а ночью видалъ страшные сны. Часо-
 „я пробуждался, будучи омоченъ холо-
 „днымъ потомъ, шепеталъ и въ ужасѣ
 „восклидалъ: *о родитель мой! не кляните*
 „*меня!* Сей ужасной крикъ часто пере-
 „рывалъ сонъ моего сына и опзывался
 „во глубинѣ сердца чувствительной и не-
 „щасной Олимпіи.

„Уже два года прожили мы въ Ан-
 „глии, какъ непредвидѣнное приключеніе
 „вергнуло насъ въ глубочайшую бездну
 „несчастія. Купецъ, которому опдалъ
 „я мои деньги, сдѣлался банкротомъ, и
 „такимъ образомъ лишился я всего мо-
 „его имущества. Щадя вашу чувстви-
 „*Часть XIV. Но. 16.* В „шель-

„инельность, родитель мой, не вхожу въ
 „подробное описаніе тѣхъ чувствъ, ко-
 „порыя произвело въ сердцѣ моемъ из-
 „вѣстіе о семъ приключеніи. Но супру-
 „жеская и родительская любовь мало по-
 „малу укрѣпили меня такимъ мужествомъ,
 „что я сталъ терпѣливо сносить судьбу
 „мою. Въ ребячествѣ моемъ учили меня
 „рисовать. Сіе искусство, составлявшее
 „всю забаву пятилѣтняго моего уедине-
 „нія, сдѣлалось для меня въ несчастіи
 „моемъ весьма полезно. Я зналъ въ
 „Лондонѣ одного славнаго Гравера. Я
 „нанялся для него рисовать; и чрезъ
 „шестъ мѣсяцовъ, будучи доволенъ моею
 „работою, онъ перезвалъ меня жить въ
 „свой домъ. Сей человекъ былъ Морав-
 „ской братъ, и чешыре года жилъ въ
 „Заспѣ. Говоря со мною о сей колоніи,
 „возбудилъ онъ во мнѣ желаніе бѣжать
 „туда и тамъ жить. Олимпія того же
 „хотѣла. Мы переговорили о томъ съ
 „благодѣтельнымъ нашимъ хозяиномъ,
 „которой далъ намъ одобрительныя письма
 „къ начальникамъ колоніи, и просилъ
 „ихъ принять насъ въ свой домъ. Насъ
 „очень хорошо приняли. Олимпія, по-
 „пріѣздѣ своемъ въ Заспѣ, скинула Ан-
 „глійское свое платье и шляпу, и надѣла
 „такую

„такую одежду, въ какой ходятъ всѣ тамо-
 „шнія женщины. Не могу изъяснить вамъ,
 „что я чувствовалъ, увидя ее въ первой
 „разъ въ такомъ бѣдномъ платьѣ. Сія
 „крестьянская одежда увеличивала красоту
 „ея. Я смотрѣлъ на нее съ нѣжною горе-
 „стію. Ей открыты были чувства серд-
 „ца моего; и хотѣвъ разсѣять всѣ пе-
 „чальныя мысли мои, она увѣряла меня,
 „что не можетъ нарадоваться новымъ
 „своимъ платьемъ, и что никогда не по-
 „сила такого покойнаго. Я упалъ къ ея
 „ногамъ и омывалъ слезами руку ея, ко-
 „торую она мнѣ подала. Она обняла
 „меня, и сказала, что не понимаетъ при-
 „чины моей горести; но говоря сіе, сама
 „проливала слезы.

„Не нашелъ я въ Застѣ ни спокой-
 „ствія, ни новаго утѣшенія. Всѣ тѣ
 „часы, которые оспаивались у меня отъ
 „работы, посвящалъ я воспитанію моего
 „сына. Я снрасно любилъ сего младен-
 „ца отъ самаго его рожденія; но самая
 „сія родительская любовь была для меня
 „неизтощимымъ источникомъ беспо-
 „койствъ и горести. Могу ли я ожидать
 „отъ сына моего покорности, которой я
 „самъ не имѣлъ къ отцу моему? Думая
 „носишь на себѣ проклятіе раздраженнаго

„родителя моего, могли ли я ласкаться,
„чтобы Небо даровало мнѣ послушнаго и
„благодарнаго сына? — Такія печальныя
„мысли терзали сердце мое; но скоро
„новой ужасной страхъ далъ мнѣ почув-
„ствовать, что всѣ горести, угнѣтавшія
„меня со времени побѣга моего изъ Фран-
„ціи, почти ничто въ разсужденіи того
„удара, которой меня поразишь могъ.

„Олимпіино здоровье видимо ослабѣ-
„вало. Сохраняя всегда обыкновенную
„свою пикость, она никогда и ни на
„что не жаловалась, и всегда увѣряла
„меня, что не чувствуетъ въ себѣ
„никакой болѣзни. Однакожь я призвалъ
„изъ Утрехта Доктора, которой сна-
„чала меня успокоилъ; но черезъ три
„мѣсяца обнаружилъ онъ нѣкоторое со-
„мнѣніе, и наконецъ произнесъ ужасной
„приговоръ, ввергнувшій меня въ неописан-
„ную горестъ. Олимпія давно уже знала
„положеніе свое. Религія и несчастныя
„обстоятельства ея жизни представляли
„ей смерть въ видѣ Ангела утѣшителя.
„Одинъ Утрехтской Священникъ пріѣхалъ
„къ намъ, чтобы приготовить Олимпію
„къ смерти. Три дни прожилъ онъ у насъ
„въ комнатахъ. Никогда не загладился въ
„памя-

„памяти моей ужасное воспоминаніе сихъ
 „прехъ мучительныхъ дней. Не могу
 „описать вамъ сихъ страшныхъ часовъ . . .
 „и мнѣ еще надлежало жить, спрадать
 „подъ бременемъ нестерпимой жизни! . . .
 „Сама Олимпія повелѣла мнѣ беречь жизнь
 „мою, нужную для сына моего. — Возь-
 „мите, родитель мой, продолжалъ Тео-
 „филь, проливая слезы: возьмите, про-
 „читайте это письмо. Вотъ Олимпіино
 „завѣщаніе, которое отдалъ мнѣ духов-
 „никъ ея въ самую ту минуту, въ ко-
 „торое отчаяніе могло бы довести меня
 „до чего нибудь чрезвычайнаго. — Ска-
 „завъ сіе, несчастной Теофиль вынулъ
 изъ записной книжки письмо, которое
 Олимпія писала къ нему на канунъ своей
 смерти. Баронъ, проливавшій слезы,
 бросился въ объятія сына своего. Долго
 обнимали они другъ друга, и горестными
 чувства сердца своего изъясняли рыдані-
 емъ и вздохами. Наконецъ Баронъ изалъ
 Олимпіино письмо, и осушивъ глаза свои,
 отъ слезъ покраснѣвшіе, читалъ слѣду-
 ющее:

„Я хотѣла узнать истину. Мнѣ
 „сказали, что сей день можетъ быть
 „последнимъ днемъ моей жизни . . . Тео-
 „филь! . . . и такъ я навсегда съ тобою

„разлучаюсь! . . . Священной союзѣ, насѣ
 „соединявшій, нынѣ или завтра навсегда
 „разорвется! . . . Теофиль и Полидорѣ
 „завтра разлучатся съ Олимпіею! . . .
 „Пусть же сіе письмо всегда приводитѣ
 „меня на память супругу и сыну моему!
 „Пусть оно откроетѣ имѣ истинныя мои
 „чувства, всю внутренность сердца мо-
 „его! Пусть признаніе сіе, умножая въ
 „Теофиль любовь къ добродѣтели, будетѣ
 „нѣкогда полезнымѣ урокомѣ для его
 „сына! . . . О ты, которой мнѣ всемѣ
 „пожертвовалѣ, котораго удалила я отѣ
 „отца и опечесства! уже ли ты когда ни-
 „будь могѣ думать, что я довольна мо-
 „ею судьбою? . . Нѣтъ, Теофиль, я про-
 „ницала въ сердце твое; я чувствовала
 „всю твою горестъ, и сокрывала въ серд-
 „цѣ своемѣ горестъ еще несноснѣйшую.
 „Во глубинѣ бездны, въ которую сверг-
 „нула насѣ слѣпая страсть, увидѣли мы
 „свѣтъ, и . . . что же тогда почувствова-
 „ли? Исчезла мечта, весьма скоро исчез-
 „ла, и сердце наше слышало страшной
 „голосѣ оскорбленной совѣсти. Въ душѣ
 „нашей началѣ дѣйствовать разсудокѣ,
 „открылась истина — мы начали раз-
 „каиваться; но мы были уже въ безднѣ.
 „Любовь заставила меня забыть священ-
 „нѣй-

„нѣйшія должности; но пробужденной раз-
 „судокъ скоро привелъ ихъ тебѣ на па-
 „мять. Въ любезной своей Олимпіи уви-
 „дѣлъ ты несчастную виновницу твоего
 „преступленія и злополучія. Лишась люб-
 „ви твоей, не могла я надѣяться быть
 „и другомъ твоимъ. Какая дружба, ка-
 „кая довѣренность можетъ быть между
 „двумя преступниками, познавшими свое
 „заблужденіе, чувствующими невозмож-
 „ность загладить проступки свои, и при-
 „писывающими другъ другу свое не-
 „щастіе? . . . Надлежало молчать; но сколь
 „мучительно для сердца моего было та-
 „кое насиліе! Сердце мое, семь лѣтъ без-
 „престанно занимавшееся побою и сыномъ
 „моимъ — сіе угнѣтенное печалію серд-
 „це не смѣло никогда тебѣ открыться.
 „Бывъ всегда вмѣстѣ, были мы всегда
 „одни; не было довѣренности, не было
 „сообщенія чувствъ. Постоянно учились
 „мы наукѣ обманывать другъ друга,
 „скрывать другъ отъ друга свои мысли.
 „Самъ разумъ, самое челоуколюбіе нала-
 „гали на насъ молчаніе — самая любовь
 „запрещала намъ другъ другу откры-
 „ваться! — Чудное и несчастное поло-
 „женіе! . . . Какъ же мнѣ жалѣть о жиз-
 „ни? . . . Ахъ, Теофиль! мысль о вѣчной

„разлукѣ конечно для меня страшна; но
 „если бы ты зналъ, ошѣ какого муче-
 „нія избавляетъ меня смерть, то не
 „спалъ бы роптать на судьбу, насѣ раз-
 „лучающую. Какъ можно сносить жизнь,
 „когда видишь любезнаго человѣка воз-
 „дыхающаго подъ бременемъ несчастія, и
 „когда все свое злополучіе надлежитъ
 „себѣ приписывать! Одна я причиною мо-
 „его несчастія; неблагоразуміе мое подало
 „родителю твоему поводъ не сдержать сло-
 „ва своего. Я лишилась добраго моего име-
 „ни: и такъ онѣ имѣлъ право презрѣть
 „меня. Хотя и щеславіе было съ его
 „спороны главною причиною сего разры-
 „ва, однакожь не лъзя намѣ ничѣмъ уко-
 „рять его. Такъ какъ отецъ, имѣлъ онѣ
 „надъ тобою неограниченную власть, и
 „могъ употреблять ее по своему изволе-
 „нію. Ты не могъ пропротивиться ему, не
 „нарушивъ священнѣйшей сыновней дол-
 „жности. Если бы ты болѣе совѣто-
 „вался съ разумомъ, то конечно бы оста-
 „вилъ порочное и безумное предпріятіе
 „уйши изъ дому отца своего и бѣжать
 „изъ опечества. Повѣрь мнѣ, что вре-
 „мя и постоянство твое умягчили бы
 „твоего родителя. Ужели къ непослу-
 „шанію надлежало тебѣ присоединить и

„подлой обманъ? Для чего не сказалъ ты
 „ему: я не могу переимѣнить слова моего,
 „которое далъ я по вашей же волѣ. Не
 „могу я также и вступить въ такой со-
 „юзъ, которой вамъ противенъ. Вамъ не
 „угодно исполнить моей просьбы; вы не со-
 „глашаетесь, чтобы я соединился съ тою,
 „которую люблю: — хорошо, я вамъ
 „повинуюсь. Но только не принуждайте
 „меня быть клятвопреступникомъ, и всту-
 „пить въ другой союзъ. Я же общаю
 „вамъ всегда убѣгать предмета несчастной
 „моей страсти. — Вотъ спасительной
 „совѣтъ, которой надлежало бы мнѣ по-
 „дать тебѣ, когда ты пришелъ объявлять
 „мнѣ несчастное свое рѣшеніе; тогда еще
 „не поздно было имъ воспользоуаться.
 „Признавшись во всемъ родителю своему,
 „и говоря съ нимъ свободно и чистосер-
 „дечно, конечно бы ты сперва раздражилъ
 „его; но онъ такъ любилъ тебя, что
 „гнѣвъ его не могъ бы продолжиться.
 „Угрожая и показываясь неупросимымъ,
 „хотѣлъ онъ только устрашить тебя.
 „Можно ли думать, чтобы онъ жестоко
 „наказалъ тебя за несогласіе твое всту-
 „пиль въ предлагаемой союзъ, когда бы
 „ты изъ сыновней покорности пожертво-
 „валъ ему склонностию своего сердца?

„Могъ ли онъ рѣшиться вѣчно заключить
 „тебя, однороднаго сына своего, един-
 „ственную свою надежду? Нѣтъ, нѣтъ!
 „Увѣрясь въ швоей швердости, въ швоемъ
 „постоянствѣ, рано или поздно согласил-
 „ся бы онъ соединить насъ. Можно ли
 „повѣрить, чшобы сія мысль не пришла
 „намъ въ голову прежде, нежели мы рѣ-
 „шились — погубить себя? Ты грозилъ
 „мнѣ лишить себя жизни: любовь тебя
 „ослѣпiała, а ужасъ опнялъ у меня чув-
 „ства. Есльи бы я имѣла болѣе разсуд-
 „ка и опышности, то могла бы открыть
 „тебѣ швое заблужденіе. Не смотря на
 „мой страхъ, ужасъ и предчувствія мои,
 „никакъ не предвидѣла я всѣхъ шѣхъ
 „горестей, копорыя послѣ терзали меня.
 „Есльи бы мнѣ можно было видѣть бу-
 „дущее, то я конечно бы доказала тебѣ,
 „чшо лучше было намъ совсѣмъ отка-
 „заться другъ отъ друга и уничтожить
 „наши обѣщы, нежели низвергнуться въ
 „сію бездну золъ. Положимъ, чшобы я
 „была мужественна и великодушна, и
 „уговорила бы тебя жениться на прези-
 „раемой побою особѣ; положимъ, что она
 „поведеніемъ своимъ оправдала бы швою
 „къ ней нелюбовь: то какое утѣшеніе
 „находилъ бы ты въ сердцѣ своемъ, въ
 „обѣ-

„объятіяхъ твоего родителя! Свѣтскія
 „забавы, ученія упражненія и государ-
 „ственныя дѣла, которымъ бы ты могъ
 „посвятить себя, были бы для тебя изпоч-
 „никомъ пріятностей и различныхъ удо-
 „вольствій. Въ такомъ состояніи могъ
 „бы ты отъ всего сердца радоваться
 „дѣтьми своими, будучи въ состояніи
 „хорошо воспитать ихъ, и зная, что
 „по смерти твоей не будутъ онѣ жить
 „въ бѣдности и неизвѣстности. Ты утѣ-
 „шалъ бы отца своего; а онъ благослов-
 „лялъ бы тебя во всѣ дни жизни своей. —
 „Что принадлежитъ до меня, то я, воз-
 „вращаясь въ Провинцію, утѣшалась бы
 „своею невинностію и воспоминаніемъ
 „добродѣтельной жертвы, и могла бы на-
 „слаждаться пріятностями уединенія и
 „тишины. О естли бы въ ту минушу,
 „въ которую ты убѣждалъ меня согла-
 „ситься на твое безразсудное предложеніе,
 „какой нибудь вѣрной другъ все сіе мнѣ
 „представилъ! . . Но не было у меня и
 „единственной поддержки моей; не было
 „уже на свѣтѣ дражайшей моей пепки.
 „Я была несчастная сирота, не имѣвшая
 „никакого наставника и покровителя.
 „Любя честь и добродѣтель болѣе жизни,
 „пожертвовала я и пою и другою. . .
 „Какъ

„Какъ же несчастливъ молодой, безразсуд-
 „ной и надменной человѣкъ, нехотѣющій
 „принимать совѣтовъ и желающій жить
 „въ независимости! . . О Полидоръ! цѣ-
 „когда будешь ты читать сіе письмо: да
 „научишъ тебя примѣръ мой не довѣрять
 „самому себѣ, и докажетъ, что разумъ
 „и чистота сердца не могутъ замѣнить
 „опытности! Да увѣришься, что спра-
 „всти могутъ только насъ ослаблять и
 „дѣлать несчастными, и что въ одной
 „добродѣтели надлежитъ искать счастья!

„Прости, Теофиль! Смѣю надѣяться,
 „что впредь будешь ты счастливецъ. У
 „тебя есть отецъ . . . О! если бы когда ни-
 „будь вы будете жить вмѣстѣ, то да не
 „возмущаетъ память моя вашего благо-
 „получія! Подумай, что твой родитель
 „не могъ бы сдѣлать меня счастливою,
 „если бы и призналъ меня своею до-
 „черью. Какъ бы могла я показаться въ
 „свѣтъ, бывъ преступницею! . . Ты мо-
 „жешь возвратиться въ свое отечество,
 „не боясь презрѣнія; но если бы женщина
 „ослабилась любовію и сдѣлалась преступ-
 „ницею, то она уже навсегда лишается
 „чести. Я жила въ неизвѣстности, тер-
 „заясь разкаяніемъ; по крайней мѣрѣ не
 „была

„была я подвержена стыду и всеобщему
 „презрѣнію, и не видала супруга моего
 „краснѣющагося отъ меня. Ничто въ мірѣ
 „не можетъ уже сдѣлать меня щасливой;
 „вѣшъ уже для меня на землѣ щастія...
 „Прости, любезной и несчастной Тео-
 „филь! . . Живи для своего сына. Молю
 „Бога, чтобы сей дражайшій младенецъ
 „былъ всегда твоимъ утѣшеніемъ, и что-
 „бы въ немъ нашелъ ты награду за свои
 „спраданія, причиненныя несчастною его
 „матерью. Вотъ послѣднее желаніе моего
 „сердца. Но да будетъ главнымъ твоимъ
 „утѣшеніемъ Религія, въ сіи минуны ме-
 „ня укрѣпляющая! . . . Небу не угоденъ
 „былъ союзъ нашъ: и такъ Оно насъ
 „разлучаетъ. Да будетъ воля Божія!
 „мы же со смиреніемъ подвергнемся воли
 „Его! „

Несчастливая жертва моего тщеславія!
 воскликнулъ Баронъ, прочитавъ сіе пись-
 мо: любезная Олимпія! Божіе правосудіе за
 тебя опмстило: я долго спрадалъ, и ни
 въ чемъ не находилъ утѣшенія. Какого
 щастія лишился я, не захотѣвъ признать
 тебя моею дочерью! . . Дражайшій сынъ!
 я нашелъ тебя; однакожь не могу сдѣлать
 тебя щасливымъ — могу ли же и самъ
 я быть когда нибудь щасливъ! —

Я посвящаю вамъ жизнь мою, отвѣчалъ Теофиль, и навсегда опказываюсь опъ міра. Удалясь опъ всѣхъ, и заключаюсь въ домъ вашемъ, буду жить только для васъ и для моего сына. — И такъ, сказалъ Баронъ, посвятимъ себя воспитанію Полидора. Пустьъ всѣ лѣта дѣтства своего проведешь онъ въ уединеніи и тишинѣ. Тамъ будемъ стараться образовать сердце и разумъ его. Пусть почувствуешь онъ всѣ пріятности сельской жизни и привыкнешъ къ простотѣ, чѣобы со временемъ, когда вступишь въ шумной міръ, зналъ онъ, что всѣ его забавы ничто въ сравненіи съ радостями тихаго уединенія.

Теофиль съ радостію согласился на сіе предложеніе, столь согласное съ его склонностію. Пріѣхавъ во Францію, Баронъ купилъ землю въ пятидесяти миляхъ опъ Пэрижа, и поѣхалъ туда жить съ Теофілемъ и Полидоромъ. Хотя печальное воспоминаніе и препятствовало ему наслаждаться совершеннымъ щастіемъ, однакожь нѣжныя Теофілевы попеченія, разумъ и добродѣтели Полидоровы, были всегда ушѣшеніемъ его старости. Прежде смерти своей имѣлъ онъ удовольствіе устроить Полидорово щастіе, избравъ

бравъ ему любезную и добродѣтельную подругу, которая была честію и славою супруга и всего своего семейства. —

Гж. Правосудова замолчала; а какъ не пришло еще время ложиться спать, то начался разговоръ. Пепръ спросилъ у своей бабушки, почему она сказала въ повѣсти своей, что честь строже всѣхъ гражданскихъ законовъ. Гражданскіе законы, отвѣчала Гж. Правосудова, сдѣланы для всѣхъ людей; а какъ опъ народнаго множества не возможно требовать высокой добродѣтели, то законы и не поспавляютъ ее въ необходимую должность, которой преступленіе сопровождалось бы наказаніемъ. Если бы они были строже, то ихъ исполняли бы весьма немногіе, и слѣдственно было бы неизчислимое множество преступниковъ, которыхъ бы надлежало наказывать: сіе же могло бы разстроитъ весь порядокъ общежитія. И такъ они запрещаютъ только злодѣянія, вредные обществу пороки и всякую явную несправедливость, поощряя между тѣмъ всякаго бытъ добродѣтельнымъ. Человѣкъ, не подвергающійся наказанію въ гражданскомъ обществѣ, не можетъ еще назваться совершенно добродѣтельнымъ; потому что онъ можетъ еще

еще имѣть пороки: на прим. скупость, гордость и проч. — И тогда человѣкъ, примолвилъ Г. Чудинъ, которой будетъ ложно приписывать упомянутые пороки людямъ, также не подвергается наказанію по гражданскимъ законамъ, хотя онъ и злословитъ, или клеветаетъ. — Однакожь, сказалъ Пётръ, всякой клеветникъ почищается человѣкомъ презрительнымъ. — „Конечно, равно какъ и всѣ тѣ, которые во зло употребляютъ снисхожденіе законовъ.“ — Мнѣ нужно нѣкоторое объясненіе, продолжалъ Пётръ: скажите мнѣ, что такое человѣкъ презрительной? — „Человѣкъ, котораго всѣ люди вообще считаютъ безчестнымъ.“ — И такъ всѣ люди вообще привязаны къ чести, и судятъ строже законовъ: для чего же законы, сдѣланные для всѣхъ людей вообще, точно не велятъ быть смиреннымъ, щедрымъ и великодушнымъ? — „Самой худой человѣкъ не можетъ не любить добродѣтели и не ненавидѣть порока. Страсти заставляютъ его дѣйствовать противъ своей совѣсти; и какъ ни старается онъ заглушить въ сердцѣ своемъ ея упрёки, однакожь всегда слышитъ наказующій гласъ ея. Въ сужденіи о другихъ ему легче сообразоваться съ совѣстію,

стію, нежели въ собственныхъ своихъ поступкахъ; и по тому, спросясь у своей совѣсти, худое называетъ худымъ, а хорошее хорошимъ. Такимъ образомъ поступая самъ дурно, можетъ судить хорошо. Будучи слабъ и развращенъ, предается спраснямъ; но будучи хладнокровенъ, ш. е. безпристрастенъ, по первому движенію оуждаетъ въ другихъ тѣ пороки, въ которыхъ самъ погружается. Все презрительное и подлое возмущаетъ его сердце; все великодушное его прогаешъ и восхищаетъ. Худой отецъ и неблагодарной сынъ не могли бы равнодушно смотрѣть на Анж-Сундскую старуху, благословляющую свою семью. Порочной человѣкъ удивляется добродѣтели, хотя и не чувствуетъ въ себѣ желанія подражать ей: такой человѣкъ есть изображеніе народнаго множества. — Изъ всѣхъ нашихъ разсужденій выведемъ одно важнѣйшее слѣдствіе, и скажемъ, что всѣ вообще оуждаютъ пороки и хвалятъ добродѣтель; и такъ, кто хочетъ имѣть въ обществѣ хорошее имя, тому надлежитъ быть всегда добродѣтельнымъ.

Позвольте мнѣ, сказала Елисавета, спросить васъ о значеніи одного слова,
Часть. XIV. Но. 17. Г кото-

которое очень часто слышу: что такое *предразсужденіе*? Я не понимаю смысла этова слова. — „*Предразсужденіе* есть такое мнѣніе, которое не бываетъ плодомъ правильнаго разсужденія, и которое не подкрѣпляется никакими справедливыми доводами. На прим. Г. Суевѣровъ думаетъ, что въ понедѣльникъ не надобно выѣзжать въ дорогу; а если выѣдешь, то будешь великія бѣды: — вотъ предразсужденіе. Онъ не можетъ ничѣмъ доказать справедливости своего мнѣнія. Спроси, почему онъ такъ думаетъ: Г. Суевѣровъ будетъ отвѣчать, что покойная бабушка его никогда въ этотъ день изъ дому не выѣзжала; другой причины онъ тебѣ никакой не скажетъ. Всякое мнѣніе, котораго справедливость не лѣзя доказать убѣдительно, и которое можно опровергнуть опытами, есть предразсужденіе. Однакожь не надлежитъ намъ почитать всего того химерою, что кажется страннымъ и при первомъ взглядѣ невѣроятнымъ. Альфонсова Исторія показала намъ, что много въ Натурѣ такихъ феноменъ, или явленій, которыхъ и самые ученые не могутъ исполковать ясно. Всякое мнѣніе, которое должно имѣть вліяніе на наши поступки, и которое надлежитъ

лежитъ намъ принять или опровергнуть, надобно строго разсматривать, и въ такомъ случаѣ сообразоваться съ предписаніями Религіи, гражданскихъ законовъ и чести., — Спарайтесь, любезныя друзья мои, примолвилъ Г. Чудинъ, спарайтесь глубже проникать въ великія истинны Религіи; вкорените въ сердце свое всѣ ея святыя предписанія, и вы конечно не будете заблуждаться, не будете имѣть предразсужденій, просвѣтите разумъ свой, и будете во всю вашу жизнь щасливы.

Черезъ два дни послѣ сего разговора, Гж. Добролюбова, оставшись одна съ Елисаветою, сказала ей: когда я нынѣ поутру вошла къ вамъ въ комнату, видѣла я, что дѣвка застегивала у тебя на башмакахъ пряжки: какъ можешь ты терпѣть такія услуги? Унижая подобнаго себѣ и обходясь съ человѣкомъ какъ съ рабомъ, унижаешь самого себя. И такъ не пребуй опѣ дѣвки своей никакихъ услугъ, кромѣ тѣхъ, которыя тебѣ необходимо нужны. Спарайся избавить ее опѣ всего того, что можетъ ее упоминъ или опвратить опѣ тебя. Подло и жестоко не щадить человѣка для того, что онъ въ нашихъ рукахъ и не можетъ насъ не послушаться. Естли хочешь, чтобы люди свои нѣкогда

уважали тебя, по привыкай заблаговременно уважать священные права человечества. Мнѣ не лѣзя одной одѣться: и для того дѣвка моя помогаетъ мнѣ надѣваться на голову чепчикъ и одѣваться. А какъ раздѣваясь могу одна, то со времени замужства моего никогда не заспавляла я дѣвку свою не спать и меня дожидаться; всегда сама раздѣваюсь и ее ни за чѣмъ не спрашиваю. Я жила въ свѣтѣ, бывала въ маскарадахъ и домой возвращалась въ четыре и въ пять часовъ утра; не легко бывало мнѣ откалывать флеръ, приколотой множествомъ булавокъ, и одной все снимать съ себя: однакожь всегда хопѣла я лучше лечь спать нѣсколькими часами позже, нежели велѣть раздѣвать себя бѣдной сонной дѣвкѣ, копорая, раздѣвая меня, проклинала бы мои веселья и свое состояніе. Теперь мнѣ легче одной раздѣваться, нося здѣсь такое простое платье. И ночью не бужу я ни за чѣмъ моей дѣвки; естли мнѣ что нибудь понадобится, то лучше сама встану. Я шакъ ко всему этому привыкла, что не чувствую ошѣ того никакой тягости. Эша привычка къ дѣятельности для меня очень легка и полезна для моего здоровья; ни что шакъ не ослабляетъ насъ, какъ

лѣнность и нѣга. Человѣкъ, дѣлая все самъ, получаетъ удивительную силу. На прим. по моей наружности должно подумать, что я очень малосильна; однакожь я поднимаю великую тягость и могу безъ всякой усталости ходить пѣшкомъ часа по шри. — „И такъ я буду подражать вамъ, матушка; и отъ нынѣшняго времени стану одна раздѣваться, естли вы позволите.„ — Нѣтъ, ты еще очень мала; физическая необходимость заставляешь человѣка въ свои лѣта прибѣгать къ помощи другихъ. Однакожь отъ нынѣшняго времени можешь ты обходиться безъ многихъ услугъ, которыхъ всегда пребудешь отъ своей дѣвки; а когда будетъ тебѣ четырнадцатъ или пятнадцатъ лѣтъ, то тебѣ надобно будетъ привыкать раздѣваться одной. — „Я обещаюсь вамъ, матушка, во всякомъ случаѣ уважать тѣхъ, которые намъ служатъ.„ — Во многихъ случаяхъ обязаны мы уважать ихъ. Между прочимъ никогда не должно говорить при нихъ ни прямо, ни не прямо, ничего такого, что бы оскорбляло ихъ состояніе. На прим. очень не благоразумно и не милосливо, оуждая какого нибудь человѣка, сказать въ присутствіи служащихъ намъ: *онъ хуже вся-*

кого слуги. Надобно всѣми силами стараться избѣгать такихъ грубостей, которыя оскорбляя ихъ, вселяютъ въ нихъ къ намъ ненависть. Также надобно стараться подавать имъ одни хорошіе примѣры, какъ въ дѣлахъ, такъ и въ словахъ; по тому что наши дѣла и слова очень сильно на нихъ дѣйствуютъ, и мы дѣлаемъ вдвое худо, дѣлая худо при нихъ. Коротко сказать, и Религія и разумъ и человѣколюбіе велятъ намъ обходиться съ ними ласково и снисходительно, стараться о пользѣ ихъ, быть ихъ покровителями во всякомъ случаѣ, и призирать ихъ, когда они бываютъ больны, или у насъ въ службѣ состарѣются.

Сказавъ сіе, Гж. Добролюбова встала и хотѣла итти прогуливаться; но Елисавета остановила ее, сказавъ, что она хочетъ открыть ей небольшую тайну. По томъ Елисавета призналась, что она поутру поссорилась съ Катериною. Но ты вѣрно исправила свой проступокъ, сказала Гж. Добролюбова. Конечно, матушка, отвѣчала Елисавета. — „Какимъ же образомъ?“, — Я себя переломила, преодолѣла свое сердце, и послѣ того обходилась съ сестрицею по прежнему. — „И ты не извинялась передъ нею,

нею, и не сказала, что ты была передъ нею несправедлива? „ — Какъ скоро сестрица увидѣла, что я весела, то и она стала такъ же весела, и ни мало не показывала, что на меня сердится. — „Но уже ли надобно тебѣ казаться нечувствительною, для того что она не злопамятна? Если бы я и послѣдняго человѣка въ домѣ обидѣла, то конечно бы передъ нимъ извинилась, и почла бы себѣ за честь просить у него прощенія, смотря по тому, какъ чувствительно я оскорбила его; по тому что любовь къ справедливости приноситъ намъ величайшую честь. Самой нестерпимой порокомъ въ общежитіи есть непризнательность. Мы такъ слабы и несовершенны, что всякой день дѣлаемъ проступки; и такъ самой любезной и привлекательной человѣкъ есть тотъ, которой чувствителенъ, признается въ своихъ проступкахъ и искренно старается ихъ заглаживать. Признательность есть свойство нѣжной и великой души; напротивъ того малыя души въ такихъ случаяхъ бывающъ всегда удерживаемы порочнымъ стыдомъ, и хотяшъ лучше увеличить свой проступокъ, нежели загладить его искреннимъ признаніемъ. „ — Теперь же пойду я, мапущка, къ сестри-

цѣ, и попрошу у нее извиненія въ томъ, что я ее оскорбила и не скоро призналась ей въ моей винѣ. — Гж. Добролюбова за сіе добросердечіе нѣжно обняла дочь свою, которая шопчасъ побѣжала искать сестру.

Гж. Добролюбова начала ввечеру рассказывать слѣдующую повѣсть:

ПУСТЫННИКИ

въ

НОРМАНДІИ.

Въ Нормандіи, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Фэржа (*), близъ богатаго Аббатства Бобекскаго, жилъ добросердечной откупщикъ, Анзельмъ, съ женою и дѣтьми своими. Онъ былъ бѣденъ; однакожь могъ назваться щасливымъ, цѣлыя пятнащать лѣтъ не выходя никуда изъ своей хижины, кромѣ церкви. Мирное жилище его было окружено большимъ лѣсомъ. Не было у него сосѣдей; но онъ ихъ и не желалъ. Не могъ онъ вообразить, что-бы

(*) До сего селенія отъ Парижа 26 миль; оно славно своими минеральными водами.

бы послѣ прилѣжной полевой работы можно было найти удовольствіе лучшее того, которое чувствовалъ онъ отдыхая посреди своего семейства. Все богатство его состояло въ трехъ десятинахъ земли, въ двухъ коровахъ и въсколькихъ курицахъ. Общество его составляли, кромѣ жены и пятерыхъ дѣтей его, служанка и молодой пастухъ, съ которыми надобно мнѣ преимущественно васъ познакомить. Служанка называлась Жакелиною. Живя отъ самаго своего ребячества въ Анзельмовой хижинѣ, была она такого же нрава и такъ же любила уединеніе, какъ и Господа ея. Болѣе полумили никогда не удалялась она отъ своего жилища. Изъ всѣхъ зданій въ мірѣ извѣстно было ей одно Бобекское Аббатство, и никто не удивлялся столько церкви Св. Петра въ Римѣ и Луврской колонадѣ, сколько удивлялась она маленькой Бобекской церкви. Она слышалась о Форжѣ, и зная, что сія деревня была въ четырехъ миляхъ отъ ея хижины, никогда не хотѣла она изъ любопытства предпринять такого путешествія. Жакелина не умѣла ни читать, ни писать, и отъ роду не видала книги. Она умѣла только доить коровъ, дѣлать сыръ и помогать Господѣ своей въ раз-

ныхъ домашнихъ работахъ. Разумъ ея не могъ обнять обширнѣйшихъ знаній. Она имѣла только такое понятіе, какое нужно было ей для исполненія должностей ея состоянія; и за всемъ тѣмъ, если бы Господа ея были не такія добросердечныя и смирныя люди, то они конечно бы нашли уже причину согнать ее со двора. Однакожь она проступалась не произвольно; у нее не было памяти и хорошаго разсудка, и отъ природы была она неразговорчива. Но Жакелина такъ любила господъ своихъ, душу имѣла такую прямую, сердце такое доброе, что Ансельмъ и жена его никогда не могли бранить ее. — Пастухъ Мишель, которой пасъ коровъ, былъ еще неразговорчивѣе и тупѣе Жакелины. Слабость его сложенія извиняла въ глазахъ снисходительнаго Ансельма его лѣность и неспособность. Однакожь Мишель имѣлъ нравъ весьма тихой, былъ честенъ, хладнокровенъ, и ничто въ мірѣ не могло нарушить его спокойствія.

Между Мишелемъ и Жакелиною было такое во всемъ сходство, что не лзя было имъ, видясь всякой день, не привязаться другъ къ другу. Обнаружилась симпатія, и любовники стали просить

у Господѣ своихъ позволенія навсегда соединиться, что имѣ и позволено было. Жакелина вышла за мужъ за Мишеля, и чрезъ три года сшала матерью трехъ дѣтей, которыя воспитывались вмѣстѣ съ дѣтьми Анзельмовыми.

Около сего времени приключилось Жакелинѣ чувствительное несчастіе. Жена Анзельмова умерла, а чрезъ два года по смерти ея умеръ и самъ Анзельмъ. И такъ Жакелина и Мишель лишились наилучшаго Господина и единственнаго своего покровителя. Родственники, взявъ въ опеку дѣтей и небольшое имущество ихъ, по жестокосердію своему, сослали съ двора Мишеля и Жакелину.

Надлежало оставить любезную хижину, которую до того времени почитали они собственнымъ своимъ домомъ; надлежало расстаться съ любезными дѣтьми добродѣтельнаго Анзельма, которыхъ уже два года называли Жакелину пріятнымъ именемъ матери. Бѣдная Жакелина обливала ихъ слезами своими, и наконецъ въ величайшей горести пошла со двора, будучи провождаема четверыми дѣтьми своими и печальнымъ Мишелемъ, несшемъ въ рукахъ большой мѣшокъ, въ кото-

которомъ лежало простое крестьянское платье, составлявшее все богатство сей несчастной семьи.

Въ семъ ужасномъ состояніи не чувствовали они къ счастью своему никакихъ мучительныхъ безпокойствъ, причиняемыхъ меланхолическимъ воображеніемъ и предвидѣніемъ будущаго. Они были такого характера, что одно настоящее злополучіе могло прогнать ихъ; а будущее было закрыто для нихъ такою непроницаемою завѣсою, что они даже и слѣдующаго дня никогда себѣ не представляли. Они довольно хорошо пообѣдали, прежде нежели вышли изъ дому покойнаго благодѣтеля своего: и такъ не весьма заботились объ ужинѣ. Безпрестанно говорили они о несчастной для нихъ Анзельмовой смерти и о любви своей къ дѣтямъ его, которыхъ надлежало имъ оставить.

Говоря такимъ образомъ, шли они не зная куда, и потеряли въ лѣсу дорогу. Жакелина устала и сѣла подъ деревомъ. Мужъ ея сѣлъ подлѣ нее, а дѣти сѣли вокругъ ихъ. Тогда былъ Іюль мѣсяцъ. Когда стало смеркаться, одинъ изъ ребятъ попросилъ ѣсть; а по томъ и всѣ ѣсть захотѣли. У Мишеля запасено было
вѣ

вѣ мѣшкѣ нѣсколько хлѣба, которой онѣ вынулѣ и раздѣлилѣ съ женою и дѣтьми своими. Послѣ сего ужина рѣшились они ночевать вѣ лѣсу, и на разсвѣтѣ нашли пропу, которая привела ихѣ на другой край лѣса, вѣ пространную пущыню.

Сіе дикое мѣсто покрыто было шерновыми кустами, среди которыхѣ изѣ обросшаго мхомѣ камня текѣ, прозрачной ручей. Жакелина, увидя сію свѣжую и чистую воду, пришла вѣ несказанную радость, потому что дѣти ея помились жаждою. Кѣ большему еще благополучію нашли они вѣ той сторонѣ лѣса множество орѣховѣ, шелковицы, малины и земляники. Жакелина съ восхищеніемѣ разсматривала сей природной садѣ. Ахѣ, Мишель! сказала она: поселимся здѣсь. Вотѣ вода, вотѣ ягоды, которыми можемѣ кормиться. Сдѣлаемѣ изѣ вѣтвей шалашѣ, которой бы укрывалѣ насѣ отѣ дождя. — „Однакожь не лзя безѣ позволенія рѣзать вѣтвей.“ — Сія мысль опечалила Жакелину.

Вѣ сію минушу увидѣла она вѣ нѣсколькихѣ шагахѣ отѣ себя молодого крестьянина, бравшаго землянику. Она подошла кѣ нему и спросила, не знаешь ли,

ли, мой другъ, кому принадлежитъ это мѣсто? Бобекскому Аббатству, отвѣчалъ крестьянинъ. — „Далеко ли отсюда до него?“, — Менѣе мили. Я теперь же пойду туда и понесу землянику, которую здѣсь набралъ. — Послѣ сего Жакелина посо- вѣтовалась съ своимъ мужемъ; и Мишель, получивъ отъ нее наставленіе, пошелъ съ молодымъ крестьяниномъ въ Бобекское Аббатство, оставляя Жакелину съ дѣтьми на краю лѣса, и обѣщавъ возвратиться какъ можно скорѣе.

Мишель пошелъ прямо къ Аббату, и рассказавъ ему всѣ свои обстоятельствова, просилъ у него работы, или по крайней мѣрѣ позволенія поселиться въ описанномъ мѣстѣ. Да что ты умѣешь дѣлать? спросилъ Аббатъ. — Я умѣю пасти коровъ., — Намъ не надобны пастухи; сверьхъ того ты не нашъ монастырской. — „Да маѣ жить не чѣмъ; такъ это не шутка., — Къ несчастію нашему мы не можемъ помогать всѣмъ бѣднымъ. — „Я не бѣдной, и не прошу милосшыни; у насъ есть руки, и мы станемъ работать прилѣжно., — Да ты ничего не умѣешь дѣлать; и я опять повторяю тебѣ, что намъ лучше принима-
машъ

машь кѣ себѣ тѣхъ людей, которыя живутъ на монастырскихъ земляхъ. — „Увѣряю тебя, Господинъ Аббатъ, что я очень дряхлъ: и такъ тебѣ необходимо надобно взять меня кѣ себѣ въ службу.,, — Какъ! для того, что ты не въ состояніи работать? — „Конечно; для того же самого взялъ меня кѣ себѣ и покойной баринъ мой, Ансельмъ, которой до самой смерти своей поилъ и кормилъ меня. А естли ты, Господинъ Аббатъ, не жалуетъ хворыхъ людей, то по крайней мѣрѣ позволь намъ построить въ твоёмъ лѣсу небольшой шалашъ.,, — Чѣмъ же вы будете тамъ кормиться? — „Ягодами и другими плодами. Тамъ есть крессъ, земляника, орѣхи, чистая вода; мы будемъ жить какъ въ раю.,, — А зимою? — „Зимою! . . . Мы о зимѣ не думали. Да зима еще долго не придетъ; теперь еще Іюль.,, — Послушай, доброй чело-вѣкъ: естли тебѣ такъ хочется жить въ этомъ лѣсу, то я позволяю тебѣ построить тамъ шалашъ, и всякіе два дни приходить сюда и брать хлѣбъ и земля-ныя яблоки для своего семейства. — „А у меня и мѣшокъ есть.,, — Поди; болѣе этого не могу уже ничего для тебя сдѣлать. — „Да ты и такъ по мило-

сти

ещи своей сдѣлалъ для меня очень много. Какъ же будетъ рада Жакелина!

Сказавъ сіе, Мишель поспѣшно ушелъ отъ Аббата; но его догнали и ворошили назадъ, чѣобы, по приказанію Аббата, дать ему хлѣба и вареныхъ земляныхъ яблокъ. Мишель, будучи человѣкъ совѣстной, не хотѣлъ сперва брать сего. Г. Аббатъ, примолвилъ онъ, сказалъ мнѣ, что всякіе два дни буду я получаешь хлѣбъ и яблоки: и такъ я приду за тѣмъ послѣ-завтра. Не смотря на его сопротивленіе, наполнили его карманы хлѣбомъ и яблоками, и онъ побѣжалъ къ Жакелинѣ, будучи весьма доволенъ щастливымъ успѣхомъ своего путешествія. Нашедши жену свою, увѣдомилъ ее о всемъ подробно. Вѣдомость сія привела въ восхищеніе Жакелину; однакожь она не много побранила его за то, что онъ въ Бобекской деревнѣ не купилъ большаго ножа, которымъ бы ловко было срѣзывать вѣтви. У насъ есть девять ливровъ, (сумма, которую скопили они въдесять лѣтъ): а начто намъ деньги? Правда, отвѣчалъ Мишель: да всего нельзя придумать. Мы вѣдь было всѣмъ забыли, что зима придетъ. — „Зима! и такъ тебѣ надобно поберечь

речь деньги, чтобы на зиму купить намъ шубы., — Правда, надобно, чтобы у насъ все было; потому что мы всю нашу жизнь проведемъ здѣсь. — „Пойдемъ, станемъ работать. Небольшія вѣшви можемъ мы срѣзывать и маленькими ножичками.

Сказавъ сіе, Жакелина принялась срѣзывать вѣшви. Мишель принялся за то же. До вечера не переспавали ои работать. Мужъ и жена были безсильны и непроворны; почему не прежде пятинапцати дней могли они поспроить свой шалашъ, правда, весьма прочной, но весьма же и неудобной, какъ-то они послѣ примѣшили. Они забыли (потому что не лзя всего придумать, какъ сказалъ Мишель), что вѣсемъ шалашъ надлежало имъ жить, а по тому и желательнѣе было, чтобы они во весь свой ростъ могли вѣ немъ устанавливаться. Гораздо спокойнѣе работать, когда есть на что опереться, не поднимая рукъ выше головы; и потому они выбрали сей легчайшій способъ, и построили такой шалашъ, что могли облачиваться на кровлю его, подобно какъ на балконъ. Жакелина первая примѣшила сію ошибку вѣ спроеніи; и хотя зданіе шло уже къ совершенію,

однакожь она мужественно бы рѣшилась бросить его и начать строить другое, если бы Мишель не опиралъ ее отъ того, говоря, что шалашъ нуженъ имъ только для успокоенія, и потому нѣтъ нужды до того, что не лѣзя въ немъ стоявъ на ногахъ, если можно только лежать и сидѣть. Жакелина не могла опровергнуть сказаннаго мужемъ ея; и такъ, не смотря на ошибку въ соразмѣрности, шалашъ былъ додѣланъ.

День, въ которой уже можно было обѣдать въ шалашѣ, былъ день праздничной. Мишель поушру ходилъ въ Аббапшво и притесъ отшуда земляныхъ яблокъ и мягкаго хлѣба, и сверхъ того кринку молока и нѣсколько яицъ, купленныхъ имъ въ деревнѣ. Дѣти, увидя такой обѣдъ, чрезвычайно обрадовались. Ихъ радость развеселила и родителей ихъ. Обѣдъ былъ совершенно пріятенъ; потому что обѣдавшіе были и голодны и веселы. Ночь провели въ покойнѣйшемъ снѣ. Спавъ нѣсколько ночей на сыромъ воздухѣ, весьма пріятно было уснуть въ шалашѣ на свѣжей соломѣ. Проснувшись поушру, всѣ чувствовали въ себѣ необыкновенную свѣжесть и бодрость.

Хоро-

Хорошо тому человеку, у котораго все есть, сказалъ Мишель. Хотя и говорятъ, что ко всему можно привыкнутьъ, однакожь подъ кровлею спать гораздо лучше, нежели лежать на сырой травѣ и смотрѣть на небо. Я также думаю, сказала Жакелина: я всегда тужила о хлѣвѣ покойнаго нашего Господина, въ которомъ мы обыкновенно сыпали. — „Однакожь, Жакелина, нашъ шалашъ не хуже хлѣва?“, — О! конечно. Теперь же мы живемъ своимъ домомъ; а баринъ нашъ говаривалъ, что щасливѣе тотъ, у кого есть домъ. — Съ того времени начали наши пустынные хозяиничать. Мишель купилъ блюдо и пять деревянныхъ ложекъ, шубы для зимы и льну для Жакелины, у которой была пряслица, и которая умѣла изрядно прясать. Такимъ образомъ были издержаны девяшь ливровъ. Между тѣмъ и Мишель нашелъ для себя упражненіе. Онъ ловилъ съвѣью маленькихъ птичекъ и носилъ ихъ въ Аббатство; а черезъ мѣсяцъ носилъ шуда продавать пряжу, работу своей жены, что приносило имъ небольшой доходъ; потому что Жакелина, какъ я сказала, была не очень трудолюбива.

Такимъ образомъ прошло лѣто. Пришла зима; и не смотря на шубы, чувствовали наши пустынники холодъ, и шалашъ казался уже не столь пріятенъ, болѣе по тому, что не было уже ни малыны, ни шелковицы, ни другихъ лѣсныхъ плодовъ. Однакожъ холодъ для Мишеля и Жакелины не былъ такъ чувствителенъ, какъ бы надлежало думать. Во всю свою жизнь не сыпали они въ теплой горницѣ. Хлѣвъ, о кошоромъ они съ такою пріятностію говаривали, былъ очень худо покрытъ, такъ что сквозь кровлю во многихъ мѣстахъ было видно небо; а сквозь досокъ, изъ кошорыхъ были сдѣланы двери, или вороша, можно было просунуть руку. И такъ Жакелина и Мишель въ самое жесточайшее время зимы не великое различіе находили между своимъ шалашемъ и хлѣвомъ, прежнимъ жилищемъ ихъ; а лѣтомъ, когда лѣсъ наполненъ былъ цвѣтами и всякими плодами, шалашъ, построенной на сухомъ мѣстѣ подъ тѣнію деревъ, былъ гораздо пріятнѣе темнаго низкаго хлѣва, построеннаго на маленькомъ навозномъ и вонючемъ дворикѣ.

Въ концѣ зимы заболѣли у Мишеля ноги, и черезъ нѣсколько времени не могъ уже онъ

онѣ ходить въ Аббатство за хлѣбомъ. И такъ Жакелина принуждена была вмѣсто его ходить туда; а бѣдной Мишель оставался въ своемъ шалашѣ, лежа въ горести на снѣгѣ. Впрочемъ болѣзнь его была не весьма мучительна. Будучи набоженъ, усердно молился онѣ Богу, и въ сей усердной молитвѣ находилъ для себя великое утѣшеніе. Жакелина, сидя подлѣ него, прила или вмѣстѣ съ нимъ молилась. Дѣти поминушно къ нему подбѣгали и ласкали его. Коротко сказать, Мишель иногда горевалъ, однакожь никакъ не почиталъ себя несчастнѣйшимъ человекомъ. Такимъ образомъ прошелъ годъ.

Въ одинъ день пошла Жакелина въ лѣсъ брать ягоды [сіе было въ Іюль мѣсяцѣ], но черезъ нѣсколько минутъ прибѣжала назадъ вся запыхавшись, и кричала: ахъ, Мишель! какое диво я видѣла! какое диво! — „Что такое?“, — Прекрасную большую телѣгу, цвѣща золотого. Шестъ большихъ лошадейпряжены въ нее, и всѣ онѣ сіяютъ серебромъ. Въ телѣгѣ сидятъ прекрасныя барыни, а назади стоятъ Господа въ красныхъ кафтаняхъ. — Въ самую сію секунду услышала Жакелина шукъ коляски, которую

она описывала. Задрепетавъ отъ радости, выскочила она изъ шалаша, а за нею выбѣжали и всѣ дѣти ея. Когда коляска подѣхала поближе, она увидѣла сидящую въ ней молодую прекрасную женщину, которая съ пріятною улыбкою смотрѣла на нее и на дѣтей ея, и въ самую эту минуту приказала кучеру остановиться. Удивленная и восхищенная Жакелина не смѣла сойти съ мѣста.

Молодая Госпожа вышла съ четырьмя женщинами изъ коляски и подошла къ Жакелинѣ. Это все твои дѣти? спросила она у Жакелины. — „Мои, сударыня., — Бѣдные! онѣ почти совсѣмъ наги. — „У нихъ есть кафшаны, да мы бережемъ ихъ къ зимѣ., — И вы весь день бываете въ этомъ шалашѣ? — „Мы живемъ здѣсь и день и ночь., — Какъ! у васъ нѣтъ другаго жилища? — „Нѣтъ, сударыня. Лѣтомъ хорошо здѣсь жить; только зимою бываетъ намъ не много худо, особливо же съ того времени, какъ мужъ мой неможеть., — Неможеть? и лежеть въ этомъ шалашѣ? — „Да, сударыня., — Боже мой!... Какъ я рада, что мы потеряли дорогу, и что случай завелъ насъ сюда! — Сказавъ сіе, незнакомая вошла въ шалашъ,

хотя

хотя и не безъ труда; ибо высокія каблуки и шляпа съ перьями принудили ее такъ согнуться, что она, не могши бытъ въ такомъ принужденномъ положеніи, рѣшилась въ семъ шалашѣ спать на колѣни. Можно ли, сказала она, обраца на Мишеля глаза свои, наполненные слезами: можно ли, чтобы вы два года здѣсь жили! Не уже ли не нашли вы въ Форжѣ такого чловѣка, который бы вамъ помогъ? — „Ахъ, сударыня! Форжѣ отъ насъ очень далеко., — До него отсюда не будетъ болѣе трехъ миль. — „Мужъ у меня давно уже не можетъ, а мнѣ не лзя оставить его на долгое время и ийти въ такую даль. Къ тому же у насъ всего довольно; намъ даютъ хлѣбъ и земляныя яблоки., — Тутъ незнакомая вынула изъ кармана кошелекъ съ деньгами и сказала Жакелинѣ: возьми эпортъ небольшой подарокъ; а нынѣ ввечеру пришлю я за вами коляску. Если вы очень любите это мѣсто, то можете опять сюда возвратиться; только мужу швоему, имѣющему нужду въ лѣкарѣ, надобно прожить нѣсколько времени въ Форжѣ.

Между тѣмъ Жакелина разсматривала золотыя монеты, которыя пода-

рила ей неизвѣстная Госпожа. Наконецъ сказала она ей: когда уже вы такъ милостивы, сударыня, то скажу вамъ, что такія деньги совсѣмъ въ здѣшней споронѣ не ходятъ. — „И такъ ты никогда не видала золота?“, — О! я видѣла вызолоченую главу на Бобекской церкви; однакожь золотая монета конечно у насъ не ходитъ, и я никогда не слыхала, чтобы о золотыхъ деньгахъ говорили. — Незнакомая, будучи поражена видомъ чрезвычайной бѣдности, которой она никакъ не могла себѣ представить, не могла отъ слезъ удержаться. Между тѣмъ она уговорила Жакелину удержать у себя золотыя деньги; а въ удовольствіе ея дала ей нѣсколько серебряныхъ монетъ, которыя взяла Жакелина съ великою радостію и благодарностію. Потомъ знакомая и провождавшая ее. Дамы вышли изъ шалаша, сѣли въ коляску и возвратились въ Форжъ. Мишель и Жакелина, будучи въ восхищеніи отъ радости, говорили нѣсколько часовъ безпрестанно о прекрасной барынѣ; а ввечеру пріѣхала къ нимъ коляска. Четыре человека положили Мишеля на носилки и тихонько понесли его; а Жакелина съ дѣтьми сѣла въ коляску. Въ девять часовъ

совѣ вечера прибыли они въ Форжѣ. Ихъ проводили въ маенькой домикѣ, гдѣ были приготовлены для нихъ плащя, бѣлье и постели.

Когда Мишеля положили на постелю, Жакелина пошла поговорить съ хозяиномъ. Черезъ четверть часа она возвратилась. Ахъ, Мишель! сказала Жакелина: ты чудо услышишь. — „Скажи же поскорѣе.“ — Прекрасная барыня. . . . Знаешь ли ты, что такое Принцеса? — „Нѣтъ.“ — Прекрасная барыня называется Принцесою; и еще Дюшесою, и еще — забыла, какъ . . . претѣе имя совсѣмъ изъ ума вышло. А сверхъ всего, Мишель, она родня Королю. — „Полно, Жакелина! я этому не повѣрю. Если бы она была родня Королю, такъ бы вѣрно на насъ и смотрѣть не хотѣла.“ — Точно такъ; увѣряю тебя, что говорю правду. — „Королевская родня смотрѣла на насъ съ такою жалостію, говорила съ нами такъ ласково!“, — У нее сердце самое хорошее; всѣ ее хваляшъ.

Сей разговоръ былъ прерванъ приходомъ хозяйки, которая принесла имъ разныя кушанья. Мишель и Жакелина пивали заквашенной яблочной сокъ, но

совсѣмъ не знали вкуса винограднаго вина; тогда въ первой разъ выпили они нѣсколько рюмокъ за здоровье своей благодѣтельница. Жакелина, ложась спать, благословляла свою благодѣтельницу и молилась за нее Богу. На другой день ее разбудила швея, пришедшая снятъ съ нея и дѣтей ея мѣрку. Принцеса приказала ей сшить платья для всей семьи. Черезъ нѣсколько дней принесли къ Жакелинѣ сіи платья, нѣсколько паръ рубашекъ, чулокъ и башмаковъ. Она несказанно обрадовалась, болѣе по тому, что Мишелю стало гораздо легче. Попеченіе Доктора, здоровое жилище и хорошая пища, постепенно возвращали ему силы, и черезъ три недѣли могъ уже онъ встать съ постели и ходить по комнатамъ.

Въ сіе время Жакелина видѣлась съ своею благодѣтельницею, которая отдала ей связку ключей, сказавъ: вотъ ключи отъ твоего дому и отъ всѣхъ твоихъ ящиковъ. Теперь пользайтесь въ прежнемъ своемъ жилище, любезная Жакелина; а завтра поутру я къ вамъ приѣду и буду у васъ завтракать. — Жакелина, будучи внѣ себя, сказала нѣсколько несвязныхъ словъ и препещущею рукою взяла ключи, не могши вѣрить, чтооу у нее были

ПОДАЛИ-

подлинно домъ и ящики, и ччтобы *родня* *Королевская* пріѣхала къ ней завтракать. Въ тотъ же день отвезли Мишеля, жену и дѣтей его, въ тотъ лѣсъ, въ которомъ ихъ нашли. Но какъ они удивились, увидя вмѣсто своей хижины прекрасной маленькой домикъ, построенной среди большого сада! Дѣти закричали отъ радости; а Мишель и Жакелина обнимали ихъ съ восхищеніемъ, проливая слезы. Боже мой! сказала Жакелина, поднявъ руки къ небу: чѣмъ можемъ мы отплатить этому Ангелу за такія благодѣянія!

Коляска остановилась у воротъ. Пустынниковъ нашихъ отвели въ домъ ихъ, въ которомъ были двѣ большія комнаты, чуланъ и кухня, гдѣ лежала всякая нужная посуда. Въ обѣихъ комнатахъ были камины. Домовые приборы состояли изъ двухъ хорошихъ постель съ занавѣсами, двухъ споловъ, четырехъ соломенныхъ стульевъ, двухъ креселъ и большого поставца. Жакелина, взявъ свои ключи, опперла поставецъ и нашла тамъ нѣсколько паръ платьевъ для Мишеля, себя и дѣтей своихъ, множество рубашекъ, чулокъ, простынь, наволокъ, салфетокъ и льну. Когда Жа-
келина

келина осмотрѣла свой поспавецѣ, повели ее въ садѣ, которой уже наполненѣ былѣ разными поваренными правами; по томѣ показали ей ппичникѣ, въ которомѣ было болѣе дващцапи курицѣ; наконецѣ провели ее въ хлѣвѣ, гдѣ были двѣ хорошія коровы, и сказали ей, что въ нѣсколькихѣ саженьяхѣ отѣ дому естѣ лугѣ, которой ей принадлежитѣ. Жакелина не могла вѣрить глазамѣ своимѣ. Какѣ! сказала она мужу своему: мы вдругѣ спали богатѣе покойнаго нашего барина Анзельма! Хижина его не много лучше нашего хлѣва; а садѣ нашѣ вдвое болѣе его сада. О Мишсль! намѣ не надобно никогда забывать нашего шалаша, а особливо зимою, когда со всѣми дѣтьми будемѣ сидѣть вокругѣ камина, чтобы всегда благодарить Бога такѣ же усердно, какѣ теперь. — Говоря сіе, Жакелина проливала слезы. Мишсль также плакалѣ. Дѣшей своихѣ обнимали они сѣ такимѣ удовольствіемѣ, какого никогда не ощущали, хотя они и всегда нѣжно любили ихѣ.

Жакелина во всю ночь не могла сомкнуть глазѣ. Лампада горѣла у нее на каминѣ, и она всю ночь разсматривала свою горницу и домовые приборы свои,

МОЛИ-

молилась Богу и благословляла свою благодѣтельница. На разсвѣтѣ встали и мужъ и жена, и снова пошли осматривать свою кухню, садъ и хлѣвъ. По томъ одѣли дѣшей, надѣли лучшее платье и начали приготавливать завтракъ. Столъ накрыли новою скатертью, поставили на него двѣ кринки съ сливками, чашку съ бѣлымъ масломъ, а другую съ орѣхами, и положили мягкой хлѣбъ. Такимъ образомъ ожидали они съ великимъ нетерпѣніемъ прекрасную добродѣтельную Госпожу. Старшій сынъ, который на концѣ лѣса былъ поставленъ на караулъ, въ одинадцать часовъ прибѣжалъ сказать, что вдали видѣлъ онъ ѣдущую карету. Тогда Мишель и Жакелина, чувствуя необыкновенное бѣненіе въ сердцѣ, подали другъ другу руки. Мишелю досадно было, что онъ по слабости своей не могъ итти скоро. Дѣти хотѣли бѣжать напередъ и бросились съ великимъ крикомъ къ ворошамъ. Отецъ и мать ворочали ихъ назадъ, но дѣти ничего не слыхали, и въ первой разъ въ жизни своей не послушались родительскаго приказанія.

Въ то время, какъ Мишель съ Жакелиною дошли до ворошъ, карета подъѣхала ко двору и молодая Принцеса вышла

шла изъ коляски. Мишель и жена его, проливая слезы, бросились къ ногамъ ея; и Жакелина, указывая на Мишеля, сказала перерывающимся голосомъ: о государыня! онъ совсѣмъ почти здоровъ и можешь уже ходить! Вотъ дѣти мои, которыя зимою не будутъ уже терпѣть холода! Вотъ нашъ домъ, въ которомъ намъ будетъ жить хорошо и лѣтомъ и зимою! Все это сдѣлала ты: чѣмъ же намъ заплашишь тебя? Нѣтъ, мы не можемъ тебя ничѣмъ заплашить; а будемъ только во всю нашу жизнь молиться Богу о твоёмъ здоровьѣ. Одинъ Богъ можетъ наградить тебя за твое благодареніе.

Жакелина залилась слезами и не могла болѣе говорить. Великодушная Принцеса вмѣстѣ съ пустынноиками проливала слезы, и поднявъ Жакелину, взяла ее за руку и пошла къ ней въ домъ. Завтракъ показался очень вкусенъ; а по томъ гуляли по саду.

Въ половинѣ перваго часа Принцеса оставила пустынноиковъ, и возвращаясь въ Форжъ, узнала къ удовольствію своему, что нѣтъ такого состоянія, въ которомъ не лзябъ было найти чувствительныхъ и великодушныхъ людей, въ числѣ которыхъ была она сама. Каменьщики,
стро-

спроившіе для пустынниковъ домъ, работали день и ночь, будучи оживляемы желаніемъ по возможности своей участвовать въ такомъ благодѣяніи, которое составляло щастіе цѣлаго семейства. Построивъ домъ, ни одинъ человѣкъ изъ нихъ не взялъ денегъ, которыя хотѣли имъ заплашить за работу. Не лзя было ихъ наградить иначе, какъ употребивъ въ другую работу, за которую заплашили имъ вдвое противъ той цѣны, которую они просили. —

Эта исторія очень пріятна, сказалъ Г. Чудинъ, когда Гж. Добролюбова окончила свое повѣствованіе: и я не такъ дивлюсь щедрости Принцесиной, какъ великодушію каменщиковъ. И то бы удивительно было, если бы одинъ человѣкъ изъ работниковъ имѣлъ такое величіе души; но чтобы всѣ каменщики согласились работать день и ночь единственно для участвованія въ добромъ дѣлѣ, жертвовать трудами и временемъ, и потомъ стыдились бы взять деньги за работу свою — въ этомъ поступкѣ вижу я такую нѣжность сердца, такое великодушіе, такую добродѣтель — коротко сказать, я сомнѣваюсь, чтобы это въ самомъ дѣлѣ когда нибудь было; чтобы люди

люди низкаго состоянія удобны были къ такимъ благороднымъ чувствамъ. — „Естьли же это слышала я отъ такого человѣка, кошорой самъ былъ всему свидѣтелемъ, и кошораго никакъ не лзя подозрѣвать во лжи?„ — И такъ я радуюсь, увѣряясь въ истинѣ этова приключенія. — „Я всегда думаю, что добродѣтели, описываемыя въ произведеніяхъ воображенія, подлинно существуютъ. Героическія дѣла, кошорымъ мы удивляемся въ Исторіи, показались бы намъ въ романѣ пустою выдумкою, всѣмъ невѣрояпною. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакой добродѣтели, къ кошорой бы не былъ удобенъ человѣкъ, естьли онъ послѣдуетъ первымъ движеніямъ своего сердца, видя передъ собою великіе примѣры.„

По томъ всѣ разошлись спать. На другой день около вечера пошли прогуливаться, и домой возвратились уже въ самыя сумерки. Петръ вошелъ первой на дворъ. Онъ увидѣлъ всѣхъ людей своихъ собравшихся вокругъ одного верьховаго, кошораго лошадь была вся въ поту. Всѣ вдругъ говорили и повворяли имя отца его. Онъ бросился въ толпу: ему дали мѣсто и всѣ вдругъ закричали:

Ба-

Баринъ отсюда въ двухъ верстахъ! Петрѣ, будучи внѣ себя, подбѣжалъ къ верховому, которой, увидя его, сошелъ съ лошади. Петрѣ узналъ камердинера своего отца, и по первому движенію бросился его обнимать и заплакалъ. Между тѣмъ подошла Госпожа Добролюбова съ дочерью своими. Мать и дѣти тысячу разъ обнимали другъ друга, проливая радостныя слезы. Разспрашивающъ присланнаго, требуютъ карету, бѣгутъ понуждать кучера и садятся въ незапряженную карету. Наконецъ ѣдутъ, черезъ четверть часа карета останавливается, всѣ изъ нее выходятъ, и — нѣжнѣйшій супругъ и отецъ, послѣ долговременнаго отсутствія, бросается въ объятія супруги и дѣтей своихъ.

Сѣвъ въ карету, изъявляли они великую радость свою слезами и нѣжными объятіями. Ночь была такъ темна, что не лзя имъ было видѣть другъ друга въ лице. Когда вошли въ домъ, радость еще умножилась. Г. Добролюбовъ не могъ насмотрѣться на Петра, Елисавету и Камерину. Какой отецъ по долговременномъ отсутствіи не находитъ, что дѣти стали гораздо прекраснѣе! Г. Добролюбовъ удивлялся, какъ дѣти его въ ко-

рошкое время могли такъ вырасти. Съ другой стороны съ несказаннымъ удовольствіемъ видѣли, что военныя безпокойства не произвели никакой перемѣны въ лицѣ Г. Добролюбова, и что онъ былъ совершенно здоровъ.

Просидѣли до самой полуночи; а на другой день всшали дѣти на самомъ разсвѣтѣ, не могли спать отъ радости почти всю ночь. За завтракомъ Г. Добролюбовъ объявилъ, что важныя дѣла опзываютъ его въ Москву, и что черезъ два дни надобно имъ выѣхать изъ села Уединеннаго. Сія вѣдомость опечалила дѣтей; но Г. Добролюбовъ утѣшилъ ихъ обѣщаніемъ пріѣзжать въ деревню всякой годъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Петръ и сестры его не могли безъ слезъ расстаться съ деревнею. Николай съ великою горестію прощался съ опцемъ, матерью и маленькимъ братомъ. Наконецъ поѣхали. Дорогою мало помалу дѣти развеселились; а пріѣхавъ въ Москву, забыли всю грусть и по прежнему стали веселы.

Живя въ городѣ, дѣти наши не перемѣняли главныхъ своихъ упражненій: поучительные разговоры продолжались, и ка-
ждой

ждой день часа по четыре употребляли на чтение полезныхъ книгъ. Часто прогуливались въ садахъ и ѣздили въ поле. Правда, что въ такихъ прогулкахъ дѣти всегда съ горестію вспоминали луга и рощи села Уединеннаго, сіи природныя простыя красоты, которыя для неиспорченнаго сердца пріятнѣе всѣхъ хитро выдуманныхъ украшеній искусства. Дѣти любивъ рисовать, любили и разсматривать картины: и шакъ Гж. Добролюбова часто ѣздила съ ними къ Г. * * *, у котораго собрано множество славныхъ картинъ и эстамповъ. Она прилѣжно разсматривала съ ними красоты каждой картины, и толковала имъ правила живописи. Между тѣмъ читала съ ними Французскую книгу, подъ заглавіемъ *Extrait des différens Ouvrages publiés sur la vie des Peintres*, par M. P. D. L. F. которая можетъ быть весьма полезна для желающихъ имѣть хорошее понятіе о живописи. Въ театрѣ ѣздили рѣдко, и только тогда, когда были представляемы творенія философическихъ драматическихъ Авторовъ, искусною кистію изображавшихъ сердце человеческое. Каждую недѣлю посѣщали они богатой Натуральной Кабинетъ одного родственника своего.

Любезныя дѣти! говаривала Гж. Добролюбова: естѣли вы хошите щаспливо жить въ городѣ и никогда не знаѣть скуки, то берегитесь разсѣянiя, котораго многiя люди ищутъ, но которое есть врагъ сердечнаго спокойствiя и просвѣщенiя разума. Разпроспраяйте свои знанiя, любите науки, любите художества. Между тѣмъ желаю, чтобы городскiя упражненiя не изпребили любви вашей къ сельской жизни, и чтобы сердце ваше всегда вспоминало *деревенскiе вечера* и всѣ невинныя забавы села Уединеннаго.

Госпожа Добролюбова сказала нѣкогда своимъ дѣтямъ, что она сочинила для нихъ нравоучительныя сказки, которыя дася имъ читать тогда, когда онѣ будутъ постарѣе. И такъ черезъ нѣкоторое время ошдала она имъ нѣсколько сочиненныхъ ею сказокъ, сказавъ: впредь можете вы читать сказки прiятнѣйшiя моихъ; однакожь и въ нихъ найдете *нравоученiе и истину*. — Сiи повѣсти слѣдуютъ по порядку.

ДАФНИСЬ и ПАНДРОЗА,

и л и

ОРЕАДЫ, т. е. ГОРНЫЯ НИМФЫ,

Мифологическая нравоучительная сказка.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Венера, богиня любви, мать Купидонова.

Купидонъ, богъ любви.

Меркурій, сынъ Юпитера и Майи.

Дриада, дочь Фауноса (*), богиня цѣломудрія. Мущинамъ не позволено было присутствовать при жертвахъ, ей приносимыхъ. Она была въ числѣ сельскихъ божествъ; въ городахъ ее почитали, однакожь

Е 3

жила

(*) Фауносъ, сынъ Пикусовъ, установилъ публичное служеніе Сатурну, дѣду своему, и включилъ въ число боговъ отца своего и Фауну, жену и сестру свою. Онъ самъ былъ почтенъ богомъ. Жена его почиталась первою изъ богинь Фаунъ, которыхъ наиболѣе спрашивали о будущемъ. Фен заступили наконецъ мѣсто Фаунъ. Dict. de la Fable.

жила она только въ лугахъ, лѣсахъ и горахъ.

Дифрисъ, пастухъ Сицилійской, сынъ Меркуріевъ и любовникъ Пандро-зинъ.

Пандроза, одна изъ Ореадъ, то есть горныхъ Нимфъ.

Циниска, дочь Архидамаса. Она первая получила награжденіе на Олимпійскихъ играхъ, обскакавъ всѣ колесницы; почему оказывалась ей великая честь. Dict. de la Fable. Хотя въ семъ Лексиконѣ и не сказано, что она была дочь Спартанскаго Царя Архидамаса; но всѣ древніе писатели, говоря о Цинискѣ, сіе утверждаютъ.

Большая часть дѣйствія происходитъ въ Сициліи; сцена на горѣ Эпнѣ, гдѣ Пандроза была Нимфою.

Мрачная и тихая ночь царствовала во вселенной. Фебъ въ объятіяхъ Тетиды забылъ Олимпъ и смертныхъ, и сестрѣ своей оставилъ попеченіе освѣщать міръ.

Сія нечувствительная богиня не охотно изливаетъ на міръ свѣтъ свой; она презираетъ, ненавидитъ любовь, копя ея кроткое и нѣжное сіяніе благопріятствуетъ оной. Уже блистаетъ на небѣ несчастный Оріонъ, жертва дерзостной любви (*); онъ ожидаетъ той минутой, въ которую Діана, въ медленномъ и размѣренномъ своемъ печеніи, должна къ нему приблизиться. Уже показывается Нимфа, Юпитеромъ любимая, и младый

Е 4

сынъ

(*) Гомеръ приписываетъ смерть Оріонову ревности Діаниной. Едва прекрасная Аврора, говоритъ онъ, съ пріятностію взглянула на юнаго Оріона, возгорѣлась ревность въ сердцѣ Діаниномъ; смертоносными стрѣлами своими лишила она жизни Оріона, къ несказанной Аврориной горести. — Наконецъ Діана, сожалѣя о смерти прекраснаго Оріона, выпросила у Юпитера, чтобы онъ вознесъ его на небеса, гдѣ составляетъ онъ блистательнѣйшее созвѣздіе.

сынѣ ея, Аркасѣ. Чувствительная Андромеда являеиця подлѣ своего возлюбленнаго. Свѣплѣе всѣхѣ сіяетѣ звѣзда Венерина. На небѣ и на землѣ все дышетѣ любовію; все изображаетѣ ея могущество. Гордая Діана, видя сіе, воздыхаетѣ; но обращая взоры свои на прекрасный оспровѣ Пафосѣ, на нѣсколько минутѣ ушѣшается, видя тамѣ врага своего, Купидона, проливающего слезы на колѣняхѣ у своей матери; во всѣхѣ окрестныхѣ рощахѣ опзываются вздохи и вопль его; сердце его есть сердце упрямаго младенца: стараяся его уишить, болѣе его раздражаетѣ. Венера, желая ушѣшить Купидона, напрасно его ласкаетѣ и прижимаетѣ къ сердцу своему; онѣ пропи-
 вится ласкамѣ ея, и хочетѣ вырваться у нее изѣ рукѣ; горестѣ его, отѣ гнѣва произходящая, увеличивается болѣе и болѣе. Наконецѣ сама Венера раздражилась, оттолкнула его и сѣ гнѣвомѣ ему сказала: упрямой, злой младенецѣ! уже ли ласки и снизожденіе будутѣ всегда умножать твое сердце? . . . Но я знаю причину такой великой горести; ты конечно не могѣ причинить столько безпорядка и смященія, сколько тебѣ хотѣлось. Ссоришь боговѣ и смертныхѣ есть твоя за-
 бава,

бава, твое веселіе. Коварныя твои слезы пекутъ только отъ злобнаго сожалѣнія, что ты не сдѣлалъ столько зла, сколько сдѣлать его намѣревался. — Сіи слова утомили Купидона; съ покорнымъ и нѣжнымъ видомъ подходитъ онъ къ Венерѣ, которая простираетъ уже къ нему руки свои. Богиня потихоньку опираетъ слезы его божественнымъ покрываломъ, развѣвающимся на прекрасныхъ волосахъ ея. Неблагодарный! сказала она: мнѣ бы не надлежало уже любить тебя: но какое сердце не смягчится слезами Купидоновыми! Ты печалишься, воздыхаешь, и гнѣвъ мой исчезаетъ. Ахъ! удовольствіе прощать тебя награждаетъ меня за горестъ, причиняемую твоею неблагодарностію. Говори, открой мнѣ свою печаль: сердце мое раздѣлитъ ее съ твоимъ сердцемъ.

И такъ, отвѣтствовалъ Купидонъ, выслушай сію печальную повѣсть. Ты знаешь, что я все сдѣлалъ для Дафниса, любимаго сына Меркуріева. Есть ли въ Сициліи какой нибудь другой пастухъ, котораго бы можно было сравнить съ Дафнисомъ? Едва ли самъ Аполлонъ и Музы осмѣлятся спорить съ нимъ о превосходствѣ въ пѣніи; богъ краснорѣчія сообщилъ

шилъ ему драгоцѣнный даръ убѣждать умы и шрогать сердца: но Дафнисъ мнѣ одному обязанъ, щасливымъ даромъ прельщать — увы! бесполезное благодѣяніе! Правда, что всѣ Сицилійскія пастушки стараются пріобрѣсть славу нравиться Дафнису, и тысячи прекрасныхъ Нимфъ ищутъ любви его; но одна Нимфа пронзила сердце его стрѣлами своихъ прелестей, а мои стрѣлы не могутъ проникнуть въ ея сердце. Между рѣзвыми Нимфами, обитательницами страшной горы, гдѣ день и ночь слышанъ стукъ молотовъ работающихъ Циклоповъ (*), прекраснѣйшая Ореада, Пандроза, богинямъ подобная, любима Дафнисомъ, но — сама его не любитъ. Тщетно Дафнисъ томится и воздыхаетъ. Гордая Нимфа презираетъ его любовь и не хочетъ слушать его пѣсней; она убѣгаетъ Дафниса и смѣется надъ Купидономъ! . . . Ахъ! когда красота строитъ мнѣ олтари, получая отъ меня свое могу-

(*) Поэты говорятъ, что Вулканова кузница находится въ нѣдрахъ горы Этны, и что Циклопы безпрестанно куятъ тамъ громовыя стрѣлы для Юпитера.

могущество, и посредствомъ меня прославляясь: то чего же не имѣлъ я права требовать отъ Пандрозы! Но неблагодарная не познаетъ моихъ благодѣяній, презираетъ мое могущество. Она предпочитаетъ мнѣ гордую Діану и суровую Дріаду. Дочь Фаунуса торжествуетъ надо мною; она умѣетъ привлекать Пандрозу въ сельской гротъ свой. Пандроза обожаетъ ее, и пребываетъ у нее во всемъ совѣща; съ удовольствіемъ слушаетъ печальные уроки свирѣпаго разсудка, и сердце ея не чувствительно ко всѣмъ прелестямъ Купидона. О Венера, дражайшая родишельница! могу ли я сносить такую ужасную обиду, такой чрезымѣрной стыдъ? — Окончавъ свои жалобы, богъ любви бросился въ объятія къ своей матери. Божественное лице его омочено слезами, съ копорыми Венера смѣшиваетъ свои слезы: подобно сему при возхожденіи Авроры блистательная царица цвѣтовъ, окропленная бальзамическою росой, изливаетъ ея въ видѣ жемчужныхъ капель на разпускающійся подлѣ нее цвѣтокъ — такъ чувствительная Венера лила слезы свои на лице прелестнаго Купидона.

Утѣшь-

Упѣшься, сынѣ мой, съ нѣжностію сказала она ему: не бойся ничего. Развѣ ты не увѣренѣ въ своей побѣдѣ, естли только заставишь себя выслушать? Умѣя принимашь на себя различные виды, по-что являясь тебѣ робкой Пандрозѣ въ страшномѣ для нее образѣ? Тогда бываешь ты гораздо опаснѣе, когда пере-мѣняешь свой образѣ. Сколько разѣ об-манывалѣ ты своимѣ припворствомѣ безсмертныхѣ, и даже самого Юпитера? Гораздо легче будетѣ тебѣ обмануть Дріаду и Пандрозу. Сокрой убивствен-ныя свои стрѣлы, лукѣ и колчанѣ свой; особливо сокрой крылья свои — и ты вѣрно возторжествуешь. — При сихѣ словахѣ Купидонѣ улыбнулся и развеселился. Обнявѣ Венеру, быстро подни-мается на воздухѣ и направляетѣ дерзо-стный полетѣ свой къ щастливымѣ бере-гамѣ Ареоузы (*).

Уже

(*) Ареоуза была одна изѣ подругѣ Ди-ниныхѣ. Однажды, купавшись въ про-зрачномѣ ручейкѣ, увидѣла она прибли-жающагося къ ней Алфея, своего любо-вника; она хотѣла уйши, но видя, что Алфей догоняетѣ ее, просила помощи
у

Уже возходитъ багряная Аврора и позлащаетъ небо. Едва разлилися по вселенной первые лучи крошкаго свѣта ея, Натура пробудилася, цвѣты разпустились и наполнили воздухъ благовоніемъ. Въспренный любовникъ Флоринъ потрясаетъ листочки и играетъ въ пушистомъ шротникъ (*). Нѣжная Филомела (**) возпѣваетъ

у Діаны, кошорая и превратила ее въ ручей, и нынѣ еще въ Сициліи находящійся.

(*) Зефиръ былъ любовникъ и супругъ Флоринъ.

(**) Филомела, дочь Аѳинскаго царя Пандіона, была несчастнымъ предметомъ гнусной страсти Теря, царя Оракійскаго, мужа сестры ея, кошорой, будучи всегда мучимъ совѣстію, рѣшился отрѣзать у нее языкъ и запереть ее въ одномъ старомъ замкѣ, сказавъ женѣ своей, что Филомела умерла. Черезъ годъ Филомела нашла случай уведомить сестру свою о поступкѣ Тереевомъ, пославъ къ ней покрывало, на которомъ начерпала она печальную свою повѣсть. Прогнея, сестра ея, получивъ покрывало, возпылала мщеніемъ, и пользуясь праздникомъ Вакховымъ, въ кошорой женщины

пѣваетъ жалкимъ и прогательнымъ голо-
сомъ гармоническія свои пѣсни. Эхо (*)
опеѣщ-

щины бѣгали по полямъ, пошла она въ
пошѣ замокъ, гдѣ была сестра ея,
взяла ее съ собою и скрыла въ своихъ
чертогахъ; по томъ умертвила сына
свсего, велѣла сварить его пѣло и по-
спавишь на столѣ въ обѣдѣ, которой
она давала своему мужу. Въ концѣ
сего обѣда вбѣжала Филомела и бросила
на столѣ голову младенцову. Терей
хотѣлъ ихъ умертвить въ ярости сво-
ей; но онѣ побѣжали отъ него, и
филомела была превращена въ соловья,
а Прогнея въ ласпочку.

(*) Нимфа, которой Юнона запретила гово-
рить, позволивъ ей только отвѣчать на
вопросы, и то кратко; для того что она,
способствуя Юпитеру въ любовныхъ его
дѣлахъ, старалась безпрестанно говорить
съ Юноною, не давая ей примѣчать невѣр-
ности супруга ея; и которая, влюбясь въ
прекраснаго Нарцисса, вездѣ за нимъ тайно
слѣдовала, но видя себя всегда презираему
своимъ любовникомъ, сокрылась въ дре-
мучіе лѣса. Съ того времени живетъ
она только въ пещерахъ и на камен-
ныхъ горахъ. Палимая огнемъ любви

отвѣтствуетъ на ея печальные тоны, и будучи подобно ей несчастно, находитъ удовольствіе въ повтореніи оныхъ. Все одушевляется, все чувствуетъ и живетъ.

Купидонъ съ высоты воздушной взираетъ на Сицилію, видитъ на вершинѣ Эпны разсѣявшихся Ореадъ и узнаетъ между ими Пандрозу. Онъ удерживаетъ быспрошу полета своего и разсматриваетъ Нимфу. Подобно страшному орлу, надъ облаками парящему и устремляющему жадный и пронзительный взоръ свой на невиннаго голубя, которой скоро будетъ его пищею — богъ Пафоса торжествовалъ въ сердцѣ своемъ, удивлялся виду чистосердечія, пріятности и красотъ небесной Пандрозы. Нимфа зоветъ подругъ своихъ: всѣ собираются на голосъ ея, всѣ рѣзвыя и прелестныя Нимфы сходятъ съ горы и спѣшаютъ ко грому Дріадину. Тогда Купидонъ, слѣ-
дуя

и терзаемая горестію, впала она въ смертное разслабленіе, и такъ высохла, что остались на ней однѣ косми, и только голосъ ея слышанъ; по томъ и косми превратились въ камни, и только одинъ голосъ у нее осшался.

дуя совѣту Венерину, перемѣняетъ свой образъ и принимаетъ на себя видъ юной и откровенной Корониды, любезной Пандрозиной подруги, и дерзосно сходитъ въ священный гротъ, куда входъ ему всегда запрещенъ былъ.

Въ семъ мирномъ мѣстѣ, тихомъ прибѣжище невинности и щастія, всякой предметъ оскорблялъ взоры Купидоновы. Гротъ, устроенный богинею, представляется удивленному оку величественнымъ храмомъ, великолѣпнымъ при видѣ сельской простоты. Алебастровые столпы, украшенные множествомъ вѣнковъ, изъ лавровъ и незабудокъ сплетенныхъ, поддерживаютъ зданіе; стѣны сдѣланы изъ Паросскаго мрамора удивительной бѣлизны; божественная рука начертала на нихъ исторію добродѣтельныхъ женъ, которыя были украшеніемъ своего пола, честью и славою отечества своего. На мраморѣ изображаются сіи великодушныя Героини, пожертвовавшія собою благу общественному. Представляются дочери Антипенусовы, охотно лишающіяся жизни для благоденствія Фивъ, и храбрыя Гіациноиды, такой же примѣръ являющія; изъ пепла страшнаго костра, на коемъ были сожжены дочери Эхіоновы, возста-
ютъ

юшѣ двое увѣнчанныхъ юношей: — сла-
вное и великое чудо, явленное безсмерт-
ными для почтенія добродѣтели и ушѣ-
шенія несчастнаго отца (*):

Подлѣ сихъ Героинѣ представляются
нѣжныя дочери, изъ любви къ родите-
лямъ пожертвовавшія жизнью своею: семь
дочерей Альціоновыхъ, которыя, не мог-
ши жить по смерти своего отца, броса-

Часть. XIV. Но. 20.

Ж ются

(*) Дочери Антипенусовы тогдашѣ лишили
себя жизни, какъ скоро узнали отъѣшѣ
Оракула, что Фивы не освободятся изъ
рукъ Геркулесовыхъ, естли кто ни-
будь изъ славнѣйшей фамиліи не согла-
сится принести въ жертву жизнь свою.

Дочери Фрексея, царя Аѳинскаго,
пожертвовавъ жизнью благу отечества
своего, были названы *Гіациндами*, по
тому мѣсту, гдѣ онѣ были принесены
въ жертву, и которое называлось *Гіа-
цинеомъ*. Ихъ называютъ и *дѣвцами*.

Двѣ дочери Эхіоновы, которой былъ
царемъ въ Фивахъ, рѣшились для умило-
спивленія боговъ, помившихъ всю страну
долговременною засухою, жертвовать
своею жизнью. Изъ пепла ихъ возстали
двое увѣнчанныхъ юношей, которые
прославили великодупную смерть сихъ
Героинѣ.

ются въ море; прекрасная Эригона, лишающая себя жизни подлѣ гроба Икарова; прелестная Гипсипила, подвергающаяся опасности лишиться престола и жизни для спасенія Оаса отъ ярости женъ Лемносскихъ. Мужественная Гарпалиса, Палладѣ подобная, изображается среди кровопролитнаго сраженія; она презираетъ всѣ опасности и самую смерть, которая въ различныхъ видахъ ей представляется; она смотритъ на одного отца своего, бросается впередъ его и хочетъ сама подвергнуться тѣмъ ударамъ, которые на него стремятся; наконецъ вырываетъ его изъ рукъ непріятелей и со славою провождаетъ во Фракію. Между сими Героинями видны и нѣжныя сестры юнаго Гіаса, безразсуднаго Фракію и Мелеагриды (*). Любезная богиня цѣломудрія
сѣ

(*) Альціонъ былъ исполинъ, братъ Порфиріона. Онъ умертвилъ двадцать семь Геркулесовыхъ воиновъ, и самъ былъ умерщвленъ симъ Героемъ. Семь юныхъ дочерей его были смертію его столь пронунны, что изъ стѣянія бросились въ море, гдѣ были превращены въ Альціонъ, нѣкотораго рода птицу.

ѣбъ большимъ еще спараніемъ изобразила
добродѣтельныхъ Нимфъ, которыя избѣ-

Ж 2

жали

Эригона повѣсилась на деревѣ, свѣ-
давъ, что лишился жизни отецъ ея, о
смерти котораго узнала отъ Меры, со-
баки Икаровой, давшей всегда на мо-
гилѣ Господина своего. Сія Эригона
была любима Вахусомъ, которой, же-
лая прелстить ее, превратился въ
виноградную кисть. Поэты выдумали;
что она была превращена въ созвѣздіе,
называемое *дѣвицею*. Вотъ причина
смерти Икаровой: онъ напоилъ виномъ
поселянъ; которые не знали сего питья;
другіе поселяне; увидя ихъ пьяныхъ,
подумали, что они напоены ядомъ, и
умершій за то Икара. Послѣ сего
всѣ жены сихъ поселянъ пришли въ
бѣшенство, которое продолжалось до
того времени, какъ Оракулъ повелѣлъ
учредить празднества въ честь Икару.
Отъ сего произошли Икарскія игры,
которыя состояли въ балансированіи на
веревкѣ, привязанной къ двумъ дере-
вамъ; вѣроятно, что сіе дѣлалось въ
память плачевной Эригоной смерти.
Мера, Икарова собака, показавшая гробъ
его; была превращена въ созвѣздіе,
называемое *собакою*, а Икаръ въ звѣзду,
кото-

жали всѣхъ сѣшей Купидоновыхъ: Панопу,
Ареѳузу, Сиринксу и прекрасную Дафну;
Туцію

которая по мнѣнію многихъ есть *зоо-тесъ* или *пастухъ*. — Былъ другой Икаръ, сынъ Дедалусовъ. Отецъ Пенелопы также Икаромъ назывался.

Когда Лемносскія жены умертвили мужей своихъ и всѣхъ мужчинъ, то Гипсипила, спасая отца своего Фсаса, сказала, что его умертвила, но въ самомъ дѣлѣ скрyla его. Язонъ, отправляясь завоевать златое руно, пришелъ къ острову Лемносу, и женился на Гипсипилѣ, которая избрана была Царицею. Язонъ оставилъ Гипсипилу для Медеи. Когда же Лемносскія жены узнали, что Гипсипила спасла своего отца, то онѣ выгнали ее изъ своего острова. Она попала въ руки морскимъ разбойникамъ, которые продали ее Ликургу, Царю Немейскому. Сей царь поручилъ ей воспитаніе сына своего Аржемора. Однажды Гипсипила посадила маленькаго Принца на траву, называемую дикою пепрушкою, а сама пошла показать источникъ тѣмъ Принцамъ, которые шли осаждаютъ Оивы. Въ сіе время змѣя ужалила Принца, отъ чего онъ и умеръ. Ликургъ хотѣлъ

Туцію и Клавдію, столь любезныхъ Вестѣ;
 Анаксибію, любимую Діаною; Болину,
 Ж 3 кошо-

шѣлѣ наказать Гипсипилу за ея небреженіе; но Аргивы взяли ее подѣ свое покровительство. Въ память сего приключенія учредили Немейскія игры, которыя праздновались каждые три года. Побѣдители надѣвали праурѣ и увѣнчивались дикою петрушкою.

Гарпалиса была дочь Гарпаликуса, Царя нѣкопорою часпи Оракіи. Когда отецъ ея въ одномъ сраженіи былѣ подверженѣ великой опасности и уже раненѣ рукою Неоптолема, тогда Гарпалиса приспѣла къ нему на помощь, освободила его отѣ опасности, и обратила въ бѣгѣ войско Неоптолемово. Она весьма искусно управляла конями на бѣгу, и потому была славна. — Были еще двѣ Гарпалисы: исторія одной наполнена злодѣянїями; а другая умерла отѣ горести, не могши прїобрѣсти любви Ификлуса, въ котораго она влюблена была.

Гіады, дочери Ашласовы и Эеерїины, были такѣ названы по имени брата ихѣ Гіаса, котораго онѣ весьма нѣжно любили, и котораго смерть погрузила ихѣ въ неутѣшную печаль. Боги, про-

нушье

которая была нечувствительна къ любви
наипрекраснѣйшаго изъ всѣхъ боговъ. Сія
послѣдняя изображена бросающаяся въ мо-
ре, желая избавишься отъ гоненій Апол-
лоновыхъ, и думая лишиться несносной
жизни; но любовникъ ея, съ горестію
чувствуя великую добродѣтель ея, и
весьма ее почитая, проситъ Юпитера, и
Нимфа оживаетъ: будучи dospoйна жить
на Олимпѣ, принимаетъ она даръ без-
смертія (*).

Дріе

нушыя ихъ горестію, превратили ихъ
въ звѣзды. — Другіе повѣствуютъ,
что Гіады были Нимфы, которыхъ
Юпитеръ превратилъ въ звѣзды, спасая
ихъ отъ гнѣва Юноны, хотѣвшей на-
казать ихъ за то попеченіе, которое
имѣли онѣ о воспитаніи Бахусовомъ,

Сестры Фаеѳоновы были Геліады,
дочери Солнцевы и Клименены. Ихъ
было три: Лампешуза, Лампеція и
Фаешуза. Онѣ были превращены въ
тополы, а слезы ихъ въ янтарь.

Мелеагриды столько плакали о смер-
ти брата своего Мелеагра, что боги
превратили ихъ въ курицъ.

(*) Панапа, одна изъ Нереидъ или мор-
скихъ Нимфъ, прославились мудростію

и

Дріада изобразила вѣ храмѣ своемѣ
и нѣжныхъ матерей, добродѣтельныхъ
Ж 4 вѣр-

и чистою нрава своего. Она была вѣ
числѣ тѣхъ божествъ, которыхъ на-
зывали Лимфорями, или божествами
берега; имя, происшедшее отъ того,
что древніе, вышедъ на берегъ, по
своему обыкновенію тотчасъ исполняли
тѣ общы, которыя дѣлали они на
морѣ. — Была другая Панопя, на
которой женился Геркулесъ, и отъ
которой былъ у него сынъ Панопъ.

Туція и Клавдія были Весталки. Ту-
ція, будучи почитаема преступницею,
доказала невинность свою тѣмъ, что
рѣшетомъ почерпнула воды вѣ Тибрѣ
и принесла ее вѣ храмъ Вестинъ. Клав-
діина добродѣтель была вѣ подозрѣніи,
но Весты сдѣлала чудо, чтобы дока-
зать ея цѣломудріе. Клавдія одна по-
ясомъ своимъ поспянула корабль, на
которомъ была спашуя матери боговъ,
изъ Фригіи везенная, и которой, во-
шедъ вѣ Тибрѣ, остановился, такъ
что многія тысячи людей не могли
спасти его съ мѣста.

Анаксія была Нимфа, которая из-
чезла вѣ Діаніномъ храмѣ, куда она
ушла отъ Аполлона.

Вѣ

вѣрныхъ супруговъ. Представляются Пенелопа, Артемиза, Андромаха, Алціона и великодушная Алцеста, вѣ важнѣйшихъ случаяхъ жизни ихъ; несчастная Аргія, отдающая послѣдній долгъ супругу своему; Лаодамія, лишающаяся жизни при явленіи Протезилаевой тѣни и слѣдующая за сею любимою тѣнію въ царство мертвыхъ. Не много подалѣе видны Арганеона и Каненсъ, снѣдаемая юрестію; несчастная Клиція, свергающая съ себя бремя жизни; мужественная и вѣрная Эвадна, бросающаяся въ пламя, ея супруга пожирающее (*). Во множествѣ женъ,

Въ число сихъ цѣломудренныхъ Нимфъ можно еще включить Нимфу Эа, которая, бѣжавъ отъ рѣки Фазиса, просила боговъ о помощи и была превращена въ островъ; Корониду, которую Минерва превратила въ ворону, чтобы избавить ее отъ гоненій Нептунovýchъ, и проч. Сія Коронида не есть та, которую любилъ Аполлонъ, и которая родила Эскулапія.

(*) Аргія была дочь Адрастова и жена Полинисова, котораго трупъ ходила она искать съ Антигоною, чтобы отдать ему послѣдній долгъ; за сіе же Кре-

женѣ, которыя прославились материнскою
нѣжностію, примѣнѣе прочихъ чувст-
вительная Пирена и Нимфа, родившая
Цикнуса. Несчастное путешествіе Арго-

Ж 5

нав-

Креонъ столь озлобился, что онѣ ихъ
обѣихъ умертвилъ: но Аргія была пре-
вращена въ источникъ сего имени.

Лаодамія умерла, увидя шѣнь сво-
его супруга Протезилая, съ которымъ
она весьма желала видѣться. Была дру-
гая Лаодамія, дочь Беллерофонова, ко-
торую любилъ Юпитеръ. Діана застрѣ-
лила ее за ея гордость.

Арганеона, жена Резусова, была
столь пронута смертію мужа своего,
убиитаго при осадѣ Трои, что онѣ го-
рести умерла. Каненсъ, или Каненша,
жена Пикусова, столь крушилася по
смерти супруга своего, что мало по
малу совсѣмъ исчезла.

Клиша, дочь Меропіина, не хотѣвъ
пережить супруга своего, удавилась.

Эвадна была дочь Марсова, а по
извѣстію другихъ дочь Ифисова и Ти-
вина. Она была нечувствительна къ
любви Аполлоновой и вышла за мужъ
за Капанеуса. Когда же мужъ ея при
осадѣ Трои за безбожіе свое былъ убитъ
громомъ, Эвадна бросилась на костеръ,
на которомъ ежигали тѣло его.

навповѣ! ты отнимаешь жизнь у нѣжнѣйшей матери! Амфинома не можетъ сносить опсунствія Язонова: она вонзаетъ кинжалъ въ сердце свое! . . . , Каллипашира, мать столько же нѣжная, но гораздо щаспливѣйшая, презираетъ тысячи опасностей, чтобы слѣдовать за сыномъ своимъ на Олимпійскія игры и насладиться удовольствіемъ видѣть его увѣнчаннаго (*). Въ задней сторонѣ храма богиня поставила спашуи любезныхъ ей богинь:

(*) Когда Ценхрея, дочь Нимфы Пирены, нечаянно была умерщвлена дрошикомъ, кошкой Діана бросила въ дикаго звѣря, Пирена пролила столько слезъ о смерти ея, что была превращена въ источникъ. — Другіе Авторы говорятъ, что Пирена была Принцеса, дочь Бебрикса, Царя той части Гишпаніи, которая граничитъ съ Франціею; что она была похищена Геркулесомъ, которой удалясь отъ нее однажды на нѣкоторое время, по возвращеніи своемъ нашелъ ее умерщвленную и разтерзанную дикими звѣрьми; что онъ погребъ ее на одной изъ тѣхъ горъ, которыя съ того времени называются Пиринейскими горами.

Гирія,

гинъ: вѣрной дружбы, величественной Весты и двухъ безсмертныхъ сестръ, Калліанасы и Калліаниры, пекущихся о чистотѣ нравовъ. Купидонъ въздыхаетъ и негодуетъ, что сіи мирныя богини ему предпочитаются. Съ большею еще досадою видитъ онъ прекрасную и цѣлому-дренную Дріаду, окруженную всѣми Нимфами водъ, горъ, лѣсовъ и луговъ (*).
Боги-

Гирія, Аркадская Нимфа, такъ плакала о сынѣ своемъ Цикнусѣ, которой бросился съ каменной горы, не могши у одного друга своего выпросить вола, что вся въ слезахъ разлился, и была превращена въ озеро, которое называлось ея именемъ,

Каллипашира въ образѣ учителя экзерциціи провождаетъ сына своего на Олимпійскія игры, при которыхъ не позволено было присутствовать женщинамъ; но ее узнали по радостному восторгу, въ которой она пришла, увидя сына своего побѣдившаго прочихъ. Судьи простили ее; но утвердили закономъ, чтобы впредь всѣ учителя экзерциціи были наги, такъ какъ и сражающіеся.

(*) Эфириды суть Нимфы озера; Меліды и Эпимелиды суть тѣ Нимфы, которыя

Богиня сидитъ на престолѣ, состоящемъ изъ зелени и цвѣтовъ. Величественная лилія и смиренная фіялка растутъ вокругъ нее и подъ ногами ея. Бѣлѣйшее покрывало сокрываетъ часть лица ея, и волнистыми стѣбами виситъ по ея плечамъ и спивъ. Самъ Купидонъ принужденъ удивляться блеску ея свѣжести, прогашельной пріятности и кропкому величеству, на лицѣ у нее сіяющему. Онъ горитъ желаніемъ приблизиться къ Дріадѣ и вблизи разсматривать ее; но новое для него чувство удерживаетъ его: богиня непонятною для Купидона силою влечетъ его къ себѣ, но приближаться не позволяетъ.

Между тѣмъ Нимфы разсѣялись въ гротѣ. Пандроза приходитъ и садится у ногъ богининыхъ. Купидонъ, не отходя отъ Пандрозы и не осмѣливая Коронидина образа, садится подлѣ нее. Тогда Дріада даетъ Нимфѣ полезныя на-
ста-

рыя пекутся о стадахъ; Лимніады болотныя Нимфы; Лимоніады Нимфы цвѣтовъ и луговъ; Герезидами назывались тѣ Нимфы, которыя служили Юнонѣ, когда она купалась; а Пошамидами рѣчныя Нимфы, и проч.

ставленія и пріятнымъ голосомъ говоришь ей: дражайшая Пандроза! остерегайся всегда съшей Купидоновыхъ. Не тогда бываетъ онъ наиболѣе спрашенъ, когда является въ своемъ видѣ: онъ ужаснѣе тогда, когда сокрывается. Такимъ образомъ побѣдилъ онъ Меланѳу, Левкоптою и прекрасную Помону (*). Онъ торжествуетъ посредствомъ обмановъ, производя суешныя мечты; обѣщая существовавшее благополучіе, дѣлаетъ всѣхъ несчастными. — Такъ говорила Дріада. Пандроза обѣщаетъ слѣдовать совѣщаніямъ ея, а Купидонъ улыбается. Невинная Нимфа призываетъ подругъ своихъ, и опершись съ надежностію на плечо опасной Корониды, оставляетъ грошъ Дріадинъ.

(*) Меланѳа была любима Нептуномъ, которой, чтобы похищать ее, принявъ на себя образъ Дельфина. Левкоптоя, дочь Орхама и Эвриномы, была любима Аполлономъ, которой явился ей въ образъ Эвриномы. Клиція, ея совѣснница, уведомила Орхама, что Аполлонъ любовникъ его дочери, за что онъ погребъ Левкоптою живую. Аполлонъ превратилъ ее въ дерево, которое производитъ ладонъ.

адинъ. Едва только вышла она изъ сего священнаго мѣста, вдругъ почувствовали въ сердцѣ своемъ новое безпокойство. Смятенная и погруженная въ глубокое размышленіе, слѣдуетъ она за ведущимъ ее Купидономъ, который удаляетъ ее отъ подругъ, ведетъ по пушамъ цвѣтами усѣяннымъ; но среди сихъ неизвѣстныхъ дорогъ съ ужасомъ видитъ Пандроза крутыя стремнины и глубокія пропасти. О Коронида! сказала она слабымъ и дрожащимъ голосомъ: куда ведешь меня? Мы на Эпнѣ, отвѣщствовалъ Купидонъ: смотри на сей дымъ, поднимающійся густыми облаками: мы приближаемся къ вершинѣ горы. Успокойся, прелестная Нимфа! да и чего тебѣ бояться? — Сама не знаю, отвѣщивала Пандроза: но никогда не чувствовала я въ себѣ такого волненія, какое теперь ощущаю. Гдѣ наши подруги? Пойдемъ къ нимъ. — Пандроза хочетъ кликнуть Поликсу, Димаду, Фалу, любезнѣйшихъ подругъ своихъ; но шедши весьма скоро и безпокойными дорогами, такъ утомилась и ослабла, что не могла громко кликнуть. Купидонъ зоветъ ее успокоиться въ миршовой и розовой лѣсокъ, находящейся близъ ужасной пропасти, во глубинѣ кошорой черные Ци-

клопы

клопы кукшѣ для Юпитера громовыя стрѣлы. Пандроза ошанавливается и садится на мураву. Она не можетъ понять, что происходитъ въ душѣ ея. Тщешно выгоняетъ изъ воображенія своего юнаго Дафниса! Она видитъ, слышитъ его; воспоминаетъ всѣ стихи, сочиненные Дафнисомъ для нее. Пріятные звуки голоса и лиры любезнаго паслуха опзываются въ ея сердцѣ; она внимаетъ нѣжнымъ и сладостнымъ пѣснямъ его, отъ которыхъ прежде всегда бѣгала, подобно боязливой и легкой сернѣ, только издалека слышащей звукъ рога и крикъ горячаго охотника, за нею гонящагося.

Пандроза пребываетъ въ молчаніи, погружаясь въ глубокую задумчивость. Купидонъ смолшитъ на нее со злобною радостію. О Пандроза! говоритъ онъ ей: какъ прекрасны сіи мѣста! Какія пріятныя воспоминанія возбуждаются въ душахъ нашихъ! . . . Здѣсь, подлѣ сего лѣску, любезная дочь Церерина рвала цвѣты и плела вѣнки, когда страшный Царь ада предсталъ взорамъ ея. Здѣсь Купидонъ умѣлъ пронуть сердце сего свирѣпаго, непоколебимаго и жестокаго бога. Тщешно безразсудная Ціана хочетъ противиться восхищеніямъ, вліяннымъ Любо-

Любовію! Она лишается жизни и превращается въ быспротекущую воду (*). Смотри, какъ рѣка сія мчится поперегъ цвѣшущихъ луговъ! Какъ пріятно размышлять на берегахъ ея! . . . Я слышу жалосный голосъ Ціаны; ея журчаніе, кажется, говоритъ намъ: о Нимфы! спрашайтесь прошивившись Любви! . . . Тамъ видишь пы источникъ Ареѳузу: Діана, превративъ Нимфу въ сей источникъ, думала спасти ее отъ гоненій любовника ея; но Алфей, покровительствуемый Любовію, умѣлъ соединиться съ своею любовною (**). Посмотри, какъ сей ключъ бѣетъ, какъ пѣнится вода его, упадаетъ и спремится въ пространное и глубокое море. Любовь причиною быспрошты струй его: спремительно мчитъ онъ Ареѳузу къ ея возлюбленному. Взгляни на сію каменную гору: подъ симъ величественнымъ

(*) Плутонъ на Эниѣ похищилъ Прозерпину, которая рвала тамъ цвѣшны и плела вѣнки. Ціана, прошивившаяся похищенію, была превращена въ источникъ.

(**) О семъ превращеніи упоминалось въ *деревенскихъ вѣсражъ*, въ Альфонсовой Исторіи.

тобою, Пандроза? продолжалъ Купидонъ: ты въ великомъ волненіи. Ахъ! сказала Пандроза: кажется, что я слышу его голосъ. . . . Послушай, Коронида! Чей голосъ? спросилъ Купидонъ съ улыбкою. Голосъ пастуха, отвѣщивала Пандроза покраснѣвши. Какого пастуха? спросилъ еще Купидонъ. О Коронида! сказала Пандроза: любезная Коронида! вчера говорила я о немъ съ тобою безъ всякаго страха и замѣшательства; а теперь, не знаю для чего — не смѣю произнести его имени. Боги! голосъ приближается! . . . Ахъ! уйдемъ Коронида! — Поздно, Пандроза, поздно! воскликнулъ Купидонъ. Въ самую сію минуту явился Дафнисъ, приблизился къ смущенной Пандрозѣ и бросился передъ нею на колѣни. Тщешно Пандроза хочетъ отъ него бѣжать: Купидонъ ее удерживаетъ. Нимфа жалуется на такое насиліе; однакожь опасается и не сердится на мнимую подругу свою. Но слушавъ нѣсколько времени Дафниса, Пандроза вырывается изъ рукъ Купидоновыхъ. О Пандроза! воскликнулъ Дафнисъ: постой, не бѣги, прекрасная Нимфа! Ты хочешь смерти моей; ты меня ненавидишь: и такъ благодарю боговъ, что я не безсмертенъ! —

Такъ,

Такъ, Пандроза! естли ты меня не выслушаешь, то я брошусь въ сію глубокую бездну и окончаю несносную для меня жизнь. — Пандроза, почувствуя ужасъ, оспанавливается, но томъ съ трепетомъ идетъ за Купидономъ, которой въ торжествѣ ведетъ ее къ пасуху. Она слушаетъ жалобы Дафнисовы и тысячу разъ повторяетъ ему, что она чувствуетъ къ нему одну нѣжную дружбу, и что никогда не будетъ его любовницею; однакожь пасухъ доволенъ, а Пандроза, расставаясь съ нимъ, обѣщаетъ ему на другой день опять прийти въ сей лѣсокъ, гдѣ заспигла ихъ ночь.

Какъ скоро показалась заря, Пандроза пошла къ Дріадѣ, будучи исполнена безпокойства и терзаема печальнымъ предчувствіемъ. Она открыла ей сердце свое. Богиня вздохнула. И такъ, любезная Нимфа, Купидонъ прельстилъ наконецъ сердце твое! Да почувствуешь опасный сынъ Меркуріевъ, да почувствуетъ Дафнисъ всю цѣну своей побѣды! Да возгорится свѣтильникъ Гименеевъ для общаго щастія вашего! Сей благоразумный и миролюбивый богъ не можетъ жить въ согласіи съ Купидономъ: онъ

требуетъ чувствъ постоянныхъ, твердой, благоразумной любви; а Купидонъ вселяетъ только минутную любовь, любовь страстную и безразсудную (*).
Пре-

(*) Всѣ почти Авторы говорятъ, что Тименей былъ сынъ Вакховъ и Венеринъ; но нѣкоторые повѣствуютъ, что онъ былъ молодой Аѳинянинъ, весьма не знатнаго рода, но совершенной красоты. Онъ влюбился въ знатную дѣвицу, и чтобы быть съ нею вмѣстѣ, переодѣлся въ женское платье. Въ одинъ день, когда онъ въ семъ платьѣ гулялъ по морскому берегу съ своею возлюбленною и многими другими дѣвицами, торжествуя праздникъ Элевзинской Цереры, всѣхъ ихъ нахитилъ морскіе разбойники. Они схватили ихъ на спящей оспровѣ, гдѣ съ радости сами напились пьяны и заснули. Тименей вооружилъ дѣвицъ, и разбойники были всѣ умерщвлены. Сей юноша оставилъ на оспровѣ освобожденныхъ имъ дѣвицъ, и возвращаясь въ Аѳины, требовалъ у родителей ихъ, что бы ему позволено было жениться на любой изъ дочерей ихъ; на что они и согласились. Онъ женился на свей возлюбленной; и сей бракъ былъ столь щастливъ, что послѣ при совершеніи
вся.

Препяпствія, безпокойство и страхъ питають сію спраспную любовь; она подобна слабому огню, кошорой въ минуу утаснетъ, какъ скоро переспанешъ его раздувать. Но отврапимъ взоры наши отъ будущаго. Возьми, дражайшая Пандроза, сей залогъ нѣжности Дріадиной, сіе покрывало, сотканное руками моими, и носи его всегда; оно не можетъ нравиться Купидону, но сдѣлаетъ тебя прелестнѣйшею въ глазахъ твоего супруга. — Тронушая Пандроза, ставъ на колѣни, принимаетъ священное покрывало, даръ любезной богини цѣломудрія, и со благоговѣніемъ покрывается онымъ. Покрывало, спустившись съ головы, закрываетъ ся прекрасные волосы, прелестный и величественный станъ; но оно придаетъ ей новую пріятность, и хопя сокрываетъ отъ глазъ часпъ ея прелестей, однакожь вообще увеличиваетъ красоту ея.

Пандроза, не смотря на свое обѣщаніе, не можетъ рѣшиться иппи въ

З з

лб.

всякаго брака призывали всегда Гименей, кошораго потомъ включили Греки въ число боговъ.

лѣсокѣ для свиданія съ Дафнисомѣ. Одна-
кожь она бѣгаетѣ своихѣ подругѣ; ихѣ
чистое, невинное веселіе шягошитѣ ее.
Она ищетѣ уединенія и въ горести бро-
дитѣ по горамѣ. Въ задумчивости при-
ближадась она къ Сциллѣ (*). Пандроза
за-

-
- (*) Сцилла есть каменная гора въ Сицилій-
скомѣ проливѣ противѣ Харибды. Из-
дали видѣ ея сходенѣ съ женскою фигу-
рою, и шумѣ волнѣ, о нее ударяющихся,
подобенѣ вою собакѣ или волковѣ. По-
эты говорятѣ, что Сцилла, дочь Фор-
кусса и Гекафина, была превращена
въ сію гору. Они изображаютѣ ее окру-
женную волками и собаками, которыя
у ногѣ ея воютѣ, съ шестью головами
и двѣнадцатью ногами, и въ каждой
головѣ при ряда зубовѣ. Говорятѣ, что
она пожирала цѣлые корабли. Овидій
повѣствуетѣ, что Сцилла была пре-
красная Нимфа, въ которую влюбился
Главкусѣ, морской богѣ; что онѣ, же-
лая пріобрѣсти ея любовь, прибѣгнуль
къ помощи волшебницы Цирцеи, кото-
рая ненавидѣла Сциллу, почитая ее по-
краснѣ опасною своею соперницею; что
Цирцея составила ужасной ядѣ и бросила
его въ шотѣ источникѣ, въ которомѣ
Сцилла обыкновенно купадась. Едва она
вошла

запренешала, услышавъ ужасный вопль
 несчастной Форкусовой дочери. О зло-
 получная Нимфа! воскликнула она: въ
 какое страшное состояніе привела тебя
 любовь! Увы! отъ какихъ бы ужасныхъ
 золъ избавилась ты, естли бы всегда
 убѣгала Купидона! И нынѣ бы еще ви-
 дѣли мы тебя на сихъ берегахъ веселя-
 щуюся среди Нерейдѣ, которыхъ красопа
 зашмѣвалась блескомъ твоей красоты....
 Твой спонѣ опзывается во глубинѣ моего
 сердца; никогда еще не дѣлалъ онѣ во
 мнѣ такого болѣзненнаго впечатлѣнія...
 Спрашный примѣръ! . . . Ахѣ! да бѣгу
 отъ сего ужаснаго мѣста! — Сказавъ
 сіе, Нимфа спѣшила удалиться. Скоро
 пришла она къ великому озеру, толь
 страшному для всѣхъ вѣроломныхъ; не-
 вѣрный любовникъ, невѣрный другъ не
 смѣютъ приблизиться къ священнымъ
 водамъ его. Берега его уединенны и пусты;
 только добродѣтель и невинность могутъ
 3 4 ходить

вошла въ воду, ядѣ въ одно мгновеніе
 превратилъ ее въ чудовище. Сцилла,
 увидя свой страшный образъ, изъ оп-
 чаянія бросилась въ море близъ пролива,
 названнаго ея именемъ. Чтобы опмстить
 Цирцею, погубила она корабли Улиссовы.

ходить въ сихъ мѣстахъ, не страшася никакой опасности (*).

Нимфа останавливается и успокаивается подъ тѣнію ивы. Въ сію минуту Дафнисъ, ведомый Купидономъ, представляется взорамъ Пандрозы; онъ приближается; упадаетъ передъ нею на колѣни и клянется вѣчно любить ее. Пандроза, пронуная и смященная, чувствуетъ всю цѣну обѣта, произнесеннаго на берегахъ озера Палисковъ; не сомнѣваясь уже въ искренности своего возлюбленнаго, по одной спыдливости не хочетъ открыть чувствъ своего сердца. Но Дафнисъ хочетъ знать судьбу свою и закликаетъ Нимфу изъясниться. Скажи, Пандроза, говоритъ онъ, скажи, несчастливъ ли Дафнисъ? Умереть ли съ горести ему остается, или ты позволяешь ему питаться сладостною надеждою? — Пандроза ничего не отвѣтствуетъ, но щеки ея покрываются живымъ румянцемъ, и, пошупивъ глаза въ землю, беретъ покрывало и закрываетъ имъ лице свое. Восхищенный Дафнисъ понялъ сей отвѣтъ.

Боже-

(*) О семъ озерѣ было говорено въ Альфонсовой Исторіи.

Божественная Нимфа! воскликнулъ онъ: ты дѣлалась меня щаспливѣйшимъ изъ смертныхъ! . . . На семъ мѣстѣ, дражайшая Пандроза, гдѣ вѣчное твое признаніе увѣнчало всѣ мои желанія, руки мои соорудяшъ олтарь Цѣломудрію, и на семъ божественномъ олтарѣ поставлю образъ Любви . . . Безсмертные и великодушные братья, непримиримые враги клятвопреступниковъ! о вы, страшныя божества, коимъ кланяется Сицилія! внимайше моему обѣту: сими чистыми и ужасными водами клянусь быть вѣчно вѣрнымъ Пандрозѣ! Если когда нибудь нарушу сей священный обѣтъ, то недостойнъ буду видѣть Пандрозу и свѣтъ; въ самую минушу клятвопреступленія лишите меня зрѣнія, могущественные боги! Сие наказаніе, ужаснѣйшее самой смерти, будетъ еще легкимъ наказаніемъ за такое страшное преступленіе (*).

З 5

При
сихъ

(*) Клятвы были у древнихъ въ великомъ обыкновеніи. Ихъ произносили съ разными обрядами. Иногда, между тѣмъ какъ жрецъ закадалъ жертвы, изливали вино изъ священныхъ сосудовъ и восклицали: да продѣтся по землѣ кровь того, кшо

сихъ словахъ восхитительныя слезы покапались по лицу нѣжной Пандрозы. Она вскакиваетъ, приближается къ берегамъ озера, упадаетъ на колѣни и восклицаетъ: безсмертные боги! я обязуюсь тѣмъ же клятвами,

кто дерзнетъ преслупить клятвы свои и всего потомства его, такъ, какъ кровь сихъ жертвъ течетъ по нашимъ олшарямъ!

Иногда же, произнося клятву, обмакивали руки въ кровь и внутренность жертвъ. Часто еще бросали въ море кусокъ разкаленного желѣза, обѣщая держать слово свое до того времени, какъ сей кусокъ самъ собою всплыветъ на поверхность воды. Смерть и вѣчное безчестіе были наказаніемъ для клятвопреступниковъ; но изъ сего закона изкалялись Ораторы, Поэты и любовники. Цари клялись поднимая вверхъ скипетръ. Множество божествъ призывали Греки во свидѣтели своихъ клятвъ: иногда солнце, иногда Спиксъ и проч. были сими свидѣтелями. Пифагоръ клялся числомъ 4, которое по его мнѣнію есть символъ Божества. Сократъ призывалъ въ свидѣтели *Бога истиннаго, бога друзей*. Mœurs des Grecs par Menard.

твами, которыя произнесъ Дафнисъ! — Въ самое сіе мгновеніе Купидонъ, оставя образъ Коронидинъ, является Пандрозъ въ собственномъ своемъ видѣ, общаетъ ей совершенное и продолжительное щастіе, и хочетъ самъ присутствовать при ихъ бракосочетаніи. Нѣжные любовники навсегда соединились.

Скоро Пандроза начала сожалѣть о прелестяхъ потеряннаго спокойствія; будучи еще чувствительнѣе прежняго, узнала она, что Купидоновы обѣщанія были ложныя, что она никакъ не была щастлива. Дафнисъ всегда увѣрялъ ее въ своей нѣжности; онъ говорилъ шѣ же слова, но сіи слова не имѣли уже силы убѣжденія. Пандроза не смѣла жаловаться; Дафнисъ почиталъ ее довольною, а сіе умножало еще горестъ Пандроzinу. Любезная Нимфа повѣряла одной Дріадѣ тайную свою печаль; въ обѣщаніяхъ ея проливала она горькія слезы, которыя сама богиня совѣщивала ей всегда скрывать отъ Дафниса.

Между тѣмъ нескромная посланница царя боговъ, быстрая Слава, пролетѣвъ Грецію, устремляетъ скорый полетъ свой
къ

къ Сициліи, и опускается на вершинѣ Эпны (*).

Повсюда разглашаетъ она, что новыя игры будутъ празднованы въ Элидѣ, и что дочь Архидамаса, прекрасная и гордая Циниска, на играхъ Олимпійскихъ будетъ состязаться о наградѣ въ бѣгѣ на колесницахъ, которой учредили Греки. Ся вѣдомость возбудила въ Дафнисѣ непреодолимое любопытство. Робкая Пандроза не имѣетъ силы прошивиться его предпріятію, наполняющему страхомъ сердце ея. Дафнисъ отправляется и оспаиваетъ Пандрозу угибшенную горестію. Напрасно старается она разсѣять себя: безпокойство мучитъ ее, свирѣпая ревность раздираетъ ея сердце. Наконецъ рѣшилась она слѣдовать за Дафнисомъ. Не смѣя обратиться къ Купидону, причинившему всѣ ея страданія; не дерзая просить его о помощи, обращается она къ Юпитеру. Повелитель боговъ и смертныхъ! говоритъ она: благоволи перенести меня въ то мѣсто, гдѣ теперь

Да.

(*) Слава, посланница Юпитерова, опускалась всегда на самыя высокія мѣста, чтобы разглашать великія новости; она никакъ не могла молчать.

Дафнисъ, и сдѣлай меня невидимою для всѣхъ, пока я сама захочу опять сдѣлаться видимою. Молитва ея была исполнена. Въ ту же минуту видящъ она себя въ Элидѣ, въ пространной и великолѣпной Олимпійской залѣ. Бѣгъ начался. Пандроза, будучи невидима, въ полѣ зрительской видящъ одного Дафниса, приближается къ нему и сначала чувствуетъ одну радость, будучи подлѣ своего любезнаго Дафниса; но дорого надлежало ей заплакать за сіе минутное веселіе.

Вдругъ является гордая и мужественная дочь Архидамаса. Она сидитъ на прекрасной колесницѣ, видомъ подобной раковинѣ и окованной золотомъ, котораго блескъ ослабляетъ глаза. Пурпуровое плащье, золотой поясъ и жемчужная діадема, составляли весь ея уборъ, и простой и величественной. Взоры всѣхъ присутствующихъ устремляются разсматривать ея величественную красоту. Она съ надежностію правитъ четырьмя конями своими, рядомъ запряженными, и останавливается у ограды. Тутъ съ гордостію и презрѣніемъ взглядываетъ на Принцовъ и Героевъ Греческихъ, которые дерзаютъ пускаться съ нею въ бѣгъ. На лицѣ ея видна увѣренность въ по-

побѣдѣ; всѣ сердца жадаютъ ей сей побѣды, и самые соперники ея удивляются, что вызвались состязаться съ нею объ оной.

Среди пространнаго округа, который надлежитъ проскакать колесницамъ, возвышается величественный олтарь, на коемъ поставленъ мѣдный орелъ съ разпущенными крыльями: приводятъ въ движеніе сокровенную машину, орелъ потрясается и машетъ крыльями; громкій звукъ трубъ даетъ знакъ къ бѣгу, и колесницы вскакиваютъ въ ограду. Прекрасная Циниска всѣхъ обскакиваетъ, будучи ободряема звукомъ трубъ и громкими восклицаніями зрителей. Напрасно униженные соперники ея, переходящіе отъ удивленія къ ревности, стараются привести ее въ замѣшательство крикомъ своимъ, и не могли догнать ея колесницы, хотя и по крайней мѣрѣ устрашить ее. Циниска пребываетъ спокойно и не чувствуетъ шума зависти; она стремится къ славѣ, и видитъ одни безсмертные лавры, которыми увѣнчаетъ ее опеченство ея. Наконецъ достигаетъ она цѣли, сходитъ поспѣшно съ своей колесницы и обнимаетъ древній дубъ, священное дерево, которое полагаетъ предѣлы бѣгу. Крикъ
радо-

радостный раздастся по воздуху. При звукахъ музыки и восклицаніяхъ многихъ голосовъ, прославляющихъ ся имя, везущъ Циниску на шріумфальной колесницѣ на другую сторону ограды ко гробу Эндиміона (*), сажаютъ на великолѣпный тронъ, блистающій золотомъ и серебромъ, украшенный лучшимъ Тирскимъ пурпуромъ и вѣнками виноградными и лавровыми

(*) Нѣкоторые пишутъ, что онъ царствовалъ въ Элидѣ и былъ такъ прекрасенъ, что Луна влюбилась въ него; что когда Юпитеръ обѣщалъ ему исполнить всякое желаніе его, то онъ пожелалъ не умирая вѣчно спать; что и исполнилось. Другіе говорятъ, что Юпитеръ приравновалъ къ нему Юнону, и для того послалъ на него вѣчной сонъ; что Діана, прогнавъ его неудачіемъ, и боясь дальнѣйшихъ слѣдствій Юпитерова гнѣва, скрыла его на одной горѣ. Но нѣкоторые и изъ самыхъ древнихъ почитали сіе за баснь, и утверждали, что Эндиміонъ былъ женатъ, имѣлъ дѣтей и умеръ естественною смертію, по мнѣнію однихъ въ Олимпіи, гдѣ и гробъ его показывали, а по мнѣнію другихъ на горѣ Лаemosъ, на которой одно мѣсто называлось *гробомъ Эндиміоновымъ*.

выми. Циниска получаетъ награжденіе, и по томъ начинаются новыя игры.

Соспязаются о превосходствѣ въ пѣніи. Дафнисъ входитъ въ ограду. Пандроза, пребывая невидимою, идетъ за нимъ. Нимфа, волнуемая ужаснымъ безпокойствомъ, съ пррешомъ видитъ Дафниса приближающагося къ прекрасной и опасной Цинискѣ. Ей открыто было сердце вѣреннаго супруга ея; однакожь она хочетъ еще сомнѣваться, не хочетъ вѣрить своему несчастію и спрашивается худо думать о своемъ любезномъ, хотя и питаетъ ревность въ сердцѣ своемъ. Между тѣмъ Дафнисъ беретъ лиру и поетъ, и первое слово пѣсни его было — имя Циниски. Несчастная Пандроза содрогается. Она слышитъ Дафниса прославляющаго ея совѣстницу, и въ выраженіяхъ его находитъ ту страсть, томъ жаръ, съ которымъ онъ нѣкогда жаловался на ея жестокость. Увы! сказала она: такъ прежде воспѣвалъ онъ Пандрозу! — Восхищенные Греки плещутъ руками. Дафнисъ, нечувствительный къ славѣ, занимается одною Цинискою. Ему даютъ преимущество въ пѣніи; онъ получаетъ миртовый вѣнецъ,

спѣ-

спѣшитъ къ Цинискѣ и къ ногамъ ея
повергаетъ и вѣнецъ и лиру свою. . . .

Вдругъ густая тьма упадаетъ на глаза его и скрываетъ отъ его зрѣнія свѣтъ солнца. Боги мстители! восклицаетъ несчастный . . . слова замираютъ на трепещущихъ устахъ его. Пандроза бросается къ нему. Невѣрный и несчастный Дафнисъ безъ чувствъ упадаетъ въ объятія къ Нимфѣ, которую онъ обманулъ. Меркурій, тронутый судьбою сына своего, покрываетъ супруговъ облакомъ, скрываетъ ихъ отъ глазъ удивленныхъ зрителей и переноситъ въ Тессалію, на прекрасную долину Темпу, близъ горы Олимпа. Меркурій тихо кладетъ сына своего на мураву. Дафнисъ все еще пребываетъ въ глубокомъ обморокѣ. Пандроза, стоя подлѣ него на колѣняхъ, обливаетъ его лице слезами. Нимфа была уже видима. Меркурій съ изумленіемъ ее разсматриваетъ, удивляясь ея красотѣ и еще прогашельнѣйшей пріятности. Купидонъ, воскликнулъ онъ, жестокой Купидонъ! какія несчастія ты причиняешь! О Пандроза! когда и тебя не могъ Дафнисъ любить постоянно, то

Часть. XIV. Но. 22. И какая

какая же Нимфа можетъ надѣяться на вѣрность своего любовника! . . . Несчастіе сына моего соразмѣрно его преступленію. Увы! я не могу перемѣнить судьбы его; не имѣю никакой власти надъ его сердцемъ; не могу даже и зрѣнія возвратить ему. Надлежитъ ему пострадать за его преступленіе: таковъ приговоръ боговъ мстителей, его гонящихъ. Но тебѣ, прекрасная Нимфа не должно вздыхать подъ бременемъ той цѣпи, которую разорвалъ неблагодарный сынъ мой; и такъ предложу тебѣ средство, которое можетъ возвратить тебѣ потерянное спокойствіе.

Близъ сей долины, у подошвы горы Олимпа, находишься источникъ Аргира, котораго хладныя воды имѣютъ силу испрелять несчастную любовь, даже и изъ самой памяти (*). Но чтобы приблизиться къ берегамъ его, должно вооружиться непоколебимымъ мужествомъ. Самъ Купидонъ не допускаетъ къ оному. Ты уви-

(*) О семъ источникъ было упоминаемо въ *деревенскихъ вечерахъ*.

увидишь его не играми и радостями окруженного, исполненного невинности и пріятностей, однимъ словомъ, такого, каковъ кажется онъ, когда хочетъ дrelщать — но грознаго, повелительнаго и страшнаго, вооруженнаго ядовитыми стрѣлами своими и съ гнѣвомъ тебя опгоняющаго; мрачная и печальная Ре-внось, держащая кинжалъ въ рукѣ, будетъ подкрѣплять его усилія, а пріятная и обманчивая Надежда, простирая къ тебѣ свои объятія, будетъ всячески спараться удалить тебя отъ щасли-выхъ водъ, которымъ надлежитъ окон-чать твои спраданія. Но не усстрашись: всѣ сіи ужасающіе или прельщающіе пред-меты суть мечты, пустыя спрашилищи, копорыя будутъ отъ тебя удаляться по мѣрѣ твоего приближенія къ источнику, и копорыя, подобно лeтучимъ сновидѣ-ніямъ, совсѣмъ исчезнутъ, еcли ты мужеспвенно будешь продолжати путь свой. Мнѣ не позволено провождати тебя къ сему спасительному источнику; я могу шолько сказывать къ нему до-рогу.

Ахъ! сказала Пандроза съ глубокимъ вздохомъ: я конечно бы имѣла мужеспво

предпріять и совершить сіе трудное
 пушешествіе; но взгляни, о сынъ Юпите-
 ровъ! на сего несчастнаго . . . Вѣ какое
 ужасное состояніе привела его немилосер-
 дая судьба! . . . Что будетъ съ нимъ,
 естли я перестану любить его! . . .
 Такъ, Дафнисъ, любезный и несчастный
 супругъ! я сохранию сіи чувства, кото-
 рыя раздираютъ сердце мое, но кото-
 рыя по крайней мѣрѣ могутъ облегчить
 тягость твоего страшнаго положенія! . . .
 Увы! горестная Пандроза можетъ утѣ-
 шать себя посредствомъ одного обмана;
 но чтобы не дать себѣ впасть въ отчая-
 ніе, она на все рѣшится! . . . Исполни
 мое прошеніе, о Меркурій! Когда пре-
 красная Циниска по окончаніи бѣга была
 везена въ пріумфѣ, она громогласно
 благодарила Олимпійскаго Юпитера: увы!
 я видѣла, какое движеніе произвелъ въ
 Дафнисъ голосъ ея! . . . Дай же мнѣ,
 вѣстникъ боговъ, сей прельстившій его
 голосъ, чтобы Дафнисъ, пришедши въ
 чувство, могъ думать, что любезная его
 подлѣ него; что нѣжная рука ея опи-
 раетъ его слезы и водитъ его! . . . При-
 сущствіе мое было бы для него въ сіи
 первыя минушы жестокою, мучительною
 укори-

укоризною; я не такъ свирѣпа, чтобы подъ видомъ утѣшенія умножать его страданіе. Пусть припишетъ онъ моей совмѣстницѣ тѣ пощечины, которымъ посвящаю жизнь мою: я на сіе согласна — и еслии могу облегчить судьбу его, то ничто для меня не дорого.

Великодушная Нимфа! сказалъ Меркурій: желаніе твое исполнилось. Голосъ твой будетъ совершенно подобенъ голосу твоей совмѣстницы, которой бы никогда не надлежало отдавать предъ тобою преимуществъ; но какому мученію подвергнешъ тебя заблужденіе твоего возлюбленнаго! Желаю, любезная Пандроза, чтобы ты получила достойную награду за свою нѣжную и вѣрную любовь. — Сказавъ сіи слова, Меркурій прикоснулся своимъ жезломъ къ Дафнису. Вдругъ Дафнисъ оживаетъ, вскакиваетъ, открываетъ глаза и чувствуя слѣпоту свою, рыдаетъ и стонаетъ. Утѣшись, сынъ мой, сказалъ Меркурій: Купидонъ, причина твоего несчастія, предлагаетъ тебѣ утѣшеніе. — По томъ сынъ Юпитеровъ оставляетъ Дафниса, поднимается на воздухъ и исчезаетъ.

Дафнисъ, думая, что онъ одинъ, выражаетъ свое отчаяніе прогашельнѣйшими жалобами. Пандроза, слушая его, проливаетъ слезы. Она знаетъ, что начавъ съ нимъ говорить, можетъ облегчить его горестъ; однакожь не можетъ рѣшиться прервать молчанія, спрашась восхищенія, въ которое привели бы Дафниса первыя слова ея — горестъ его мучительна для нее; однакожь и радость его спала бы терзать ея сердце. Но наконецъ сожалѣніе побѣдило ревность. Дафнисъ! сказала она: ты здѣсь не одинъ; нѣжно тебя любящая печется о тебѣ. . . Боги! перервалъ Дафнисъ: боги! что я слышу? . . Не мечтается ли мнѣ? Дѣйствительно ли слышу я Цинискинъ голосъ? . . . Ты умолкаешь! . . . Ахъ! говори, кто бы ты ни была! Дай мнѣ насладиться пріятностію твоего голоса! . . . Ты ничего не отвѣчаешь . . . Увы! не уже ли я мечтаю? — Нѣтъ, Дафнисъ, отвѣтствовала несчастная Пандроза: я съ тобою, и никогда тебя не оставлю. Эшо она, воскликнулъ восхищенный Дафнисъ: эшо Циниска! . . . О ты, кошую обожаю, божественная Циниска! ты перемѣняешь судьбу мою! Будучи въ такомъ состоя-

ніи,

ніи, вѣ какомѣ я нахожуся, только для тебя одной могу любить жизнь! . . . Но знаешь ли ты ужасное мое состояніе? Будучи подлѣ тебя, не могу тебя видѣть. Но зная, что ты меня любишь, и слыша тебя говорящую, долженѣ я благословлять судьбу мою. Гдѣ ты, Циниска? Приблизься ко мнѣ; позволь мнѣ упастъ къ ногамѣ твоимѣ! . . . Боги! ты подаешь мнѣ руку! . . . Я прижимаю къ сердцу моему, омочаю слезами сію благодѣтельную и любезную руку, которая будетѣ водить несчастнаго, лишеннаго зрѣнія! . . . Ты воздыхаешь, Циниска? . . . Ахѣ! не сожалѣй обо мнѣ; ибо только съ сей минуты познаю истинное счастье.

Дафнисѣ! сказала Пандроза: признаюсь, что тайное беспокойство мучитѣ меня, не могу надѣяться на твою вѣрность, зная, что ты любилѣ одну Нимфу, и что . . . Нѣтъ, перервалѣ съ жаромѣ Дафнисѣ, нѣтъ! я не любилѣ ее; я обманывался въ своихѣ чувствахѣ, и только тебя увидя почувствовалѣ я истинную любовь. Вѣришь ли мнѣ, любезная Циниска? . . . Ты плачешь? — Увы! сказала Пандроза: я сожалѣю о судьбѣ сей

несчастной Нимфы. . . . Уже ли ты, Дафнисъ, и не сожалѣешь о ней? — Я всегда буду почитать ее, ошвѣщствовалъ Дафнисъ со вздохомъ: но разрывая связь мою съ нею, даю ей полную свободу вступить въ новое обязательство, которое можешь утѣшить ее. — Что ты говоришь? воскликнула Пандроза: жестокой! можно ли тебя когда нибудь забыть? — Какою благодарностію наполняешь ты сердце мое, божественная Циниска! сказалъ Дафнисъ: но не суди по своему сердцу о сердцѣ Пандрозиномъ; съ чувствами своими можешь только мои сравнивать. — Такимъ образомъ каждое Дафнисово слово пронзало сердце весьма чувствительной Пандрозы.

Какъ скоро ночь разпустила мрачныя свои крылья, невидимая Юпитерова рука перенесла Дафниса и Пандрозу, погруженныхъ во снъ, къ подошвѣ Эпны. Пасхухъ, проснувшись, думаетъ, что онъ все еще находится близь горы Олимпа; а Нимфа не выводитъ его изъ сего заблужденія.

Пандроза, вѣрно исполняя наложенную ею на себя должность, всякой день
слу-

служила Дафнису проводникомъ, отъ восхожденія Авроры до самой ночи. Всегда водила она его по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ все воспоминало ему прежнее его щасіе. Иногда садился онъ подъ тѣнію того дерева, на которомъ рука его начертывала прежде имя Пандрозы; иногда же покоился въ томъ лѣску, гдѣ Нимфа внимала первымъ обѣтамъ его. Но невѣрный пастухъ говорилъ объ одной дочери Архидамасовой, и Пандрозъ клялся вѣчно любить Циниску.

Тысячу разъ хотѣла несчастная Нимфа открыть тайну свою; но страхъ ввергнуть Дафниса въ отчаяніе всегда ее отъ того удерживалъ. Въ сердцѣ своемъ рѣшилась она нѣкогда открыться; но чувствовала и то, что дальнѣйшая отсрочка можетъ быть ей полезна, и что благодарность Дафнисова будстѣ тѣмъ живѣе. Сія мысль оживляла Пандрозу и подкрѣпляла ея терпѣніе. Она надѣялась, что время ослабитъ любовь Дафниса къ Цинискѣ; однакожь въ семъ обманулась. Пандроза, часто раздражаемая, всегда недовольная и печальная, не показывала никакой снраспи къ Дафнису; Дафнисъ

не бывъ увѣренъ, что мнимая Циниска любитъ его такъ, какъ онъ ее любитъ, безпокоился, грустилъ: увѣренность усыпляетъ любовь, безпокойство пробуждаетъ и питаетъ ее.

О Циниска! говорилъ онъ: я тебѣ всемъ обязанъ; однакожь ты не любишь меня такъ спраспно, какъ я тебя люблю. Часто холодность твоя приводитъ меня въ отчаяніе. Съ равнодушіемъ слушаешь ты всѣ пѣсни, которыя для тебя сочиняю. Я могу воспѣвать только одну Циниску, ее дражайшее имя твержу безпрестанно: — уже ли такая любовь тебя не трогаетъ? . . Уже ли одному великодушному сожалѣнію обязанъ я тѣмъ стараніемъ, которое прилагаешь ты о моемъ утѣшеніи? . . Ахъ, Циниска! естьли сіе подлинно такъ, то оставь несчастнаго Дафниса! Естли его не любишь, то не думай, чтобы ты могла утѣшать его! — Неблагодарный! отвѣтствовала Пандроза: такъ, Дафнисъ! ты не можешь вообразить себѣ, сколь ты неблагодаренъ. — О восхитительная укоризна! восклицалъ Дафнисъ: любезная, божественная Циниска! отъ одного слова тво-

твоего исчезаютъ всѣ мои безпокойства!
Увы! почто выраженія твои только
тогда любовію оживляются, когда ты
жалуешься на своего любезнаго!

Таковы были разговоры Нимфы съ
пастухомъ. Въ семъ мучительномъ со-
стояніи Пандроза двукратно видѣла на-
ступленіе весны. Наконецъ, толь долгое
время хранивъ тайну, рѣшився от-
крыть ее Дафнису. Она идетъ на берега
озера Палисковъ; приближается къ дерно-
вому олтарю, сдѣланному нѣкогда Даф-
нисомъ близъ сихъ водъ, и, упавъ на
колѣни, призываетъ жестокаго бога, при-
чинившаго ея мученія. Купидонъ! гово-
ритъ она: благоволи изсушить источ-
никъ слезъ моихъ, возврати мнѣ сердце
Дафнисово, сойди для меня еще на берега
сіи! Вѣрность молютъ тебя о семъ: явись
и отвѣтствуй на голосъ ея, тебя при-
зывающей!

Вдругъ является Купидонъ на высо-
тѣ воздушной, несется на облакѣ, оста-
навливается надъ олтаремъ и говоритъ
Нимфѣ: о ты, украшеніе и слава моего
царства, нѣжная Пандроза! почто не
могу

могу исполнить твоего прошенія! Но я могу только дѣлать сердца невѣрными, и донинѣ никогда еще снова не возжигалъ погасшаго огня любви. Однакожъ, еслили Купидонъ можетъ сдѣлать такое чудо, вѣрная Пандроза будетъ его предметомъ. Желая сего, о великодушная Нимфа! но обѣщать не дерзаю. Поди къ своему возлюбленному: Юпитеръ дастъ тебѣ силу возвратишь ему зрѣніе; какъ скоро пожелаешь того, Дафнисъ увидитъ свѣтъ.

Сказавъ сіи слова, Купидонъ удаляется, покрывается облакомъ и исчезаетъ. Какъ! восклицаетъ радостная Пандроза: Дафнису возвращается зрѣніе, и только мнѣ одной будетъ онъ обязанъ такимъ неожиданнымъ щастіемъ, и въ то же время узнаетъ, что я для него дѣлала! Ахъ! могу ли еще беспокоиться! Такое порочное беспокойство сдѣлало бы меня недостойною любезнаго моего Дафниса. Ты конечно будешь меня любить по прежнему: зная твое доброе сердце, могу ли въ томъ сомнѣваться? — Сказавъ сіе, летишь въ розовый и миртовый лѣсокъ, гдѣ находитъ Дафниса, и
трепе-

шрепещущою рукою схвативъ руку своего любезнаго, спѣшилъ съ нимъ къ берегамъ озера Палисковъ; приводитъ его къ олтарю Купидонову и говоритъ: Дафнисъ! прозри, и узнай руку, доннынъ тебя водившую! — Дафнисъ шрепещетъ: Пандроза сказала слова сіи природнымъ своимъ голосомъ, и сей пріятный, нѣжный голосъ ужасаетъ сердце виновнаго Дафниса. Онъ видитъ свѣтъ и содрогается, находясь на берегу священнаго озера, страшнаго для клятвопреступниковъ. Увидя Пандрозу еще болѣе ужасается, болѣе шрепещетъ. Смертная блѣдность покрываетъ его лице и ясно показываетъ сираданіе сердца его. Онъ сползъ неподвижно и потупляетъ въ землю глаза, слезами наполненные.

О Дафнисъ! сказала Пандроза: перестань ужасаться! Замѣшательство, тебя терзающее, мучительно для моего сердца. Приведя тебя на сіи страшные берега, хотѣла я только напомнить тебѣ соединяющій насъ священный союзъ. Не требую новыхъ клятвъ, увѣрена въ сердце твоемъ, и всякой обѣщью, не нужную для моего успокоенія, почту ошъ тебя

за

за оскорбленіе. Въ собственномъ моемъ сердцѣ, въ нѣжной любви моей нахожу ту увѣренность, которая нужна для счастья моего супруга, для моего собственного счастья.

Говоря сіе, Пандроза приближается къ Дафнису и простираетъ къ нему руки свои. Пастухъ взираетъ на небо, и въ глазахъ его изображается живѣйшая горестъ; слезы лѣются по лицу его; нѣсколько минутъ пребываетъ въ молчаніи, и наконецъ, бросясь на колѣни предъ Пандрозою, говоритъ ей: нѣтъ, я не хочу во зло употреблять твоего великодушія, не хочу тебя обманывать. Добродѣтельная супруга, возвратившая зрѣніе несчастному! познай свою и мою участь! Я посвящаю тебѣ жизнь мою, и тысячу разъ готовъ бы ею тебѣ пожертвовать, если бы сіе было возможно. Сердце мое исполнено къ тебѣ благодарности, почтенія; я удивляюсь тебѣ, но Дафнисъ останавливается. Говори, варваръ! восклицаетъ Пандроза: скажи, чпо ты меня не любишь, и пронзи сердце мое сими ужасными словами! — Дафнисъ ничего не отвѣщивовалъ. Возмо-
но

но ли, продолжала Нимфа, возможно ли, чтобы Дафнисъ еще предпочиталъ мнѣ Циниску? Поспой, сказалъ Дафнисъ, не умножай мученія несчастнаго Дафниса, котораго судьба и безъ того весьма горестна. Къ Цинискѣ я чувствую то, что чувствовалъ къ тебѣ прежде начала моего несчастія; любовь, которую теперь имѣю къ тебѣ, конечно не столь жива и страстна, но глубоко вкоренена въ сердце моемъ и продолжится во всю мою жизнь. Циниска противъ воли моей занимаетъ мое воображеніе, но ты всегда будешь владѣть сердцемъ моимъ.

Пандроза блѣднѣетъ и трепещетъ; смертный хладъ разливается по жиламъ ея и проникаетъ въ самое сердце, отъ котораго надежда навсегда удаляется. Что я слышу? восклицаетъ она: какой новой свѣтъ озаряетъ глаза мои? Наконецъ разсудокъ разсѣваетъ суешныя мечты... Какъ! я искала блаженства своего въ такой слѣпой и минутной любви, которую производитъ одно воображеніе, которая исчезаетъ безъ причины, и которой самая справедливая благодарность оживить не можетъ? . . . Дафнисъ! оп-
кажем-

кажемся навсегда отъ сей безразсудной любви. Нѣжная и вѣрная дружба награди́тъ насъ за претерпѣнныя нами горести. Пойдемъ, разрушимъ олтарь Купидоновъ, и на развалинахъ сего олтаря можемъ мы предъ лицомъ боговъ, не бояся преступить нашихъ обѣщанъ, обѣщаясь бытъ до гроба вѣрными друзьями.

И С Т О Р І Я

ГЕРЦОГИНИ Ч*** (*)

О вы, которые любите замѣчать движенія сердца человѣческаго, и въ разсматриваніи чувствъ его находите важнѣйшее и полезнѣйшее для себя упражненіе! въ жизни моей найдете вы для себя нѣчто примѣчанія достойное — нѣчто такое, что можетъ разпространить ваши познанія о сердцѣ человѣческомъ. По крайней мѣрѣ естественная связь чувствъ и мыслей будетъ вамъ пріятна. Вы не увидите совершенной картины, во всѣхъ частяхъ отпѣненной кистию Рафаелевою; вамъ представляется одно легкое начертаніе, но начертаніе справедливое, во всѣхъ частяхъ соразмѣрное — не каррикатура. Снесишесь съ своими

Часть XIV. No. 23. I опы-

(*) Основаніе сей повѣсти совершенно истинно. Деятелиѣннее заключеніе въ подземной шемницѣ, куда свѣтъ не проникалъ никогда; ложное объявленіе о смерти Герцогининой, образъ ея жизни, ея избавленіе — все сіе истинно. Сочинительница въ 17** году видѣла въ Римѣ Герцогиню Ч***

опышами, наблюденіями, и вы конечно скажете: *такъ!*

Я родилась въ Римѣ, и была одна дочь у родителѣй моихъ, весьма богатыхъ и знатныхъ. Воспитывали меня наилучшимъ образомъ. Имѣя нѣжнѣйшую мать и хорошаго отца, которые любили меня болѣе всего на свѣтѣ, наслаждалась я рѣдкимъ щастіемъ. Мнѣ минуло четырнадцать лѣтъ, и до сего времени не чувствовала я никакой горести, не имѣла никакой болѣзни, не проливала никакихъ слезъ, кромѣ слезъ умиленія или радости. Я любила вспоминать прошедшее, съ восхищеніемъ наслаждалась настоящимъ, и въ будущемъ видѣла однѣ радости, одно щастіе. Въ самомъ еще младенчествѣ подружилась я съ дочерью друга матери моей, а съ лѣтами дружба наша болѣе и болѣе укрѣплялась. Она была добросердечна и чувствительна; но будучи весьма молода, не имѣла довольно опытовъ, и не могла мнѣ подавать совѣтовъ, хотя я имѣла къ ней совершенную довѣренность. Я любила и весьма уважала мать мою, но не почитала ее другомъ моимъ; для того что она допустила меня избрать себѣ друга

друга почти одинакихъ со мною лѣтъ, да еще и споспѣшествовала сей опасной связи. Сія неосторожность мнѣ дорого стоила; она была главною причиною всего моего несчастія. Подруга моя вышла за мужъ за Маркиза Венузи, въ котораго она около года была влюблена; я знала ея тайну, и сія повѣренность весьма разгорячила мое воображеніе и нѣкоторымъ образомъ развратила мое сердце. Пріятельница моя, спустя два дни послѣ своего замужства, поѣхала съ мужемъ своимъ въ деревню, которая была въ тридцати миляхъ отъ Рима, и гдѣ у Маркиза былъ прекрасной домъ. Мать моя поѣхала съ ними и взяла меня съ собою. Маркиза Венузи была меня старѣе тремя годами, вела себя всегда благоприсойно и показывала въ себѣ много ума; и такъ, хотя было ей и не болѣе девятнадцати лѣтъ, мать моя безъ всякаго опасенія оставляла меня одну съ нею. Въ одинъ вечеръ послѣ ужина Маркиза предложила мнѣ иппи прогуливаться въ садъ. Мы пошли съ нею однѣ, вошли въ небольшой лабиринтъ и на поворотѣ одной алеи увидѣли молодого человѣка сидящаго на лавкѣ. Увидѣвъ насъ, онъ вспалъ. Луна освѣщала

предметы. Изумленіе, изобразившееся на лицѣ сего молодого человѣка; красота его и видѣ благородства — все сіе привело насѣ въ удивленіе. Мы подошли кѣ нему весьма близко; и какѣ онѣ отѣ насѣ не удалялся, то Маркиза спросила у него, кто онѣ. Сѣ великою учтивостію отвѣчалѣ онѣ, что по нѣкоторымѣ обстоятельствамѣ не можетѣ сказать своего имени, и въ ту же самую минуту ушелѣ отѣ насѣ. Будучи весьма удивлены симѣ приключеніемѣ, потчасѣ возвратились мы въ домѣ и сказали о томѣ Маркизу Венузи. Онѣ улыбнулся и далѣ намѣ почувствовать, что сей молодой человѣкѣ былѣ ему не неизвѣстенѣ; и какѣ я неперпѣливо хотѣла узнать болѣе, то онѣ отвѣчалѣ: я могу сказать вамѣ только то, что эшотѣ молодой человѣкѣ знашной фамиліи; что давно уже хотѣлѣ онѣ видѣть васѣ; и что, естли онѣ на то согласится, скажу вамѣ завтра имя его. На другой день опять начала я спрашивать его, но онѣ не хотѣлѣ мнѣ отвѣчать прямо и ясно. Ввечеру, когда мать моя легла спать, я пошла кѣ моей пріятельницѣ въ кабинетѣ ея; и въ то время, когда мы говорили о молодомѣ незна-

комцѣ,

комцѣ, вдругъ отворилась дверь, и вошелъ Маркизъ, держа въ одной рукѣ пошпенной фонарь, а другою ведя самаго того человѣка, котораго я споль неперпѣливо знать хотѣла. Отъ удивленія не могла я сойти съ мѣста. Маркизъ, подошедши ко мнѣ, сказалъ: представляю вамъ моего заключеннаго, которому, думаю, (говорилъ онъ съ улыбкою) не лзя уже мнѣ возвратить свободы, потому что онъ по безразсудности своей захопѣлъ васъ видѣть въ другой разъ. Я покраснѣла и пришла въ великое замѣшательство. Не смотря на мою молодость, чувствовала я нѣкоторымъ образомъ, какія слѣдствія можетъ имѣть такое приключеніе. Сперва хотѣла было я уйти, разбудить мать мою и рассказать ей все; но любопытство остановило меня и заспавило меня забыть должность мою. Маркизъ, принявъ на себя видъ важной, сказалъ, что онъ хочетъ намъ сообщить великую тайну. Я знаю, говорилъ онъ, что вы обѣ скромны, и что безъ всякаго опасенія можно вамъ все повѣрить. Послѣ сего предисловія Маркизъ заставилъ меня дать обѣщаніе хранить тайну, а молодой человѣкъ, начавъ говорить, сказалъ намъ, что онъ Графъ

Бельмиръ; что его опецъ, Маркизъ Бельмиръ, брашъ Герцогу Ч***, одному изъ знашнѣйшихъ людей въ Неаполѣ, которой, поссорившись съ нимъ, лишилъ его благосклонности Двора, и съ такою жестокостію гналъ его, что онъ принужденъ былъ оставить отечество и уѣхать во Францію, гдѣ онъ черезъ четыре года имѣлъ нѣкоторое несчастное дѣло, заставившее его искать прибѣжища въ иной землѣ; что Маркизъ Венузи, вѣрной другъ его, будучи тогда во Франціи и отправляясь въ Италію, уговорилъ его тайно возвратиться съ нимъ въ отечество свое, предложивъ ему жить въ его деревнѣ; что онъ уже при мѣсяца жилъ въ одномъ съ нами домѣ; что молодой Графъ Бельмиръ, слышавъ приписываемыя мнѣ похвалы, не могъ противиться желанію видѣть меня; что увидѣвъ меня ночью при свѣтѣ луны, усиленно просилъ онъ Маркиза Венузи доставить ему свиданіе со мною, которое для него было столь драгоцѣнно; и что на другой день ѣдетъ онъ съ опцомъ своимъ въ Венецію. Выслушавъ сію повѣсть, я встала, и, не смотря на Маркизовы убѣжденія, ушла въ свою комнату, чувствуя въ сердцѣ великую грусть. Я не смѣла разсуждать

о всемъ случившемся; спрашилась изслѣдывать сердце мое, боялась спроситься у моей совѣсти. Я не могла понять, какимъ образомъ безъ вѣдома матери моей и среди ночи была я въ состояніи слушать молодого человѣка, совсѣмъ мнѣ незнакомаго, которой осмѣлился говорить мнѣ о своей сипраспи. Ясно видѣла я, что мнѣ надобно остерегаться совѣтовъ Маркиза Венузи, и что и жена его не могла давать мнѣ хорошихъ наставленій. Опасность моего положенія приводила меня въ шрепетъ. Я съ ужасомъ предчувствовала, что невозвратно потеряю доброе свое имя, спокойствіе, и навсегда лишусь того щастія, которымъ наслаждалась до того времени. Маркиза Венузи скоро опять взяла прежнюю надомною власпъ, и безпрестанно говорила мнѣ о Графѣ Бельмирѣ. Сии опасные разговоры приводили въ заблужденіе разумъ мой, не уменьшая моей печали. Три мѣсяца прожили мы въ деревнѣ, послѣ чего возвратились въ Римъ. Въ концѣ зимы было много веселій. Маркизъ Венузи давалъ маскарадъ, въ которомъ была я съ матерью моею. Въ два часа по полуночи Маркиза предложила мнѣ итти въ ея комнату переѣннть плащье.

Мы вышли изъ залы, и проходя небольшо-
 шую довольно темную галерею, примѣшила
 я, что одна маска идетъ за нами. Въ на-
 кое пришла я удивленіе, какъ сія маска,
 подошедши ко мнѣ, упала на колѣни! Кого
 же я увидѣла? Самаго Графа Бельмира.
 Не смотря на мое изумленіе и на тайную
 мою радость, по первому движенію сво-
 ему хотѣла я уйти; но Графъ меня
 удержалъ и заклиналъ выслушать его.
 Онъ просилъ Маркизу уговорить меня,
 чшобы я оказала ему сію благосклонность.
 Она вмѣстѣ съ нимъ спала меня о томъ
 просить, и я по слабости согласилась на-
 конецъ исполнить прозьбу ихъ. Графъ
 сказалъ мнѣ, что дѣло отца его щасп-
 ливо окончалось. Что около шести не-
 дѣль живетъ онъ въ Неаполѣ, гдѣ видѣл-
 ся съ Герцогомъ Ч*** братомъ своимъ,
 и искренно съ нимъ помирился. „Отецъ
 „мой, говорилъ онъ, черезъ мѣсяць ѣдетъ
 „во Францію для нѣкоторыхъ своихъ
 „дѣлъ, но хочетъ непременно возвра-
 „титься въ свое опечество; а я, будучи
 „принужденъ ѣхать съ нимъ, захотѣлъ
 „узнать судьбу мою, и пріѣхалъ сюда
 „изъ Неаполя единственно для того, что-
 „бы увѣриться въ щастіи или нещастіи
 „моемъ. Говорите же, сударыня, гово-
 „ри-

„рише ! Естѣли вы меня ненавидише, то
 „я навсегда прощаюсь съ вами. Будучи
 „презираемъ вами, оставляю навсегда Ита-
 „лію — никогда не возвращусь въ нее.
 „Говорите: вашъ отвѣтъ заставитъ ме-
 „ня возвратиться въ мое отечество, или
 „навсегда удалиться отъ него. „ — Когда
 Графъ произнесъ сіи послѣднія слова, я
 не могла удержаться отъ слезъ. Сей
 отвѣтъ былъ весьма пониженъ. Графъ
 не требовалъ инаго. Онъ клялся, что
 вѣчно меня любить будетъ. Будучи увѣ-
 ренъ, что я люблю его; думая возвра-
 титься въ Римъ черезъ шесть мѣсяцовъ,
 и могши по знашности своей требовать
 руки моей, хотя онъ былъ и не столь
 богатъ, какъ я — Графъ былъ внѣ себя
 отъ радости; но сердце мое противъ
 моей воли, не ощущало подобной радости,
 питая въ себѣ какой-то тайной страхъ.
 Черезъ два мѣсяца послѣ сего свиданія,
 лишившаго меня навсегда всего спокой-
 ствія, Герцогъ Ч*** пріѣхалъ въ Римъ,
 и я видѣла его въ собраніи у Посла Фран-
 цузскаго. Когда мнѣ его наименовали, по-
 чувствовала я въ себѣ чрезвычайное волне-
 ніе, которое, вѣроятно, произошло отъ
 того, что я наслышалась о немъ много
 худаго отъ Маркиза Велузи; говоря о

его поступкахъ противъ Маркиза Бельмира, описалъ онъ мнѣ Герцога человѣкомъ мстительнымъ и скрытнымъ. Герцогъ Ч * * * будучи тогда припцани шести лѣтъ, былъ собою весьма хорошъ; но въ глазахъ его видна была нѣкоторая коварность и свирѣпость, которая при первомъ взглядѣ занимала вниманіе болѣе, нежели правильность чертъ лица его и хорошій его станъ. Взоръ его былъ весьма проницателенъ и дикъ; и когда хотѣлъ онъ сдѣлать его пріятнымъ, то видно было въ немъ притворство. Всѣ его поступки вообще были отвращительны; и хотя былъ онъ довольно учтивъ и знающъ въ обхожденіи, однакожь въ рѣчахъ и движеніяхъ его видна была несносная надменность. Гордясь знатностію своего рода, чинами своими, богатствомъ и благосклонностію Двора, не думалъ онъ, чтобы что нибудь могло противиться его воли. Будучи испорченъ во внутренности своего сердца, не умѣлъ онъ побѣждать страстей своихъ и противиться порочнымъ движеніямъ. Онъ былъ непримиримъ, и будучи однажды оскорбленъ, никогда не прощалъ, вѣчно гналъ своихъ непріятелей, и всемъ жертвовалъ злобному удовольствію мстить.

Таковъ

Таковъ былъ Герцогъ Ч * * *. Увидѣвъ его въ первой разѣ, почувствовала я отъ него непреодолимое отвращеніе; но, къ несчастію моему, онъ почувствовалъ ко мнѣ совсѣмъ иное. Скоро познакомился онъ съ нашимъ домомъ, и недѣли черезъ двѣ послѣ того отецъ мой сказалъ мнѣ, что Герцогъ сватается за меня, и что черезъ мѣсяцъ надлежитъ мнѣ выйти за него за мужъ. Я далъ ему слово, примолвилъ отецъ мой, выдать тебя за него, не спрося на то твоего согласія; ибо я увѣренъ былъ, что ты съ удовольствіемъ вступишь въ такой выгодной для тебя союзъ, и выдешь за мужъ за такого человѣка, которой въ тебя влюбленъ, и которой со всѣхъ сторонъ любви удостоенъ. Я выслушала сіе объявленіе (которое было для меня спрашнѣйшимъ ударомъ), не могши произнести ни одного слова. Отецъ мой любилъ меня, однакожь не перпѣлъ противорѣчія. Что же я и сказать могла? Могла ли я прибѣгнуть и къ нежности матери моей? Какъ бы осмѣлилась я открыть ей сердце мое, признаться въ своемъ преступленіи и сказать, что я безъ ея вѣдома общалась вѣчно любивъ незнакомаго ей человѣка? . . . Тогда-то прямо почувство-

вала

вала я всю безразсудность своихъ поступковъ, то страшное несчастіе, которому подвергается молодая дѣвушка, не считая всегда матери своей искреннымъ и истиннымъ другомъ своимъ. Не могли ни жаловаться, ни говорить, и заключивъ во внутренности сердца всю горестъ свою, убѣгала я Маркизы Венузи, страшась ея опасныхъ совѣтовъ. Я думала, что однимъ послушаніемъ могу загладить свое преступленіе; подверглась судьбѣ своей, и щастіемъ своимъ пожертвовала той покорности, которую надлежало мнѣ имѣть къ волѣ моихъ родителей. Я вышла за мужъ за Герцога Ч*** и черезъ нѣсколько дней поѣхала съ нимъ въ Неаполь. Приѣхавъ въ сей городъ, и вошедши въ тотъ домъ, гдѣ мнѣ надлежало вѣчно жить — разлучась съ моею матерью, съ друзьями моими, со всѣми знакомыми — почувствовала я въ сердцѣ своемъ такую ужасную горестъ, которую описать не въ силахъ. Герцогъ, приписывая мою печаль разлукѣ моей съ родителями, старался утѣшать меня увѣреніями въ своей любви, за которую не могла я плащись ему подобнымъ чувствомъ. Я начала ѣздить ко Двору, и скоро примѣшила, что Герцогъ былъ чрез-

мѣрно

мѣрно ревнивѣ. Сіе меня немного оскорбляло; ибо я охотно бы предпочла уединенную жизнь большому свѣту. Но щесливой Герцогѣ не могѣ согласиться, чтобы я опспала опѣ Двора, не смотря на мое желаніе жить вѣ тишинѣ и на великую его ревность. Черезѣ шесть мѣсяцовѣ послѣ замужства моего услышала я, что Маркизѣ Бельмирѣ умерѣ во Франціи, и вѣ своемѣ завѣщаніи назначилѣ Герцога Ч * * * вѣ опекуны сыну своему, которому было еще только осьмнадцать лѣтъ, и которой, возвратясь вѣ Италію, занемогѣ вѣ Туринѣ. Черезѣ двѣ недѣли послѣ того Герцогѣ, вошедши ко мнѣ вѣ комнату, сказалѣ, что онѣ получилѣ письма опѣ своего племянника; что онѣ уже здоровѣ, но не хочетѣ ѣхать вѣ Неаполь, и пишетѣ ко мнѣ особое письмо, вѣ которомѣ проситѣ меня уговорить его, чтобы онѣ позволилѣ ему два года путешествовать по Европѣ. Сказавѣ сіе, Герцогѣ подалѣ мнѣ незапечатанное письмо. Я взяла его съ трепещомѣ, и съ великою робостію читала вслухѣ слѣдующее:

Милостивая Государыня!

„Хотя и не имѣю щастія знать
„васѣ, но думаю, что несчастіе мое мо-
„жетъ въ васѣ вселить ко мнѣ сожалѣ-
„ніе. Я лишился нѣжнѣйшаго, наилуч-
„шаго родителя Горестъ, терзавшая
„сердце мое, приближала меня ко смерти;
„но жестокіе друзья мои попеченіями
„своими принудили меня жить — жить
„и мучиться! . . Я лишился всего, для
„чего любилъ жизнь Простите мнѣ,
„милостивая Государыня, что я описы-
„ваю вамъ горестъ мою, которой вы не
„можете раздѣлять со мною; но сердце
„мое такъ ею наполнено, что проливъ
„воли моей говорю о ней. Извините ме-
„ня, извините, и пожалѣйте о несчаст-
„номъ! . . Покойной родитель мой завѣ-
„щаніемъ своимъ совершенно подчинилъ
„меня волѣ дяди моего; но я не могу
„повиноваться повелѣнію его бѣжать въ
„Неаполь. Тамъ родился отецъ мой —
„тамъ жилъ онъ двадцать лѣтъ . . .
„Все будетъ мнѣ воспоминаеть его; а сіе
„воспоминаніе для меня весьма мучительно.
„Нѣтъ, я не въ силахъ смуты бѣжать! ---
„Позвольте мнѣ, милостивая Государыня,
„быть увѣреннымъ, что вы одобрите мои
„чув-

„чувства и уговорите дяю моего опмѣ-
 „нить такое приказаніе, котораго ни
 „какѣ не могу исполнить. Изпросите
 „мнѣ позволеніе путешествовать — бѣ-
 „жать — удалиться отѣ Неаполя. На-
 „дѣюсь, что въ удаленіи отѣ Италіи об-
 „легчится шягосѣ моего состоянія, хо-
 „тя и увѣренѣ, что сердце мое никогда
 „уже не будетѣ способно къ принятію
 „впечатлѣній радости.

„Сѣ глубочайшимѣ почтеніемѣ имѣю
 „честь быть, и проч.

Графѣ Бельмирѣ.

Не могу изобразить ужаснаго замѣ-
 шательства и безпокойства, которое чув-
 ствовала я при чтеніи сего письма. Мнѣ
 казалось, что не лзя было не понять
 его двусмысленности; къ тому же Гер-
 цогѣ былѣ весьма недовѣрчивѣ и подозри-
 теленѣ. Однакожѣ, не зная, что его
 племянникѣ былѣ въ Римѣ, и будучи увѣ-
 ренѣ, что я никогда не могла его ви-
 дѣть, ни мало не думалѣ онѣ подозрѣ-
 вать меня въ любви къ нему. Что ка-
 сается до меня, то не могши болѣе ша-
 ить въ сердцѣ моемѣ мучительныхѣ для
 него чувствѣ, написала я на другой день
 письмо

письмо къ Маркизѣ Венузи, въ которомъ осмѣлилась жаловаться на судьбу мою, и признавалась, что не могу побѣдить несчастной своей спраспи. Маркиза, отвѣтствуя мнѣ на письмо мое, спрашивала у меня, какъ ведетъ себя Герцогъ. Я писала къ ней, что всякой день открываю въ немъ новые пороки, и въ характеръ его вижу такую жестокость, которая весьма оправдываетъ мое отъ него отвращеніе. Такимъ образомъ новою безразсудностію усугубляла я несчастіе свое. — Около сего времени имѣла я удовольствіе увидѣться съ моими родителями. Они пріѣхали въ Неаполь, зная, что я готовилась родить. Я родила дочь, которую стала сама кормить. Сіе пріятное упражненіе заставило меня нѣкоторымъ образомъ забыть мои горести, и я равнодушно сносила всѣ оскорбленія со стороны Герцоговой, которой съ нѣкотораго времени пересталъ принуждать себя и далъ свободу злобнымъ движеніямъ своего сердца. На другой день послѣ того, какъ я уже перестала кормить грудью дочь мою, вошелъ ко мнѣ Герцогъ и сказалъ, что въ ту же самую минушу надлежало намъ ѣхать въ его деревню, до которой стѣ Неаполя было двѣ-

двѣнаццать миль. Я взяла на руки дочь мою, кошорая сидѣла подлѣ меня, и, не сказавъ ни слова, вспала и пошла за Герцогомъ. Мы сѣли въ карету и поѣхали. Я держала дочь свою на колѣняхъ и ласкала ее. Герцогъ не говорилъ ни слова и во всю дорогу, казалось, былъ въ глубокой задумчивости. Пріѣхавъ въ замокъ, проѣхали мы черезъ подъемной мостъ; звукъ цѣпей его привелъ меня въ трепетъ. Въ сію самую минуту взглянула я на Герцога. Чшо вы? сказалъ онъ мнѣ: не уже ли ужасаетъ васъ видъ этого замка? Не уже ли почитаете его темницею? Сіи слова произнесъ онъ съ принужденною и злобною усмѣшкою, и въ глазахъ его видна была такая свирѣпая радость, чшо я ужаснулась. Хотѣвъ сокрыть свой страхъ, я наклонила голову и спала цаловать дочь мою, кошорая, чувствуя слезы мои текущія по ея лицу, начала плакать. Вопль ея пронизалъ во глубину моей души; я съ нѣжностію прижимала ее къ сердцу моему, и противъ воли моей зарыдала. Въ семъ состояніи вышла я изъ кареты. Герцогъ, вырвавъ у меня изъ рукъ дочь, отдалъ ее одному изъ людей своихъ, и схвативъ руку мою, повелъ меня въ замокъ.

мокѣ, взвелѣ на крыльцо и поцелѣ со мною по длинной галереѣ. Начинало смеркаться. Галерея, по которой мы шли, была чрезвычайно пространна и темна. Герцогѣ, ведшій меня съ великою поспѣшностію, вдругѣ остановился и сказалѣ мнѣ: вы прелещете, сударыня? Отѣ чего происходитѣ этотѣ ужасѣ? Развѣ вы не съ супругомѣ, котораго сердечно любите, которой и самѣ имѣетѣ всѣ причины любить васѣ? . . . Боже мой! воскликнула я: что значить этотѣ свирѣпой видѣ, этотѣ спрашной голосѣ? . . . Пойдемѣ, пойдемѣ, отвѣчалѣ онѣ: мы скоро изъяснимся. Сказавѣ сіе, Герцогѣ понесѣ меня почти на рукахѣ, потому что я не могла идти. Онѣ выпалилѣ меня изѣ галереи и привелѣ въ большую комнату. Я бросилась на кресла и дала свободное печеніе слезамѣ моимѣ. Онѣ вышелѣ и потчасѣ возвратился, держа въ рукѣ свѣчу, которую поставилѣ на столѣ прошивѣ меня, а самѣ сѣлѣ подлѣ него. Я не смѣла смотрѣть на него, и насилу дышала; будучи въ страхѣ и пощупавъ глаза въ землю, съ прелепомѣ ожидала я, что онѣ начнетѣ говорить. Всѣ мои преступленія представились вдругѣ моему воображенію, и я съ ужасомѣ помышляла,

что

что открыта несчастная тайна сердца моего — сіе сердце, исполненное порочной любви, билось и препстало передъ раздраженнымъ судією. . . . О какъ бы я была спокойна и мужественна, еслибы была невинна! Но я чувствовала свое преступленіе, чувствовала угрызеніе совѣсти, и ужасалась. Наконецъ сказалъ Герцогъ: довольно веселился я тайнымъ безпокойствомъ порочнаго сердца твоего; пора еще болѣе увеличить твое страданіе. Прочитай эшотъ списокъ — вошъ письма, списанныя собственною моею рукою. — Тутъ подалъ онъ мнѣ связку бумагъ; но видя, что я не беру ихъ, вынулъ онъ изъ нихъ одинъ листокъ и началъ читать вслухъ. По первымъ словамъ узнала я, что эшо было письмо мое къ Маркизъ Венузи, въ которомъ я говорила ей прямо о тайной любви, наполнявшей сердце мое, и о непреодолимомъ отвращеніи отъ Герцога. Боже мой! воскликнула я. . . . Невѣрная! сказалъ Герцогъ: я не могъ сдѣлать тебя счастливою Я тебя избралъ, отдалъ тебѣ передъ всѣми преимущество; я обожалъ тебя, а ты меня ненавидѣла и почитала себя несчастною — ты чувствуешь отъ меня непреодолимое отвращеніе.

щеніе. Хорошо, я опрагую твою ненависть — впредь будешь ты имѣть причину ненавидѣть меня. Будучи побою обманушѣ, обруганѣ, уже ли могу оспавить тебя безѣ наказанія? Честь моя спраждетѣ Поспой, перервала я слова его: ты можешь винить меня, можешь меня наказывать, но не имѣешь права ругать меня. Хотя я и пишала вѣ себя, противѣ моей воли, несчастную любовь, однакожь честь твоя и моя ни вѣ чемѣ не поспрадала, и я должна винить себя только за неосторожное признаніе, за неосторожную довѣренность къ другу моему. Вѣроломная! сказалѣ съ гнѣвомѣ Герцогѣ: вотѣ твое осужденіе; слушай. — Тутѣ прочиталѣ онѣ изѣ одного письма моего слѣдующія спроки:

„Тотѣ, котораго ничто не можетѣ
„изпробить изѣ сердца моего, такѣ же
„какѣ и я несчастливѣ. Онѣ знаетѣ, какѣ
„я его люблю; знаетѣ, что признаніе
„мое вынѣ мучитѣ меня, дѣлаетѣ меня
„виновно о“

Я помнила сіе мѣсто письма моего; помнила и то, что не вѣ одномѣ письмѣ не именовала я Графа Бельмира, и говорила

рила о немъ всегда такъ неопредѣленно, что не лзя было узнать, когда именно началась любовь моя. Герцогъ, будучи чрезмѣрно ревнивъ и съ начала замужства моего подозрѣвавъ меня въ любви къ двумъ молодымъ придворнымъ, былъ тогда увѣренъ, что кошорой нибудь изъ нихъ овладѣлъ сердцемъ моимъ, и по сему увѣренію имѣлъ причину почитать меня пресупницею, невѣрною женою, забывшею священной обѣтъ свой и влюбившеюся въ другаго человѣка. Для оправданія моего надлежало бы мнѣ сказать ему, что любовь моя началась еще прежде моего замужства, въ которое вступила я единственно изъ повиновенія къ волѣ родителей моихъ; но сіе признаніе могло бы все открыть ему. Онъ спалъ бы развѣдывать, могъ бы вспомнить тысячу обстоятельствовъ: письмо, полученное мною отъ его племянника; великое мое замѣшательство, съ которымъ я чинила его, и въ которое приходила я всегда, когда онъ произносилъ имя его; связь Маркиза Венузи съ отцемъ Графа Бельмира. Выведа его изъ заблужденія, могла бы я обнаружить тайну сердца моего и подвергнуть Графа Бельмира мщенію Герцога, отъ котораго онъ

совершенно зависѣлъ, будучи еще съ небольшимъ осьмнадцати лѣтъ и находясь подъ его опекою. Герцогъ почелъ мое молчаніе за безмолвное признаніе его безчестія и стыда моего, пришелъ въ великую ярость и вскочилъ со стула. Лице его пылало отъ гнѣва, глаза блиспали отъ злобы. И такъ, сказалъ онъ подошедши ко мнѣ, и такъ ты не можешь уже ничѣмъ извинить себя? Въ такомъ ли ты шеперь состояніи, произнесла я тихо и со вздохомъ, чтобы могъ выслушать мои оправданія! Клянусь Небомъ, что я невинна . . . Ты невинна? прервалъ онъ: ты еще осмѣливаешься это утверждать? . . . Не сама ли ты написала, что любовникъ твой знаешь, какъ ты его любишь? — Однакожь, отвѣчала я проливая слезы, я невинна; супружескихъ обязанностей ни въ чемъ я не нарушила. О чудовище лицемѣрія! воскликнулъ Герцогъ; препещи наказанія, для тебя приготавлиаемаго! . . . Сии слова, произнесенныя грознымъ, страшнымъ голосомъ, почла я за приговоръ къ смерти, упала въ ужасъ на колѣни, подняла руки къ небу и воскликнула: Боже, Боже мой! спаси меня! Ты моя надежда! . . . Встань, сказалъ мнѣ Герцогъ пищайшимъ

голосомъ: сядь и выслушай меня. Я повиновалась, смотря на него съ великою робостию. Нѣсколько минушъ не говорилъ онъ ни слова. По томъ, вздохнувъ весьма тяжело, сказалъ мнѣ: ты можешь сама чувствовать, какъ я пропущу, оскорбленъ, обиженъ Ты, нечитавшая меня свирѣлымъ и мспинельнымъ; ты, неблагодарная, которую до нынѣшняго времени любилъ я болѣе всего на свѣтѣ; которой всегда оказывалъ я одну нѣжность — ты можешь и должна теперь спроситься моего мщенія, мщенія весьма основательнаго. Между тѣмъ . . . я могу еще простить себя . . . могу. Но знай, что одна твоя искренность можетъ обезоружить гнѣвъ мой; напрошивъ того малѣйшее твое припворство погубитъ тебя невозвратно. Я могу удовольствоваться одною жертвою; но одна мнѣ надобна. Наименуй же мнѣ сію минушу злаго соблазнишеля твоего, заставившаго тебя забыть должности твоей, священныя клятвы, весь стыдъ Нѣтъ, перервала я, я не преступила должностей моихъ, не забыла клятвъ Я хочу, сказалъ Герцогъ возвыся голосъ, хочу знать имя твоего любовника; я велю тебѣ наименовать его. Въ сію ми-

нупу почувствовала я весь ужасъ судьбы моей; но ободрясь и рѣшась лучше лишиться жизни, нежели согласиться погубить челоуѣка, сказала я Герцогу твердымъ голосомъ: естли тебѣ надобна жертва, то на что искать ее? Она въ твоей власти. Успреми на меня все мщеніе твое; потому что ты никогда не узнаешь имени, которое знать хочешь. Будучи удивленъ моею смѣлостію и твердостію, Герцогъ стоялъ неподвижно, не находя словъ, которыя, могли бы выразить его гнѣвъ и злобу. Наконецъ съ ужаснымъ жаромъ воскликнулъ онъ: несчастная! я никогда не узнаю его? ... Но я вижу, говорилъ онъ, спараясь нѣсколько успокоиться, что ты не имѣешь никакого понятія о той крайности, до которой я дойти могу въ моемъ мщеніи. Я на все готова, отвѣчала я, и такъ угнѣтена несчастіемъ, что могу презирать смерть. Смерть? сказалъ онъ: нѣтъ, не льсти себя смертію; я осуждаю тебя не на смерть. Около года скрываю въ сердцѣ злобу мою; около года размышляю о способѣ наказать тебя за твою невѣрность, и ты еще можешь думать, что я удовольствуюсь минувшимъ мщеніемъ? ... Нѣтъ, ты не умрешь ...

Гробъ

Гробъ подлинно приготовленъ для тебя; но ты пойдешь въ него живая, будешь желать смерти, и все еще жить будешь. --- Сіи слова привели меня въ трепетъ; кровь моя охладѣла, глаза закрылись и я упала въ обморокъ. Пришедши въ себя, увидѣла я себя окруженную моими служанками. Я спросила ту, которую болѣе всѣхъ любила, и которую привезла съ собою изъ Рима; но мнѣ отвѣчали, что она осталась въ Неаполѣ. Я поняла, что Герцогъ не велѣлъ ей съ нами ѣхать, не хотѣвъ, чтобы при мнѣ были такія люди, которыя въ судьбѣ моей брали бы участіе. Сіе обстоятельство умножило мою горестъ. Во всю ночь женщины отъ меня не отходили. Присутствіе ихъ было мнѣ тягостно, для того что при нихъ надлежало мнѣ принуждать себя и скрывать мучительныя свои чувства; однакожь я боялась и одна остаться. Всѣ сіи часы мучилась я угрызеніемъ совѣсти и ожиданіемъ ужаснаго наказанія. Въ шесть часовъ утра пошла я въ комнату къ моей дочери; она еще спала. Я выслала всѣхъ женщинъ, и сѣла подлѣ ея колыбели. Смотри на нее, я еще болѣе прежняго мучилась. Любезной младенцѣ! сказала я: ты спишь покойно и не мо-

жешь чувствовать мучительной горести несчастной твоей матери; не можешь раздѣлять ее со мною! . . . Можешь быть вижу я тебя въ послѣдній разъ . . . И такъ теперь благословляю тебя. — Упавъ на колѣни, сказала я: Боже мой! я готова претерпѣть все то, чѣмъ Тебѣ угодно наказать меня; но молю Тебя, чпобы Ты благоволилъ дочь мою сдѣлать щастливою — чпобы она была всегда добродѣтельна, и чпобы жизнь ея шла въ тишинѣ и спокойствіи. Еслили подлинно отнимешь ее у меня, то будь ей покровителемъ, будь ей вмѣсто матери ея! . . . Я зарыдала и не могла болѣе говорить. Въ сію минуту вдругъ отворились двери и вошелъ Герцогъ. Я зашрепeshала, увидѣвъ его; слезы мои остановились; я вспала и не могла стоять на ногахъ, упала на кресла. Одумалась ли ты? сказалъ Герцогъ: чувствуешь ли ты наконецъ весь ужасъ наказанія, тебѣ опредѣляемаго, еслили не исполнишь воли моей? — Я отвѣчала ему однимъ тяжелымъ вздохомъ. Скажешь ли мнѣ то имя, которое знать хочу? спросилъ Герцогъ: не уже ли и теперь все еще на-мѣрена ты никогда его мнѣ не сказывать? — Я подняла глаза къ небу и

молчала. Я требую решительного ответа, говорилъ Герцогъ: *назавенуешь ли мнѣ сего?*... Нѣтъ, отвѣчала я. И такъ ты осуждаешь сама себя, сказалъ онъ: посмотри на эпова младенца, и просишься съ нимъ навсегда... Нѣтъ воскликнула я, нѣтъ! ты конечно не такъ золъ, чпобы меня разлучить съ нею!... Ахъ! позволь мнѣ по крайней мѣрѣ иногда видѣться съ нею, и я безъ роппанія буду сносить все, чѣмъ ты меня мучишь *на-мѣренъ!*... Уже ли сердце твое совсѣмъ безжалостно?... Если же ты такъ безчеловѣченъ, то какъ бы ни мучительна была жизнь моя, но ты конечно будешь гораздо меня несчастнѣе: можешь ли злодѣй быть щастливъ?... Одна-кожь я не могу эпова думать... Нѣтъ, ты не отрицаешь у меня дочери моей. — Всю минушу дочь моя проснулась, открыла глаза, и посмотрѣвъ на отца, улыбнулась и протянула къ нему маленькія свои ручки. Смотри, сказала я, она за меня проситъ! О дочь моя! для чего ты не умѣешь говорить! ты бы конечно убѣдила отца своего... Тутъ хотѣла я взять ее на руки; но Герцогъ, схватя ее, сказалъ: оставь, оставь; она уже не пвол, Отними у меня жизнь, или

или отдай мнѣ дочь мою! воскликнула я: к ногамъ ли твоимъ надобно упасъ, чтобы смягчишь сердце твое? . . . Видишь! --- Сказавъ сіе, бросилась я къ его ногамъ, обливала ихъ слезами, обнимала его колѣни. Я забыла всю гордость и думала только о дочери. Герцогъ, казалось, утѣшался моимъ униженіемъ. Нѣсколько времени онъ меня разсматривалъ, по томъ съ гнѣвомъ отшолкнулъ отъ себя и пошелъ къ дверямъ. Я бросилась за нимъ и кричала: *дочь моя, любезная дочь!* . . . Она испугалась и начала плакать, протягивая ко мнѣ руки свои. Казалось, что она прощалась со мною. Увы! она скрылась отъ глазъ моихъ! Герцогъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты, и оставилъ меня въ отчаяніи. Черезъ минуту онъ возвратился и принудилъ меня идти въ мою комнату. По томъ, перемѣняя видъ лица своего, сказалъ мнѣ: ты думаешь, что у меня сердце безжалостное; однакожь . . . Онъ остановился и пощипалъ глаза въ землю — сіи глаза, которыхъ мрачной и дикой взоръ могъ бы открыть злобную его хитрость. Я была въ его власти, не знала его ужасаго намѣренія, не воображала, чтобы ему для чего нибудь нужно было при-

тво-

шворяться — мнѣ было только осмнѣваться — я думала, что онѣ раскаивается, поступивъ со мною чрезвычайно жестоко, или по крайней мѣрѣ хотѣлъ облегчить то ужасное наказаніе, которое опредѣлилъ было мнѣ въ первомъ жару гнѣва своего. Лучъ надежды ожилъ сердце мое. Я начала говорить о дочери. Герцогъ слушалъ меня съ мрачнымъ видомъ, однакожь не показывалъ никакого гнѣва. Казалось еще, будто бы онѣ былъ весьма пронупъ, но хотѣлъ сіе скрыть. Онѣ сказалъ мнѣ, что одна чрезвычайная любовь его ко мнѣ была причиною его жестокости, и что я могу увидѣть дочь мою, естли попечусь о своемъ здоровьѣ. Такая восхитительная надежда заставила меня забыть все претерпѣнное мною. Думая, что Герцогъ не безчеловѣченъ, находила я себя болѣе виновною и чувствовала, что онѣ имѣлъ причину ненавидѣть меня, и что по моимъ письмамъ онѣ могъ почитать меня преступницею. Я извиняла всю его жестокость, и была весьма пронупа сожалѣніемъ, мною въ немъ примѣченнымъ; но въ то самое время, какъ я въ искренномъ разкаяніи проливала слезы, свирѣпой вѣспѣвъ веселился, видя, что злобная

ная его хитрость удастся ему — въ сіе самое время готовился онъ погубить меня.

Между тѣмъ отъ чрезмѣрной горести занемогла я лихорадкою и принуждена была лечь на постелю. Казалось, что Герцогъ былъ въ великомъ безпокойствѣ. Онъ отправилъ курьера въ Неаполь и велѣлъ отшуда быть двумъ Докторамъ; не отходилъ отъ моей постели; при людяхъ оказывалъ мнѣ всякія нѣжности, а наединѣ увѣрялъ меня, что любовь его ко мнѣ побѣждаетъ въ немъ всю злобу, и что я увижусь съ дочерью, какъ скоро не будетъ у меня лихорадки. Услышавъ такое обѣщаніе, забыла я все, что отъ него претерпѣла; схватила руку его, жала ее и слезами благодарности омочала — сію руку, которой черезъ нѣсколько часовъ надлежало меня низвергнуть въ ужасную мрачную пропасть. Докторы увѣряли, что болѣзнь моя ни мало не опасна, и чрезъ два дни уѣхали назадъ въ Неаполь. Въ самый день отъѣзда ихъ Герцогъ казался весьма безпокойнымъ въ разсужденіи моего состоянія; и хотя уже не было у меня лихорадки, однакожь онъ принудилъ меня не
вспа-

вспазашъ сѣ постели. Цѣлые при дни служанки мои по приказанію Герцогову ошѣ меня не опходили и были весьма упомалены; въ сей день послалъ онѣ ихѣ всѣхѣ опдыхашъ, сказавѣ, что онѣ самѣ сѣ камердинеромѣ своимѣ и одною спарушкою будетѣ ходитѣ за мною. Сіи два человекѣ не безѣ намѣренія были къ тому избраны; онѣ предпочелѣ ихѣ всѣмѣ инымѣ для того, что они были весьма просты и легковѣрны. Занавѣсѣ у постели моей былѣ задернушѣ, и я думала, что всѣ женщины мои были подѣ меня; но около половины дня, опдернувѣ нѣсколько занавѣсѣ, увидѣла я, что въ комнатѣ моей были только тѣ два человекѣ, о которыхѣ я говорила. Сему я весьма удивилась; а Герцогѣ, подошедши ко мнѣ, сказалѣ, что мнѣ не хуже прежняго будушѣ услуживашъ, и что онѣ самѣ ошѣ меня не опойдетѣ. Да зачѣмѣ же? спросила я сѣ великимѣ движеніемѣ: я уже не больна. Вмѣсто отвѣта на сей вопросѣ просилѣ онѣ меня не говорить и успокоитѣся. Я почувсвовала въ себѣ великое безпокойство, хотя и не знала тому причины, и глаза мои наполнились слезами. Герцогѣ казался самѣ безпокойнымѣ, и въ лицѣ

его видѣла я чрезвычайную перемену. Въ три часа по полудни попросилъ онъ у меня руки; съ шепетомъ я подала ее; онъ пощупалъ пульсъ, вскочилъ, бросился стѣ моей постели и громко сказалъ камердинеру, чтобы онъ побѣжалъ и тотчасъ отправилъ курьера въ Неаполь за Докторомъ, а старухъ велѣлъ какъ можно скорѣе привезти священника. Отдавъ сіе приказаніе, воскликнулъ онъ отчаяннымъ голосомъ: *она умираетъ, умираетъ!*... Возможно ли кому нибудь вообразить мое чрезвычайное удивленіе и ужасъ!... Первое мое движеніе было встать и бѣжать, но, лишась силъ, опять упала я на постелю. Сердце у меня такъ билось, что я едва могла дышать; отъ ужаса заспыла во мнѣ кровь, и я лежала безъ всякаго движенія. Камердинеръ и старуха, получивъ приказаніе, ушли и не могли возвратиться прежде получаса; а я осталась одна съ Герцогомъ. Онъ подошелъ ко мнѣ, и подавая мнѣ чайную чашку, сказалъ перерывающимся голосомъ: возьми, выпей.... Услышавъ сіи слова, всѣ волосы спали у меня дыбомъ — холодной потъ выступилъ у меня на лицѣ. Я думала, что настала послѣдняя минута жизни моей; ибо увѣрена была, что

что онѢ даетѢ мнѢ пить ядѢ. Пей же, повторилѢ онѢ. Боже мой! что ты мнѢ подаешь? сказала я. Что тебѢ необходимо принять надобно, отвѣчалѢ ГерцогѢ. — „По крайней мѣрѢ дай мнѢ время разкаяться во всѣхѢ моихѢ преступеніяхѢ предѢ БогомѢ, просить милоспиваго прощенія,, . . . Что ты осмѣливаешься думать? РазвѢ считаешь меня злодѣемѢ? — „Увы! я сама виновата; я была безразсудна, неосторожна Боже мой! продолжала я, сложивѢ руки: прости меня, прости моего гонителя; утѣшь несчастную мою мать, отца моего; будь покровителемѢ моей дочери! — ПослѢ сей краткой молитвы почувствовала я въ себѢ необыкновенную бодрость; мнѢ казалось, что я могу безѢ ужаса предстать предѢ Господа. Посмотрѣвъ на Герцога, увидѣла я, что онѢ былѢ блѣденѢ и трепеталѢ. Произнеся нѣсколько непонятныхѢ словѢ, приподнялѢ онѢ одною рукою голову мою, а другою поднесѢ мнѢ ко рту чашку. БезѢ всякаго сопротивленія выпила я все до дна, и думая, что приняла смертельной ядѢ, упала на подушки и готовилась испустить духѢ. ЧерезѢ нѣсколько минутѢ глаза мои закрылись, я вся оцѣпенѣла,

лишилась способности говорить и мыслить, и совсѣмъ забылась. Черезъ полчаса (какъ то узнала я послѣ) возвратились старуха и камердинеръ. Герцогъ съ разтрепанными волосами и проливая слезы выбѣжалъ къ нимъ на встрѣчу и сказалъ, что я выпускаю духъ. Онъ пошелъ съ ними ко мнѣ въ комнату, чтобы подать мнѣ возможную помощь, какъ говорилъ онъ, если я еще не совсѣмъ лишилась жизни, или по крайней мѣрѣ самому закрыть мнѣ глаза. Онъ взялъ прежде предосторожность задернуть у постели занавѣсъ и сдѣлать горницу мою темною. Подошедши къ постелѣ моей, показывалъ, будто употребляетъ всѣ средства къ продолженію моей жизни; по томъ же, казалось, пришелъ въ совершенное ошчаяніе. Между тѣмъ привели священника, которому велѣлъ онъ читать молитвы о усопшихъ. Всѣ женщины и всѣ слуги прибѣжали ко мнѣ въ комнату. Герцогъ стоялъ на колѣняхъ подлѣ моей постели. Старуха и камердинеръ рассказывали всему дому, какъ Герцогъ старался продлить жизнь мою. По томъ Герцогъ открылъ на нѣсколько минутъ у постели занавѣсъ. Увидѣли меня блѣдную и лежащую безъ

всѣхъ

всякаго движенія, и никому не лзя было сомнѣваться въ моей смерти. Герцогъ выслалъ всѣхъ людей въ другую комнату, и оспался у меня одинъ съ священникомъ, котораго заставлялъ читать молишвы до самой полуночи. Въ сіе время послалъ всѣхъ людей спать, и сказалъ, что погребетъ меня на другой день ввечеру, и что не имѣя силъ опойти отъ меня, всю ночь пробудетъ въ моей горницѣ. Отсылая священника, камердинера и спаруху въ переднюю комнату, сказалъ имъ, что онъ хочетъ быть одинъ подлѣ меня до семи часовъ утра, желая безъ помѣшательства чувствовать свое несчастіе и молиться Всевышнему. Потомъ заперъ двери. Всѣ люди, нѣскольکو уже ночей неспавшія, воспользовались позволеніемъ ийти отдыхать; всѣ были въ глубокомъ снѣ, какъ я постепенно выходя изъ обморока моего, въ четыре часа по полуночи пришла въ себя. Открывъ глаза, увидѣла я сидящаго подлѣ постели моей Герцога: видъ его привелъ меня въ трепетъ, хотя я и не помнила ничего случившагося со мною. Потомъ, смѣривъ на него пристально, темно вспоминала я, что онъ былъ раздраженъ противъ меня — ужаснулась,

отворотилась отъ него, и старалась вспомнить все происшедшее со мною. Тысячи мечтательныхъ образовъ представлялись моему воображенію. Я углубилась въ задумчивость, пришла въ нѣкоторое изступленіе, и наконецъ совсѣмъ лишилась чувствъ. Тогда Герцогъ далъ мнѣ понюхашь спирту и проглотить нѣсколько капель ликеры, которая меня снова оживила. Я приподнялась съ постели, съ удивленіемъ осматривалась — одна мысль возбуждала во мнѣ другую — и наконецъ пришло мнѣ на память, что я думала принять ядъ, и едва вѣрила сама себѣ, что я живу . . . Какимъ чудомъ возвращается мнѣ жизнь! воскликнула я по долговременномъ молчаніи. Ты напрасно ужасалась, сказалъ Герцогъ: успокойся и выгони изъ головы своей обидныя для меня мысли. Я не смѣла опвѣчать. Отвернувъ занавѣсъ у постели моей и увидѣвъ, что я была въ комнатѣ одна съ Герцогомъ, весьма я испугалась, вспомя все прошедшее. Для чего ты одинъ сидишь здѣсь? спросила я. Ты это узнаешь, отвѣчалъ онъ: теперь встань съ постели. Онъ подалъ мнѣ платье, помогалъ мнѣ одѣваться, и потомъ ошвелъ меня отъ постели и посадилъ

дилъ на кресла. Видя, что я весьма слаба и вся дрожу, далъ мнѣ еще вынишь ликеры, и помолчавъ нѣсколько минутъ, сказалъ: теперь ничего не ушаю отъ тебя; вчера далъ я тебѣ вынишь опиумъ На что же? спросила я. Выслушай все, продолжалъ онъ: ты меня обманула, обезчестила; я предлагалъ тебѣ прощеніе, но ты не захошѣла принять его. Доказана тебѣ невѣрность твоя, и ты все еще питаешь въ сердцѣ своемъ порочную спрасъ; мой гнѣвъ, угрозы мои не могли заставить тебя сказать мнѣ имя твоего любовника. Ты думала, можешь быть, что должное уваженіе къ твоей фамиліи не дозволишь мнѣ опиять у тебя дочь и лишить тебя свободы; ты безъ сомнѣнія думала — потому что нѣтъ такого злодѣянія, къ которому бы ты, по ненависти своей ко мнѣ, не почиала меня удобнымъ — ты думала, что мнѣ оспается одно средство опмстить тебѣ, то есть, втайнѣ лишить тебя жизни; а *непреодолимое отвращеніе*, которое отъ меня имѣешь, легко рѣшило тебя умереть Но знай, что ты жить будешь, но навсегда разспанешься съ своими родственниками, друзьями, домашними, и съ цѣлымъ свѣ-

помѣ! . . . Боже мой! воскликнула я: но уже ли думаешь ты, жестокой что отецъ мой, мать моя, совсѣмъ не будутъ обо мнѣ думать? — На сихъ дняхъ, отвѣчалъ Герцогъ, получаютъ они ложное объявленіе о твоей смерти. . . . „Смерти?“, — Всѣ въ здѣшнемъ замкѣ думаютъ, что ты умерла; во время твоего усыпленія всѣ люди мои видѣли тебя. . . . И такъ я живу только для тебя одного! перервала я, проливая слезы; теперь вижу, какъ ужасна судьба моя! — Ты еще не знаешь всего, сказалъ Герцогъ: знай, что въ этомъ замкѣ есть у меня большая подземная пещера, никому неизвѣстная; свѣтъ никогда въ нее не проникаетъ. . . . И такъ мнѣ необходимо уже надлежитъ погибнуть! перервала я. . . . Нѣтъ, отвѣчалъ Герцогъ, судьба твоя еще въ твоихъ рукахъ. Я тотчасъ пойду разбудить людей моихъ и скажу имъ, что ты была въ обморокѣ; я не отправилъ еще письма къ отцу твоему, могу простить тебя, и ты попрежнему жить будешь въ свѣтѣ. Требую отъ тебя только одного слова. Я сказалъ тебѣ, что мнѣ надобна жертва . . . Наименуй злодѣя моего, и ты будешь прощена. — Что ты мнѣ предлагаешь?

сказала

сказала я: подвергнуть мщенію твоему
такого человѣка, которой, въ чемъ снова
увѣряю тебя, не сдѣлалъ тебѣ никакой
обиды? Нѣтъ, нѣтъ! я недостойна буду
жить въ свѣтѣ, если соглашусь на твое
предложеніе! — Подумай хорошенько,
отвѣчалъ Герцогъ взглянувъ на меня съ
свирѣпостію: и если еще скажешь нѣтъ,
то отведу тебя въ мрачное жилище,
для тебя приготовленное, откуда уже
ты никогда не возвратишься. Запра
отправляю я человѣка къ родителямъ
твоимъ съ извѣстіемъ о твоей смерти,
которое приведетъ ихъ въ отчаяніе, или
съ извѣстіемъ о твоемъ выздоровленіи,
которое ихъ весьма обрадуетъ; завтра
увидишь ты дочь свою и свѣтъ солнца,
или пойдешь степенать въ ужасную тьму;
завтра всѣ въ этомъ замкѣ съ радостію
увидятъ тебя совершенно здоровую, или
будутъ проливать слезы на твоихъ по
хоронахъ. . . . Подумай же объ этомъ.
Скоро уже мнѣ не лзя будетъ простить
тебя; напрасно будешь разкаиваться —
напрасны будутъ твои слезы и прозь
бы — все свершится. — Послѣ сего
жестокаго убѣжденія Герцогъ замолчалъ.
Я вскочила съ креселъ, будучи внѣ себя;
бросилась къ дверямъ, остановилась и

воскликнула : и такъ я всѣми оставлена !.. Любезная дочь ! я буду жить и никогда уже съ тобою не увижусь ! А вы, несчастные родители, вы будете оплакивать смерть мою ! . . . Дочь моя ! . . . Ахъ ! позволь мнѣ еще съ нею видѣться ! — Скажи одно слово, отвѣчалъ Герцогъ, и чрезъ четверть часа дочь твоя будетъ въ твоихъ объятіяхъ ! — Сіи слова привели въ волненіе сердце мое. Я молчала и размышляла. Графъ Бельмиръ, думала я, теперь въ отсутствіи и возвратится не прежде года ; въ сіе время легко мнѣ о всемъ предувѣдомишь его ; при томъ искренное признаніе доказало бы Герцогу, что онъ напрасно почитаетъ меня преступницею — но вдругъ, вспомнивъ всю жестокость Герцогову, выгнала я изъ головы сіи мысли. Могла ли я быть увѣрена, что такое признаніе возвратитъ мнѣ и дочь и свободу ? Не могла ли я думать, что Герцогъ, думая, что я ненавижу его, не перемѣнитъ намѣренія своего мстить мнѣ ; и много, если бы облегчилъ то наказаніе, которое тогда опредѣлялъ мнѣ ? И такъ въ семъ сомнѣніи можно ли было мнѣ наименовать ему Бельмира ? Я спрашивалась болѣе всего быть причиною несчастія его, и лучше хотѣла

стра-

страдать одна. — Между тѣмъ, какъ я о всемъ томъ размышляла, Герцогъ думалъ, что я колеблюсь, и снова понуждалъ меня отвѣчать, сказавъ: скоро уже покажется день; время тебѣ рѣшиться; я пойду разбудить людей и сказать имъ, что ты жива, или опведи себя въ гробъ свой. Говори. . . . хочешь ли мнѣ наименовать виновника твоего и моего несчастія? Тутъ подняла я глаза на небо, и собравъ всѣ свои силы, отвѣчала: нѣтъ!.. Что говоришь ты, несчастная! воскликнулъ Герцогъ. Нѣтъ, продолжала я, не думай, чтобы я когда нибудь тебѣ его наименовала. И такъ, сказавъ Герцогъ, ты предпочитаешь любовника дочери, вольности, жизни, всему на свѣтѣ? Трепещи же, невѣрная! минула мщенія настала. — Сказавъ сіи слова, хотѣлъ онъ схватить меня за руки. Въ ужасъ бросилась я отъ него, побѣжала на другой конецъ комнаты и крѣпко ухватилась руками за кровать. Отъ сильнаго движенія моего спалъ у меня съ головы спальной чепецъ и волосы повисли по плечамъ. Герцогъ, подходя ко мнѣ, остановился, казался изумленнымъ, и нѣсколько времени молчалъ. Наконецъ, оптащивъ меня отъ кровати, подвелъ къ

зеркалу и сказалъ: посмотри, несчастная, посмотри въ послѣдній разъ на эту красоту, которую ужасная тьма навсегда сокроетъ!... Подыми глаза и взгляни на себя! . . . Не будь противъ самой себя тиранкою! . . . Уже ли ты жалѣешь себя менѣе, нежели я тебя? . . . Подумай о своей молодости, прелестяхъ своихъ; сжался надъ своею участью!... Еще можешь ты переимѣнить ее. — Я не могла удержаться, чтобы не взглянуть въ зеркало; но тотчасъ закрыла сомные глаза свои и почувствовала, что слезы капились у меня по лицу. Уже ли ты еще непреклонна? спросилъ Герцогъ. Ахъ! отвѣчала я: не напрасно ли общалъ ты мнѣ возвратить дочь мою? не отказалась ли я отъ того? . . . Едва я произнесла сіи слова, Герцогъ въ изступленіи бѣшенства схватилъ меня и понесъ изъ комнаты. Я ни мало не сопротивилась; чрезвычайной ужасъ мой сдѣлалъ меня неподвижною и нѣмою. Пройдя двѣ или три комнаты, сошли мы съ маленькаго потаеннаго крыльца и вошли на большой дворъ, въ концѣ котораго были ворота. Герцогъ отворилъ сіи ворота, и мы вошли въ садъ. Въ сію минуту Герцогъ остановился, примѣтивъ,

что

что начинаетъ свѣтатъ. Въ послѣдній разъ въ жизни своей, сказалъ онъ, видишь ты зарю Я упала на колѣни, и смотря на небо, воскликнула: Боже, Боже мой! зная мою невинность, уже ли допустишь Ты, чтобы я была погребена живая и навсегда лишена солнечнаго свѣта? ... Лишь только я сказала сіе, Герцогъ потащилъ меня къ каменной горѣ, которая была опъ насъ шагахъ въ двадцати; онъ засунулъ ключъ за одинъ большой камень, и въ ту же секунду открылась нѣкотораго рода западня Я затрепешала Герцогъ остановился и сказалъ: вотъ послѣдняя минута, въ которую ты можешь еще получить прощенье; вотъ гробъ твой, уже разкрытый для принятія тебя. Разкайся, докажи мнѣ разкаяніе свое искреннымъ признаніемъ: я готовъ во всемъ простить тебя. Ты думаешь, можешь быть, продолжалъ онъ, что при совершеніи мщенія моего боюсь я опасныхъ для себя слѣдствій; но знай, что я все уже одумалъ, все предвидѣлъ, и ничто не можетъ остановить меня. — По томъ началъ онъ мнѣ подробно рассказывать всѣ взятыя имъ предосторожности, и сказалъ, что по-

ложитъ

ложитъ на постелю мою сдѣланную изъ воску стапую, копорую онъ уже давно приготавилъ; что въ гробъ перенесетъ ее самъ, не допустивъ взяться за нее ни кому изъ людей, копорыя будутъ только зрителями, и по томъ погребетъ ее. И такъ, примолвилъ онъ, скажи, принимаешь ли ты прощеніе, которое уже въ послѣдній разъ тебѣ предлагаю? Говори, пожертвуй любовникомъ своимъ мщенію моему, скажи мнѣ имя его, или откажись навсегда отъ свѣта. — Онъ замолчалъ. Я посмотрила на ту спорону неба, гдѣ скоро надлежало явиться солнцу, хотѣвъ еще въ послѣдній разъ видѣть свѣтъ его и по томъ навсегда съ нимъ проститься; небо, покрытое блестящими облаками, представляло важной и величественной видъ. Сей взоръ возвысилъ душу мою и укрѣпилъ мужество мое сердце. Съ презрѣніемъ обратила я глаза на землю, и вглянувъ на Герцога, сказала ему твердымъ голосомъ: вошъ твоя жертва! . . . Онъ схватилъ меня . . . Сердце мое ужасно билось . . . Я взглянула еще на небо, и по томъ сошли мы въ темную пещеру. Я не могла держаться на трепещущихъ ногахъ моихъ

ихъ — вся кровь моя была въ чрезвычайномъ волненіи — и лишилась силъ, и безъ чувствъ упала къ ногамъ жестокаго гонителя моего. Не знаю, долго ли была я въ семъ состояніи. Увы! я пришла въ себя только для того, чтобы почувствовать всю тягость несчастной жизни моей! Какъ изобразить мнѣ почувствованной мною ужасъ, когда, открывъ глаза, увидѣла я себя въ подземной темницѣ, окруженную густымъ мракомъ и лежащую на соломѣ! ... Я закричала --- во глубинѣ пещеры; эхо повторило жалостной вопль мой, привело меня въ преπεтъ и увеличило ужасъ мой. Боже мой! воскликнула я: вотъ одинъ голосъ, который впредь будетъ мнѣ отвѣтствовать — одинъ звукъ, который слышать буду! .. Слезы полились по лицу моему ... Въ сію минуту услышала я, что отворяется дверь темницы моей, и вошелъ Герцогъ, держа въ рукъ фонарь. Онъ поставилъ подлѣ меня кружку съ водою и положилъ хлѣбъ. Воупъ, сказалъ онъ, чѣмъ ты отнынѣ будешь питаться. Въ эпомъ окнѣ, которое шупъ видишь, найдешь ты всякой день хлѣбъ и воду; я самъ буду приносить тебѣ эту пищу, положу ее на окно, и никогда уже не войду

войду въ эту ужасную темницу (*). Я осмотрѣлась тогда вокругъ себя, и увидѣла пространную пещеру, которой конца совсѣмъ было не видно. Та часть, въ которой мнѣ жить надлежало, устлана была толстыми рогожами, чтобы не было сильнаго холода и сырости; варваръ, заключившій меня въ семъ страшномъ жилищѣ, взялъ всѣ предосторожности къ сохраненію моей жизни. Осмотрѣвъ съ ужасомъ все окружавшее меня, обратилась я къ мучителю моему, и давъ свободу ненависти своей къ нему, которую толь долгое время скрывала и старалась изпреблать, укоряла я его какъ величайшаго злодѣя, и говорила прямо, что ненавижу, презираю его. Онъ слушалъ меня нѣсколько времени, стараясь удерживать гнѣвъ свой; наконецъ, не могши долѣе воздерживаться, осыпалъ меня проклятіями и потчасъ ушелъ. Съ сего времени не входилъ онъ уже въ темницу мою. Когда приносилъ мнѣ пищу, то спускалъ въ окно до того времени, какъ

я

(*) Такимъ образомъ несчастная Герцогиня Ч * * * получала въ послѣдствіи чрезъ сіе же окно бѣлье и платье. когда была ей въ томъ уже необходимая нужда.

я отвѣчала, и уходилъ не сказавъ ни слова. Скоро я разкаялась, что упреками своими умножила еще злобу его противъ меня. Онъ отецъ дочери моей, думала я, и она теперь у него въ рукахъ. Сверхъ того, не взирая на ужасное мое состояніе, все еще пишалась въ сердцѣ моемъ нѣкоторая надежда. Чѣмъ болѣе размышляла, тѣмъ менѣе казалось мнѣ вѣроятнымъ, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ продержать меня въ сей темницѣ до самой моей смерти. Я ласкалась тѣмъ, что онъ не объявилъ о мнимои смерти моей ни въ домъ своемъ, ни моимъ родителямъ; что онъ конечно нашелъ какое нибудь другое средство сокрыть меня отъ нихъ безъ всякаго на себя подозрѣнія, и что онъ можетъ вывести меня изъ темницы, когда захочетъ. Какъ могла я вообразить и то, чтобы онъ поставилъ себѣ въ необходимую должностъ всякой почти день приносить мнѣ пищу и рѣшился всегда жить въ своемъ замкѣ, изъ котораго ему не лзя бы было сплучаться, развѣ дни на два или на три? потому что онъ одинъ зналъ обо мнѣ и въ разсужденіи сего ни къ кому не имѣлъ довѣренности. . . . Увы! я не знала, что злоба для своего удовле-

твво-

творенія можетъ наложить на себя такія цѣпи, которыя и самая величайшая любовь едва ли бы носить могла! . . . И такъ, по моему разсужденію, увѣрилась я, что онъ не вѣчно будетъ мнѣ мститъ. Питая въ себѣ сію утѣшительную мысль, всегда начинала я говорить съ нимъ, когда онъ стучалъ въ окно; и хотя онъ никогда не отвѣчалъ мнѣ, однакожь всегда просила его сжалиться надо мною и увѣряла въ своей невинности. Будучи совсѣмъ лишена свѣта, не могу сказать, сколько времени провела я въ надеждѣ; но наконецъ совсѣмъ потеряла ее. Тогда разумъ оставилъ меня; я безумствовала, ропсала на судьбу свою, на Провидѣніе. Душа моя, терзаемая долговременною горестію и приведенная наконецъ въ совершенное уныніе, лишилась силъ своихъ, и я впала въ мрачное отчаяніе. Изступленіе мое толь далеко простиралось, что я, почитая себя несчастнѣйшею тварію, думала имѣть право лишитъ себя жизни — будто бы уже можетъ человѣкъ насильственно перервать нить жизни своей, какъ скоро она дѣлается ему непріятною! Рѣшившись умереть, два дни не брала я хлѣба и ничего не ѣла. Напрасно Герцогъ стучалъ и звалъ меня: я не хотѣла

хотѣла отвѣчать ему. Наконецъ онѣ вошелѣ ко мнѣ въ темницу. Когда я увидѣла его вошедшаго съ фонаремѣ, то не смотря на томѣ ужасѣ, которой производило во мнѣ его присутствіе, почувствовала я нѣкоторую радость въ сердцѣ, увидѣвъ опять свѣтѣ; однакожь я не говорила ни слова. Онѣ хотѣлѣ облегчить мое заключеніе, приносить мнѣ свѣчи, книги и лучшую пищу, естли я скажу ему имя того, кого онѣ столь неперпѣливо знать желаетѣ. Послѣ сего предложенія, посмотрѣвъ на него съ величайшимѣ презрѣніемѣ, сказала я ему: ты уже разорвалѣ несчастной союзѣ нашѣ. Теперь сердце мое свободно и можетѣ безѣ угрызенія совѣсти питать въ себѣ тѣ чувства, которыя прежде старалась я изпреблять. Человѣкѣ, котораго ты узнать хочешь единственно для того, чѣобы излить на него весь ядѣ злобы твоей, теперѣ мнѣ гораздо любезнѣе, нежели когда нибудѣ прежде; выпуская духѣ мой, буду желать ему добра. И такѣ суди же, могу ли я тебѣ наименовать его? . . . И такѣ, сказалѣ Герцогѣ, ты совсѣмѣ забыла Религію? Въ сердцѣ своемѣ хочешь питать беззаконную любовь и лишишь себя жизни? . . .

Тиранъ! перервала я: можешь ли ты еще почиташь меня своею супругою, низвергнувъ меня въ эту мрачную пропасть и нося по мнѣ прауръ? . . . Правда, что я не могъ сносить жизни и хочу умереть; но Богъ, Который насъ ожидаетъ и будетъ судить, накажетъ тебя болѣе, нежели меня за то опчаяніе, въ которомъ я теперь опнимаю у себя жизнь. Никто изъ смертныхъ не можетъ слышать стenanій моихъ; но какая глубокая пропасть, какая густая тьма можетъ сокрыть отъ Вѣчнаго спpаданія бѣдной, воздыхающей швари Его? . . . Трепещи! . . . Онъ видитъ насъ и готовъ простить меня; но правосудіе Его вознесло уже на тебя мечъ наказанія! — Слова сіи привели Герцога въ трепетъ; онъ съ ужасомъ разсматpивалъ меня. Нѣсколько минутъ съ удовольствіемъ смотрѣла я на его замѣшательство, и радовалась, что пробудила въ немъ совѣсть его. Онъ былъ блѣденъ, безпокоенъ, и долго не говорилъ ни слова; но по томъ сказалъ: Одной себѣ приписывай несчастіе свое. Ты была преступницею; въ этомъ я увѣренъ, и ты сама не могла опровергнуть доказательствъ моихъ: и при всемъ томъ наказалъ я тебя не пре-

Прежде, какъ сто разъ предлагавъ тебѣ прощеніе. Даже и теперь хочу облегчить твою участь, но ты сама не хочешь того. Если бы ты захотѣла, то не смотря на твою невѣрность, не смотря на твою ко мнѣ ненависть, жила бы ты еще въ моемъ домѣ, видѣлась бы съ дочерью. . . . Съ дочерью! перервала я: что съ нею сдѣлалось? жива ли она? — Она живетъ у твоей матери, отвѣчалъ Герцогъ. И такъ она уже не у тебя, не въ твоихъ уже рукахъ? спросила я. Герцогъ, видя, что сія мысль оживляла меня, вынулъ изъ кармана письмо отъ моей матери и позволилъ мнѣ прочитать его. Сіе письмо, которое омочала я слезами, было такого содержанія:

„Вчера ввечеру привезли ко мнѣ внуку мою. . . . Какъ могу описать вамъ всѣ чувства, терзавшія сердце мое, когда я обнимала ее! . . . Вы мнѣ отдаете ее, позволяете мнѣ называть ее моею! . . . Чувствую, что уже весьма люблю ее; она болѣе привязываетъ меня къ жизни, но не можетъ меня совершенно утѣшить. Лишась любезной моей дочери, могу ли когда нибудь утѣшиться? Съ нею лишилась я всего. . . . Въ будущее лѣто

„пріѣду къ вамъ и привезу съ собою
 „дочь вашу; мы проживемъ съ вами мѣ-
 „сяца два. Когда вы не можете оспа-
 „вить того печальнаго мѣста, которое
 „живо воспоминаетъ вамъ потерю вашу
 „и по тому самому вамъ любезно, то я
 „конечно буду имѣть столько мужества,
 „чтобы шуда къ вамъ пріѣхать и по-
 „смотреть великолѣпной монументъ, со-
 „оружаемой вами въ память той, кото-
 „рую вы болѣе всего любили, и которая
 „столь достойна слезъ нашихъ. . . . Мо-
 „жетъ быть въ этомъ же самомъ мѣстѣ
 „окончающія мои страданія. . . . Мо-
 „жетъ ли нѣжная мать не лишиться жи-
 „зни, обнимая гробъ своей дочери? . . .
 „Между тѣмъ я терпѣливо буду сносить
 „жизнь. Религія и Природа повелѣваютъ
 „мнѣ жить. Я буду жить для младенца,
 „котораго вы мнѣ повѣрили. Ахъ! мо-
 „гу ли когда нибудь возблагодарить васъ
 „за такое благодареніе, за такую жер-
 „тву? Какъ должны вы любить дочь
 „свою! Она имѣетъ всѣ черты матери
 „своей, всѣ ея прелести, и совершенно
 „представляетъ мнѣ дочь мою, когда
 „она была еще въ дѣтствѣ. . . . Восхи-
 „щительная мечта! . . . Несчастная мать!
 „у тебя уже нѣтъ дочери!,, —

Про-

Прочитавъ сіе письмо, бросилась я на колѣни, и воскликнула: Боже мой! дочь моя въ обѣятіяхъ моей матери! нѣжная родительница моя хочетъ для нее жить! . . . И такъ благодарю тебя, Боже мой! Проспи, что я по безумію моему роптала. Впредь терпѣливо буду сносить судьбу свою и во всемъ полагаюсь на Твой промыслъ. Продолжи, естли Тебѣ угодно, несчастную жизнь мою, и сдѣлай щастливыми всѣхъ любимыхъ мною. — Сказавъ сіи слова, я упала на солому; ибо слабость моя была такъ велика, что я не могла споять на ногахъ. Въ сію минуту Герцогъ предложилъ мнѣ пищу, которую я и приняла; по томъ онъ оставилъ меня, и съ того времени я никогда уже не видала его. Между тѣмъ, помня обѣтъ свой, переклалась я о моей жизни. Мысль, что моя молитва и вѣра будущъ для матери и дочери моей источникомъ щастія — сія утѣшительная мысль могла всегда оживлять меня и подкрѣплять мою бодрость. Воспоминаніе моихъ преступленій болѣе всего меня мучило. Увы! говорила я: всѣ мои несчастія отъ меня самой произошли. Я не имѣла полной довѣренности къ моей матери; переставъ требо-

вать у нее совѣтовъ, сдѣлала я преступленіе. Неблагодарная и порочная дочь! Небо, хотѣвъ наказать меня, ослѣпило моихъ родителей въ ихъ выборѣ; супругъ, котораго они дали мнѣ, не могъ меня сдѣлать щастливою. Однакожь, не впадая въ новыя преступленія, могла бы я найти великое утѣшеніе въ моей дочери; но не думая въ самомъ дѣлѣ изпребрѣль порочной, несчастной страсти, я впайнѣ пишала ее и осмѣлилась даже говорить о ней въ безразсудныхъ письмахъ моихъ, меня погубившихъ, описывать всю ея силу и при томъ жаловаться на моего супруга, оскорблять его! . . . Разсуждая такимъ образомъ, проливала я слезы. Наконецъ время уладило горестъ разкаянія моего, такъ что я спала уже находишь нѣкоторое удовольствіе въ размышленіи о прежнихъ моихъ порокахъ, и почно опѣ того, что надѣясь на благость Всевышняго, почишала ихъ заглаженными моимъ долговременнымъ чистосердечнымъ разкаяніемъ и всемъ тѣмъ, что я уже претерпѣла. Столь чудесно устроено сердце человеческое, или столь велика милость Божія, что человекъ, въ какомъ бы состояніи онъ ни былъ, находишь для себя всегда нѣ-

кого-

которое утѣшеніе! Лишенная всего и удаленная отъ свѣта, скоро почувствовала я въ сердцѣ своемъ ту силу, которую сообщаютъ увѣренность, что пуши, которыми ведетъ насъ Богъ, суть для насъ наилучшіе. Религія сдѣлалась для меня источникомъ величайшаго утѣшенія. Она испрестила въ сердцѣ моемъ всѣ остатки порочной любви, и вселила въ меня мужество, котораго человѣческая философія не могла бы мнѣ сообщить — мужество безъ всякаго отчаянія, безъ всякаго ропота провести послѣдніе шесть лѣтъ въ подземной, душной темницѣ, куда свѣтъ не проникалъ никогда — послѣдніе шесть лѣтъ, говорю; ибо первые два или три года я много терзалась. Время, въ которое по моему вычисленію надлежало пріѣхать матери и дочери моей въ тотъ замокъ, гдѣ я была заключена, было для меня весьма мучительно, и составляетъ самую горестнѣйшую эпоху моего заключенія. Сердце мое раздиралось, когда я помышляла, что мать и дочь моя были отъ меня такъ близко, а я не могла имѣть надежды видѣться съ ними. Дражайшая родительница! думала я: ты проливаешь слезы о смерти моей, а я жива! . . . И

къ кому же прибѣгаешь ты въ своей горести! . . . Ты ожидаешь утѣшенія отъ такого человѣка, которой меня опнялъ у себя, удалилъ отъ всѣхъ людей, сокрылъ отъ меня всю вселенную. . . . Ахъ! напрасно обнимаешь ты гробъ, къ которому тебя приводяшъ! Тутъ нѣтъ твоей дочери — она въ томъ гробѣ, по которому ты ходишь, ни мало того не думая. Можетъ быть, во время ночнаго молчанія, не могши наслаждаться пріятностями сна,ходишь ты къ моей пещерѣ; можетъ быть, въ самую сію минушу, сидишь ты подлѣ сей ужасной западни, которая уже никогда для меня не откроется Ахъ! естли это въ самомъ дѣлѣ такъ, то ты безъ сомнѣнія думаешь о своей несчастной дочери, оплакиваешь ее, и не можешь слышать ея вопля, голоса ея, тебя зовущаго! — Сіи мысли мучили мое сердце и часто приводили въ помѣшательство разумъ мой. За сими жестокими припадками горести слѣдовало всегда нѣкотораго рода забвеніе, которое, можетъ быть, было не лучше самаго опчаянія; но по мѣрѣ того, какъ въра усиливалась въ сердцѣ моемъ, сіи жестокія изступленія ослабѣвали, и я находила неопи-

описанное утѣшеніе въ молитвѣ. Всѣ тѣ мысли, которыя для людей бывають обыкновенно спрашны, были для меня самыми пріятнѣйшими мыслями. Съ какимъ удовольствіемъ помышляла я о крошкѣ жизни! съ какою радостію ожидала смерти! Самой щастливѣйшій человекъ, думала я, можетъ ли быть на землѣ совершенно доволенъ? Онъ менѣе занимающаго тѣми благами, которыми обладаетъ, нежели тѣми, которыхъ ожидаетъ. Среди мнимаго благополучія, воображеніе его устремляется всегда къ неизвѣстному будущему. Но какая нужда, что здѣшняя жизнь его щастлива или нещастлива? Какая нужда, что надежды его исполнятся или не исполнятся? Развѣ уже не будетъ у него новыхъ желаній? Умѣетъ ли онъ наспоющимъ пользоваться, умѣетъ ли тѣмъ довольствоваться? . . . Начто же съ такою горестію жалѣю о томъ, чего я лишена, забывъ, что ничто внѣшнее не можетъ сдѣлать человека щастливымъ? . . . Правда, что я всю жизнь мою должна провести въ сей ужасной тѣмѣ; будущее представляетъ воображенію моему одну долгую и печальную ночь . . . Хорошо; такъ будемъ думать только о пробужденіи. . . забудемъ

демъ плѣнную жизнь и станемъ заниматься одною вѣчностію! . . Презримъ минувшую скорбь, за которою послѣдуемъ вѣчное блаженство! . . Обращимъ всѣ наши желанія, всѣ наши надежды къ Тому, Который одинъ можетъ занять все сердце наше, Который одинъ достоинъ нашей привязанности! — Разсуждая такимъ образомъ, забывала я свое несчастіе, или, лучше сказать, не находила себя несчастною, будучи увѣрена, что всемъ правящъ премудрая Рука, не налагающая ни на кого сверхъ его силъ и заставляющая насъ иногда снестись подъ бременемъ временныхъ золъ единственно для того, чтобы послѣ покоить насъ въ объятіяхъ щастливой вѣчности. Такимъ образомъ пришедши въ себя и давъ дѣйствовать разсудку своему, не только чувствовала я великое облегченіе въ сердцѣ, но и привыкла къ окружавшей меня тѣмъ къ заключенію своему, и нашла для себя упражненіе. Большую часть дня, или ночи, прохаживалась я по пространной своей пѣмницѣ; сочиняла стихи, которые громко пѣвердила; зная музыку и имѣя хорошій голосъ, сочиняла я гимны и съ величайшимъ удовольствіемъ пѣла ихъ и слушала эхо, мнѣ ошвѣтствовавшее,

вавшее. Сонъ мой былъ покоенъ; пріятныя сновидѣнія представляли мнѣ отца моего, мать мою и дочь; я видѣла ихъ всегда щасливыхъ и довольныхъ. Иногда видѣла себя перенесенную въ блестящія палаты, или въ прекрасные сады; я разсматривала небо, дерева, цвѣты. Такимъ образомъ въ сихъ сладостныхъ мечтахъ обладала тѣмъ, чего наяву была лишена. Правда, что иногда просыпалась со вздохомъ, и жалѣла, что такъ скоро исчезали восхищительныя мечты, однакожь сердце мое и во бдѣніи находило для себя великія радости, и воображеніе мое, очистившееся и возвысившееся, было для меня источникомъ многихъ удовольствій. Будучи всегда видима высочайшимъ Существомъ, дерзала я ласкаться, что мое терпѣніе и вѣра моя представляли очамъ Его пріятное зрѣлище. Будучи свидѣтелемъ всѣхъ моихъ дѣйствій [думала я], Богъ милосливо внимаетъ хвалебнымъ пѣснямъ моимъ — сія мысль оживляла и восхищала сердце мое, и я не почитала уже себя совершенно уединенною. Кромѣ любезныхъ мнѣ людей, жалѣла я еще, такъ сказать, прошивъ моей воли только объ одномъ изъ того, чего лишало меня заключеніе мое — о свѣтѣ и видѣ неба. Я не понимала,

ка-

какимъ образомъ можно скучать въ самомъ жестокомъ заключеніи, буде есть хотя одно окно, въ которое можно видѣть небо и поля. Наконецъ я такъ привыкла къ моему состоянію, что не только не желала смерти, но часто чувствовала, что еще и спрашусь ее. Часто былъ у меня недостатокъ въ пищѣ. Герцогъ приносилъ мнѣ хлѣба иногда на три и на четыре дни: по чему догадывалась я, что онъ намѣренъ былъ куда нибудь оплутиться; а когда запасъ мой изходилъ, я беспокоилась. Жизнь гонителя моего сопряжена была съ моею — и потому молилась я о продолженіи его жизни. Я не имѣла уже къ нему ни малой ненависти; да и можетъ ли быть такое адское чувство въ томъ сердцѣ, которое находитъ все свое утѣшеніе въ Религіи? Порочная любовь, злоба — все исчезло. Я жалѣла о Герцогѣ, представляя себѣ ужасное состояніе души его — его злобу, страхъ, угрызеніе совѣсти — и находила, что онъ весьма наказывался. При началѣ заключенія моего всегда ужасалась я, слышавъ его приходившаго. Мало помалу сіи жестокія движенія ослабѣвали, и я начала желать прихода его, не только для сохраненія моей жизни, но и для

для того, чтобы онъ перервалъ унылое и глубокое молчаніе моего уединенія. Приходъ его производилъ движеніе, шумъ, и доставлялъ мнѣ нѣкоторой родъ разсѣянія, которое хотя и не было для меня пріятно, однакожь сдѣлалось мнѣ весьма нужнымъ. Не могу изобразить, какъ живо было у меня сіе чудное желаніе слышать какой нибудь шумъ. Когда былъ сильной громъ, я слышала его. Не лзя описать, что я тогда чувствовала. Мнѣ казалось, что я уже не въ такомъ уединеніи. Сей величественной шумъ слушала я съ великимъ вниманіемъ и восхищеніемъ; и когда онъ совсѣмъ умолкалъ, чувствовала я въ себѣ нѣкоторое уныніе. Такъ провела я шесть или семь лѣтъ. Въ сіе время огорчалась иногда тѣмъ, что не знала ничего о матери и дочери моей. Напрасно черезъ окно спрашивала я о томъ Герцога — онъ мнѣ не отвѣчалъ ни слова, и вообще [послѣ того, какъ въ послѣдній разъ входилъ ко мнѣ и показывалъ письмо отъ моей матери] никогда не говорилъ со мною. Чтобы сносить сію жестокую неизвѣстность, имѣла я нужду во всемъ своемъ мужествѣ. Часто, когда молилась Богу о матери и дочери моей, сердце мое

мое трепетало и слезы у меня по лицу лились. Увы! восклицала я: живы ли онѣ? Я молюсь о ихъ благоденствіи, а можетѣ бытъ ихъ уже нѣтъ въ здѣшнемъ мірѣ! . . . Въ другое время имѣла я такую въ разсужденіи сего надежду, что не чувствовала ни малаго безпокойства, и въ семъ щастливомъ разположеніи духа еще льстилась тѣмъ, что какое нибудь чрезвычайное приключеніе можетѣ когда нибудь вывести меня изъ темницы. Сія мысль такъ сильно впечатлѣлась въ головѣ моей, и споль сильно занимала меня, а особливо въ послѣдній годъ моего заключенія, что я обѣщавалась Богу посвятить Ему всю жизнь мою въ какомъ нибудь уединеніи, естъли когда либо выду на свободу. Между тѣмъ приближалась я къ самой примѣчательнѣйшей эпохѣ жизни моей — къ минушъ моего освобожденія — и скоро благость Божія щедро наградила меня за претерпѣнное мною во время девятилѣтняго моего заключенія. Съ нѣкотораго времени полагала я, что Герцогъ не оплучается изъ замка; потому что всегда приносилъ онъ мнѣ пищу. Но однажды, когда уже оставалось у меня весьма немного хлѣба, ожидала я его съ великимъ нетерпѣ-

пѣніемъ; онъ не шелъ, и я, доѣвъ весь
оспальной запасъ свой, довольно покойно
заснула. Проснувшись, напрасно ожида-
ла я, что Герцогъ принесетъ мнѣ пищу,
которая часъ отъ часу спановилась мнѣ
нужнѣе. Я должна была перпѣть голодъ
и жажду, такъ что и заснуть не могла.
Въ семъ положеніи была я около сутокъ.
Тогда, чувствуя совершенное изнеможе-
ніе, почипала я себя умирающею и спо-
койно ожидала смерти.

КОНЕЦЪ XIV ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

XIV Части.

Сігран.

<i>Продолженіе.</i>	-	-	-	-	3
<i>Пустынники въ Нормандіи.</i>	-	-	-	-	56
<i>Дафнисъ и Пандроа,</i>	-	-	-	-	85
<i>Исторія Герцогини Ч * * *.</i>	-	-	-	-	145

